Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Николай Желунов

СЕРДЦЕ СУМРАКА

Сердце Сумрака
Николай Желунов

Аннотация
Николай Желунов. Сердце Сумрака
Пролог
Часть 1. Попытка к бегству
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Часть 2. Под колпаком у инквизиции
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Часть 3. Тайный дозорный
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
Эпилог

Аннотация

Двенадцатилетний сын Ночных дозорных не хочет идти по стопам родителей; он мечтает о мире для Света и Тьмы, но в его ауре мерцают все цвета спектра – несформированная судьба. Здесь – тайна, корни которой скрыты в веках. И платой за прикосновение к тайне может стать жизнь.

Герои Тайного Дозора пережили штормовую весну 1998 года – но мрачное пророчество легло тяжелым грузом на их души. И вот, семнадцать лет спустя, призраки прошлого появляются снова.

Набравшая силу Инквизиция все строже следит за Дозорами – но, когда ударит колокол рока, земля задрожит под ногами у правых и виноватых, у преступников и судей.

Николай Желунов
Сердце Сумрака

Серия «Дозоры»
Автор идеи С. Лукьяненко
Серийное оформление А. Фереза
Художник А. Гайворонская
Компьютерный дизайн К. Пасаданяна
Художественное оформление макета Е. Климовой и А. Булгаковой

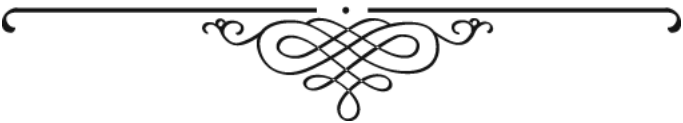
© Н. Желунов, 2019
© С. В. Лукьяненко, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Данный текст рекомендован для изучения всем Иным.

Инквизиция

Пролог



Листая страницы памяти в поисках точки отсчета, приведшей к катастрофе, я неизменно останавливаюсь на конце декабря 2008 года.

Мы с пятилетним Огоньком бесцельно шагаем вдоль берега моря — и волны перекатывают у нас под ногами камешки с тихим звуком «ш-ш-ш-шу». Зимний пляж превратился в пустыню, протянувшуюся на многие километры от Севастополя до Евпатории, лишь чайки кружат над обглоданными прибоем глыбами песчаника. Невидимое солнце скользит за облачной поволокой, и сырой, пробирающий до костей бриз гоняет над черными горбами волн призрачную тень тумана. На губах привкус соли. Я смотрю на горизонт — туда, где исполинская скала рухнула когда-то в воду, словно павший в битве атлант, и застыла фантастическим изломанным силуэтом. Тысячи лет волны пытаются растащить ее на

куски, оплетают канатами водорослей базальтовые мышцы мертвого великана, крутят пенные водовороты. Тщетно.

Огонек тянет меня за палец:

— Папа, почему в кино всегда снег на Новый год — а у нас нет?

— Потому что мы живем на юге. У нас снег выпадает редко и сразу тает.

— Превращается в воду?

— Да. Снег — это замерзшие капельки воды. Очень красивые.

— А юг — это Крым?

— Юг — это место, где всегда тепло.

Сын недоверчиво косится на меня, кутаясь в куртку. Я прячу усмешку — в Москве сегодня минус двадцать пять, а в нашем пляжном захолустье весь декабрь температура не опускалась ниже нуля.

— Папа, ты видел снег?

— Конечно. Раньше мы с мамой жили на севере, где зимой полно снега.

— А снеговика лепили? Как Кевин в «Один дома»?

— Спрашиваешь.

Огонек пыхтит мечтательно:

— Было бы здорово скатать снеговика!

Я обнадеживаю его:

— Когда-нибудь съездим в Москву к бабушке и дедушке. Там этого снега…

Но сам понимаю — мы не поедем. Даже приближаться к столице — слишком большой риск. Пресветлый Гесер не простил моей жене Нелли кражу ценного артефакта, и приказ об ее аресте все еще в силе. В памяти проносятся образы прошлого: лица погибших друзей из Тайного Дозора, грандиозный шабаш в «Лужниках» на Вальпургиеву ночь 1998 года, глумливая ухмылка Темного мага Дориана на заляпанных кровью губах — пока он жив, моя семья не может чувствовать себя в безопасности. Жесткое, словно высеченное из камня, лицо моего бывшего начальника, Скифа, с черной повязкой на выбитом глазу. Изредка я приезжаю в столицу, и каждый раз он ищет встречи со мной, но на вопросы о моей жизни в Крыму я отвечаю уклончиво. Тайный Дозор мы не поминаем.

Конечно, ведь Тайных Дозоров больше нет.

Или Гесер хочет, чтобы все так считали.

Ш-ш-ш-шу… ш-ш-ш-шу… — вкрадчиво шепчет прибой.

— Мама! — Огонек бросает мою руку и бежит прочь от берега тонкой тропкой вверх по расще-

лине. Края обрыва нависают над тропой с двух сторон, как бастионы двух вознесшихся к небу крепостей: одна из светлого песчаника, вторая из темного камня, — на их фоне фигурка сына кажется маленькой и беззащитной. Я иду следом.

Высоко на краю обрыва замер тонкий силуэт. Нелли зябко обхватила себя за плечи и напряженно смотрит вдаль, ощупывая взглядом туманную пелену над морем. Соленый ветер запутался в ее длинных, белых как лен волосах.

— Что-то случилось? — спрашиваю тихо.

— Ничего, Матвей, — так же тихо отвечает Нелли, но в голосе ее нет уверенности, — ровным счетом ничего.

Стоя рядом с нею, я долго вглядываюсь в серое мельтешение Сумрака над морем, и сомнения начинают одолевать меня. Что-то виднеется вдали, среди волн… может быть, то северный ветер пригнал синие льдины от далеких берегов… или хищные птицы дерутся в тумане над трупом дельфина…

Или это только обман зрения.

Ш-ш-ш-шу… ш-ш-ш-шу…

Между моих лопаток быстро скатывается холодная капля пота.

— До вешних зорь почил сей брег унылый, —

говорю я, чтобы разрушить молчание, — лишь глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах.

— Аминь, — Нелли кивает, стряхивая наваждение, — пойдем и мы спрячемся до весны… Ну, что? Здесь кто-нибудь хочет пиццу с грибами и сыром?

— Я хочу! — кричит Огонек. — Папа, а что такое брег?

Мы шагаем к нашему дому с зеленой черепичной крышей, и сын со смехом повисает между нами, вцепившись в наши руки.

Вскоре мы едем в Севастополь и гуляем по набережной. Людей много: выходной день, солнечная погода. Огонек носится за голубями, ест сахарную вату и перебегает от одной сувенирной лавчонки к другой, с восхищением разглядывая игрушки. В тихой Каче жизнь скучновата, и редкие вылазки в город для него — праздники. Мы с Нелли на минуту задерживаемся у кафе, изучая меню, — и вдруг я замечаю, как лицо жены стремительно бледнеет.

Я оборачиваюсь, готовый ко всему.

Огонек живо обсуждает что-то со смуглым костлявым мальчишкой лет семи. Они обмениваются игрушечными пистолетами, и новый знакомый

показывает нашему сыну, как крепится к стволу оптический прицел.

Аура мальчишки — густо-серая, с черной окантовкой. Темный!

— Ты приехал отдыхать или здесь живешь? — спрашивает он.

— Я живу… — начинает Огонек, но в этот момент Нелли подхватывает его на руки, словно грудничка, и почти бегом уносит прочь. Темный мальчишка с изумлением смотрит вслед.

«Возможно, это ничего и не значит, — думаю я. — Он признал в Огоньке будущего Иного и, естественно, потянулся к нему. Свет и Тьма! Да они же просто маленькие мальчишки с пластмассовыми пистолетиками…»

Но вся наша жизнь теперь становится другой. Мы не забыли пророчество. Рано или поздно мы с Нелли столкнемся с чем-то поистине ужасным — из-за того, что полюбили друг друга. И никуда не уйти от предположения, что это может быть связано с нашим сыном. Мрачное прошлое снова коснулось нас ледяным дыханием. Пусть наш дом надежно защищен — но на любой магический барьер найдется магический таран. Я держу один пистолет в прихожей, в сейфе, второй — в ящике у изголовья кровати в спальне. Нелли по утрам

выполняет упражнения с катаной… но мы оба знаем: враг любит нападать большими силами — а у нас лишь два клинка и три ствола.

Вечером тридцать первого декабря я прошу Огонька выйти с закрытыми глазами на крыльцо. Когда он открывает глаза — вскрикивает от радости. Наш двор, ветви абрикосовых деревьев и крыши соседних домов покрыты пушистым белым снегом. Косматые снежинки, кружась, падают с неба, и Огонек ловит их ртом, с изумлением разглядывает мельчайшие льдистые узоры на рукаве куртки. Слепив снеговика, мы возвращаемся домой — счастливые и мокрые.

— Не делай так больше, — шепчет Нелли, — во всем Крыму ни снежинки, а нас завалило. Даже дураку ясно, что здесь магия.

— Мало ли колдунов в Крыму, — возражаю я, — уже нельзя ребенка порадовать снегом в новогоднюю ночь?

— Пожалуйста, не надо, Матвей. Мне страшно.

Я молча качаю головой. Что же нам теперь, вообще отказаться от магии? Мы и так ее используем нечасто. Вылечить заклятьем насморк, склеить разбитую чашку… а еще я порой навешиваю над женой «сферу невнимания»: когда Нелли выходит в купальнике на пляж, мужчины вокруг

становятся назойливо общительными. Вот и все колдовство, что мы позволяем себе.

Немного не дотерпев до курантов и речи президента по телевизору, Огонек засыпает за столом, и я уношу его в кроватку.

Мы допиваем шампанское и отправляемся в спальню. Занимаемся любовью, а после долго шепчемся в темноте, перебирая воспоминания, словно выцветшие фотографии. Еще один год ушел в прошлое. Неподалеку все так же мерно вздыхает море (ш-ш-ш-шу), но грохот волн стал громче — к полуночи усилился ветер. Штормовые порывы проносятся над длинным изломанным берегом, вздымая песчаные смерчи, срывая с обрыва камни и бросая их в соленую пучину. Но в нашем доме — сонный покой и тепло. Я понемногу соскальзываю в дрему…

…и слышу тихий звук из комнаты сына.

Стук в окно.

Он повторяется — тревожный, настойчивый, четкий.

Тук-тук-тук.

Нелли уже стоит в коридоре — по голым плечам рассыпались светлые волосы, — и катана в ее руке сверкает лунным серебром.

Я достаю пистолет. Мы неслышными тенями

вплываем в комнату Огонька.

Он спит, разметавшись в кроватке. В Сумраке переливчатым теплым светом сияет над ним аура — очень редкая радужная аура будущего Иного с несформированной судьбой. А за двойным стеклом, на подоконнике, примостился огромный ворон. Он пристально смотрит на нас черным лукавым глазом, и я вижу в нем насмешку. В печной трубе злобным воем заходится ветер, обещая беспокойную ночь всем, кто сейчас в море. Ворон снова стучит клювом по доске, а затем тяжело взмахивает крыльями и растворяется в бескрайнем облаке мрака над закипающей штормом пучиной.

— Это просто птица, — говорю я Нелли, — всего лишь птица.

Но мы оба знаем, что это не так.

Часть 1
Попытка к бегству

Глава 1

Санкт-Петербург, набережная реки Карповки, 30

19 сентября 2015, 21:36

Вкус крови на губах.

За стенкой ударил исполинский колокол, разрывая барабанные перепонки. Прокатилась по квартире упругая обжигающая волна — и пала тьма.

В безмолвии комаром звенело эхо.

Багровый водоворот… едкий запах горелого пластика… и соленый вкус крови.

Неужели это — смерть?

Нелли вздрогнула, жадно втянула воздух в легкие.

Сразу же пришла боль, давящая, пульсирующая — отзвук свирепой колокольной затрещины. Боль приливами скручивала тело, сосредоточивалась в висках и кончиках пальцев. Боль сочилась

из носа горячими каплями.

Жива!

Превозмогая тошноту, Нелли открыла глаза.

Она сидела на кухонном полу, среди битого фарфора и кусочков мелко рубленных овощей для салата. Под окном — опрокинутая табуретка. Над ней цветастая занавеска с черным дымящимся краем.

Пошатываясь, Нелли встала на ноги. Безотчетным движением, опалив руку, сорвала тлеющую занавеску, выключила газовую плиту.

Они нашли нас!

В глазах расплывались огненные круги боли.

Держась за стену, она вышла в коридор. По лицу текло горячее, соленое — вытерла, бросила взгляд на ладони: пальцы были в крови.

— Огонек, — позвала срывающимся шепотом.

Он стоял в проеме двери: целый и невредимый, лишь слегка испуганный подросток с планшетом в руке.

— Ты слышала, мам? Как будто гром ударил. А небо ясное…

Гром ударил. Они нашли нас!

Да, бомба взорвалась в Сумраке — но удар был такой силы, что его отзвук прорвался в физический мир, и его услышали обычные люди… такие,

как Огонек.

— Мам, у тебя кровь носом идет.

— Одевайся, Ярослав. Быстро.

Он подчинился, не задавая вопросов. Если мать назвала его не по прозвищу, а по имени — дело и правда серьезное.

Нелли понимала: времени на сборы нет. Район наверняка окружен. Заклинанием остановила кровотечение. Схватила куртку, оружие. Заглянула в сейф — все амулеты были пустыми, холодными, как камни на дне ручья. Логично — бомба высосала из них всю Силу. Прикрывая собой Огонька, Светлая Иная толкнула тяжелую стальную дверь, выскользнула из квартиры на лестничную клетку. Скомандовала:

— Закрой глаза, сын.

Трупы Темных были повсюду. Трое или четверо погибли у самой двери, от них остались лишь почерневшие кости да вонь паленого волоса. На площадке этажом выше тлела какая-то неясная груда.

— Давай руку и держись позади.

Осторожно ступая по лестнице, мать и сын обошли переломанное, словно из мясорубки, тело вампира. Его изорванные кожистые крылья все еще мелко подрагивали. Упырь был очень силен

— но до смерти ему оставались мгновения.

Где-то наверху скрипнула дверь, и забубнили испуганные голоса:

— Нина Порфирьевна, вы слышали?

— А что случилось? Газ взорвался?

— Ох, как бы не пожар. Горелым-то как воняет на все парадное. Звоните ноль-один…

Мощную сумеречную бомбу спрятал на потолке над входом в квартиру муж Нелли, Матвей Гордеев. Бомба не могла причинить вреда обычным людям, но никто из Иных в радиусе нескольких десятков метров не должен был уцелеть. Если только он не находился в квартире Гордеевых — ее закрывал целый каскад защитных заклятий.

— Если кто-то попробует проникнуть к вам без приглашения — пусть пеняет на себя, — сказал Матвей, — будь он Темный, Светлый или Инквизитор. Впрочем, никто не придет. Никто во всем мире не знает, что вы здесь.

Итак, Матвей ошибался.

Выставив перед собой серебряный револьвер, Нелли шла вниз, этаж за этажом. Обожженная рука ныла, в висках стучали тяжелые молоточки боли.

Нужно просто убраться как можно дальше отсюда. Потом зализешь раны.

Еще один лестничный пролет — и еще трое мертвых Темных.

— Не смотри вниз, Огонек.

— Я не боюсь.

Много, как их много! На Иную пятого уровня и двенадцатилетнего мальчишку спустили целую свору. Все — матерые, хорошо вооруженные бойцы. Это их не спасло. Сын не задавал вопросов. Он не был Иным (отец не спешил его инициировать), но знал о них от родителей. Знал о Дозорах.

Первый этаж. Ржаво скрипнула дверь, и в темноту подъезда пролился бледный свет уличных фонарей. Нелли опасливо выглянула во двор… еще несколько Темных лежали там в позах, не оставлявших сомнения: они умерли быстрой, но мучительной смертью.

Неужели все? Никого не осталось? Сердце забилось безумной надеждой.

— Погоди-ка, мам, — позвал Огонек сиплым голосом, — смотри…

Там, где заканчивалась лестница, на грязной выщербленной плитке лежало худенькое тело. Девочка лет восьми или девяти в легком домашнем платье. Нелли сжала ее холодное запястье: пульс был едва ощутим.

Сквозь ужас и тревогу пробилось изумление.

Девочка была Иной. Светлой!

Невероятно. Как она выжила при взрыве?

Подумаешь над этим потом.

Нелли подхватила девчонку на руки…

…и услышала во дворе шум. Кто-то вполголоса, по-военному, отдавал команды.

— Ярик, быстро в подвал.

Путь к отступлению под землей показал ей Матвей — вчера, перед отъездом в Москву, «на всякий пожарный». Дверь с перекушенным замком легко распахнулась, и беглецы оказались среди затянутых паутиной труб и влажных стен. Спустя несколько минут они выходили из подъезда дома № 54 по Чкаловскому проспекту, уже за спинами своих преследователей — навстречу сгустившейся осенней ночи.

* * *

Ледяной ветер с Балтики швырял в лицо капли дождя, пронизывал до костей — но Нелли почувствовала себя лучше: кровотечение из носа прекратилось, и мысли перестали путаться.

Матвей защитил нас, но убил множество Темных. Не важно, с какими целями те явились — Дневной Дозор Петербурга уже, конечно, поднят по тревоге. Нас будут искать исступленно, кипя

желанием отомстить за сгоревших в пламени взрыва соратников. В городе оставаться нельзя.

Но как маленькая Светлая девчонка оказалась среди Темных боевиков? Почему все нападавшие погибли, а она жива?

Черная кошка бросилась под ноги Нелли, перебегая дорогу по своим делам. Почуяла Светлую ауру и с шипением отпрянула.

— Брысь, нечисть!

Они скользнули в подворотню. Женщина ощупала лицо сына, плечи, грудь:

— Скажи мне, что ты цел.

— Я в полном порядке.

— Крови нет?

— Ни царапины, — мальчик нахмурил светлые брови, — что ты со мной как с маленьким?

— А ты уже большой, хочешь сказать?

— Большой! И помощь нужна не мне, а тебе!

Три длинных черных автомобиля, разбрызгивая лужи, пронеслись по улице.

Это за нами. Поторопись.

Светлая волшебница осмотрела девочку. Та оставалась без сознания. Бледное тонкое личико, густо усыпанное веснушками, рыжие локоны и ресницы, нежные лепестки ауры — похоже, ее только сегодня инициировали. Что успели

увидеть детские глаза? Если оставить ее здесь — Темные найдут. Девочка так слаба, что достаточно не оказать ей помощь, и она сама погрузится в Сумрак навсегда. Нелли прикинула шансы спастись с ребенком на руках… но нет, бросить девочку умирать она не могла. Нужен кто-нибудь из Светлых, кто угодно: передать ему малышку — и бежать.

Использовать магию — опасно. Ее могли почуять. Но еще опаснее — пробираться темными улицами без всякой защиты.

Описание твоей внешности у них, конечно, есть. Значит, с этого и начни.

Ее губы шевельнулись — и Сумрак пришел в движение. Он жадно пил струйки Силы, взамен давая Нелли новое обличье.

Вскоре из подворотни появилась смуглая цыганка в нейлоновой куртке. На руках у нее — закутанная в пуховой платок черноволосая девчушка с косичками. Следом шел цыганский подросток в видавшем виды пальтишке и большой не по размеру кепке. В дополнение к «хамелеону» Нелли набросила «сферу невнимания» — так она чувствовала себя хоть немного защищенной. От сильной поисковой магии «сфера» не спасет.

На них охотились — но до поры Нелли везло.

Она замечала Темных издали и вовремя сворачивала в сторону.

— Куда мы бежим? — спросил «цыганенок». — У тебя есть план?

Женщина не ответила. Руки ныли от усталости: девочка уже не казалась такой легкой. Но бросить ее на улице невозможно. Даже если отвезут к врачу — она скорее всего не дотянет до утра, потому что тут нужен не простой врач. Добраться до офиса Ночного Дозора на Литовской улице? Во-первых, далеко. Во-вторых, Нелли там могут арестовать. Хоть бы один Светлый попался на пути…

От усталости и отчаяния она потеряла бдительность — и не заметила, как возле метро «Петроградская» у них появился спутник. Мужчина в старомодной шляпе и сером пальто тенью скользил за женщиной с двумя детьми; он достал смартфон и быстро заколотил пальцами по экрану.

— Мам, — тихо позвал Огонек, — оглянись.

Нелли опустила руку в карман (там лежал револьвер).

Спуститься в метро — о нет! Мысль о подземелье подняла из глубины подсознания дрожь клаустрофобии. Слишком легко там загнать

жертву в западню. Стрелять? Но Темный тоже откроет огонь и может попасть в детей…

Она обернулась, готовая к стычке.

Темный стоял на тротуаре, облитый липким неоновым светом с вывески над книжным магазином «Буквоед», — и смотрел им вслед. Усмехнулся, демонстрируя пару острых клыков.

«Сфера невнимания» не спасла.

Не давая ужасу сковать себя, Нелли бросилась к припаркованному у автобусной остановки такси, втолкнула на заднее сиденье сына, втиснулась сама. Голова девочки безвольно покачивалась у нее на плече.

— Московский вокзал, скорей!

Таксист, коренастый, коротко стриженный мужичок, не заметил ее появления в салоне. Он увлеченно изучал на экране смартфона ставки на футбольные матчи.

«Сфера!» Сбрось ее!

Нелли сняла заклятье и похлопала таксиста по плечу.

Мужичок обернулся, смерил пассажиров недоверчивым взглядом:

— А деньги у вас есть, бродяги?

Он уже собрался выставить «цыган» на улицу, но встретился взглядом с Нелли — и вдруг лицо

его стало безмятежным и сонным; сразу же такси сорвалось с места, словно гоночный болид. Сквозь покрытое каплями окно волшебница видела, как Темный бежал за ней, — но машина стартовала у него из-под носа; преследователь снова схватился за смартфон.

Сейчас скинет номер и марку такси всем своим друзьям. Меняй машину.

— Остановись, — скомандовала Нелли спустя три минуты и два перекрестка.

Поздно. Выйдя из такси, она увидела впереди слепящие огни фар. Черный «Гелендваген» выкатился из переулка и, набирая скорость, понесся навстречу.

Все, что успела сделать Нелли, — схватить детей в охапку и забраться на заднее сиденье припаркованного позади такси автомобиля, серебристого «Лексуса RX». Сидевший за его рулем мужчина в деловом костюме немедленно покрылся пятнами и закричал:

— Какого дьявола! Убирайтесь!

— Глуши мотор, — тихо сказала Нелли, — заблокируй двери.

Глаза мужчины потухли.

— Слушаюсь, — произнес он неожиданно тоненьким, каким-то цыплячьим голоском, —

простите, не сразу признал…

Реактивный гипноз работал порой странным образом. Сейчас человек принял волшебницу за кого-то знакомого. В его подсознании обитал некий образ, которому он готов был беспрекословно подчиняться, — и мужчина связал Нелли с ним.

— Хотите сигарету? — дребезжал он. — Хотите жвачку? У меня есть сок, к сожалению, теплый, но…

— Замолчи и спрячься.

Двигатель стих. Щелкнул блокиратор дверей. Владелец «Лексуса» лег на передние кресла и накрылся газетой.

Сквозь шелест капель дождя беглецы слышали, как хлопнула дверь «Гелендвагена». Свет фонаря заслонила тень.

— Вытащи водилу, — бросил угрюмый бас, — вы двое — проверьте дворы вокруг. Сучку можно в расход, щенка брать живым.

Мозг Нелли напряженно работал. Она успела снова набросить маскировочное заклятие — и сквозь Сумрак Темные не могли увидеть ее и детей (если не использовать специальные поисковые заклинания), — но «Лексус» стоял совсем рядом. Если кому-то из преследователей придет

в голову проверить машины вокруг? Оставалось надеяться, что они не задержатся здесь долго. В салоне было душно и пахло въевшимся сигаретным чадом. На зеркальце над лобовым стеклом покачивался освежитель воздуха «елочка» с рекламой страховой компании, под ним игрушка на нитке — шкодливый чертик в кепарике с надписью на животе «Деньги есть? А если найду?».

Нелли нащупала в темноте руку сына и сжала ее.

Не двигаться. Громко не дышать.

Бас пророкотал что-то, в ответ раздалось невнятное бормотание таксиста. Он все еще находился в состоянии постгипнотического шока. В любом случае рассказать он мог мало.

Завизжали тормоза, и снова захлопали дверцы машин. Пространство вокруг «Лексуса» быстро наполнялось тенями; они закрыли свет фонарей. На тротуаре, на стриженой траве сквера, на залитой лужами дороге собрались не меньше двадцати вооруженных мужчин и женщин.

Хорошо, что льет дождь — иначе они учуяли бы наш запах.

— Какие новости?

Нелли почувствовала, что близка к обмороку. О, этот бархатный глумливый голос был ей слиш-

ком знаком.

Дориан…

Сердце словно сдавила ледяная рука. Стало трудно дышать. Зачем, зачем они не бежали прочь, зачем спрятались здесь? Он, конечно же, почует их, он — сам дьявол.

— Предположительно, — отвечал угрюмый голос, что отдавал ранее приказы, — они ехали в этом такси.

Мать и сын переглянулись.

Они не уверены, что это были мы.

— Почему ты еще не выяснил это, оперативник? — голос Дориана стал холодней.

— Мы прибыли минуту назад…

— За минуту даже мелкий колдунчик успеет просочиться в канализацию. Ты что, никогда не допрашивал с пристрастием?

— Допрашивал, но…

— Ты чего-то боишься, малыш?

— К дьяволу это дерьмо, — начал закипать оперативник, — здесь всюду Ночной Дозор… быстро вскроешь ему память — мозги выкипят. Светлые этого так не оставят. Ты сегодня приехал в Питер и завтра свалил, а нам тут жить.

— Смотри и учись, трусишка, — снисходительно бросил Дориан.

Нелли вся обратилась в слух. Злосчастный водитель такси застонал, как при сильной зубной боли, — и вдруг закричал истошно, жутко, словно его окунули в кипящее масло. Сумрак клокотал. Тени вокруг такси подались в стороны.

Лицо Огонька во мраке казалось белым. Нелли осознала: «хамелеон» больше не действует, к ним вернулся настоящий облик. Волшебство рассеялось — слишком слабой, слишком усталой была она, когда сплела его. Держится ли еще «сфера невнимания»?

Вопль таксиста оборвался, за ним последовал звук упавшего тела.

— Ошибки нет, — весело сообщил Дориан, — они были почти у нас в руках. Ищите, ищите — они где-то здесь, совсем близко! Мамашку принесите мне, можно частями. Но мальчуган нужен целым и невредимым, — голос Темного мага упал, — найдите пацана — иначе нас всех ждет кое-что похуже смерти. Ну, разойдись!

Топот и гул голосов… агенты Тьмы разбегались. Сразу стало светлей — и как будто бы легче дышать.

Ушел ли *он*?

Нелли, кусая губы, смотрела на струйки дождя на стекле. Горячая капелька пота прокатилась за

ухом, юркнула за воротник.

Кто-то остался у машины: тень закрывала оранжевый свет фонаря. Вот он нагнулся — по-видимому, над телом таксиста.

Он здесь.

Светлая Иная осторожно извлекла из-за пазухи маленький, пахнущий машинным маслом револьвер.

Если эта тварь рискнет коснуться Огонька — я выпущу все шесть пуль в его черные безумные глаза.

В этот момент девочка застонала и шевельнулась у нее на руках:

— Мама… мамочка, меня тошнит…

— Тише, пожалуйста, — зашептала Нелли, — тише, маленькая.

Девочка с удивлением и страхом вгляделась в ее лицо:

— Вы кто такая? Где я?

— Я друг, — Нелли попыталась выдавить улыбку, — не бойся. Здесь рядом — очень плохие люди, ищут нас. Пожалуйста, тише…

— Бандиты?

— Да.

Девчонка на миг замерла, хлопая длинными ресницами, — но не удержалась и всхлипнула.

Сейчас, сейчас он услышит.

Опасность заключалась и в том, что девочка была Иной. Она могла — даже ненамеренно — уйти в Сумрак и таким образом сразу же выдала бы их: магическую активность Темные почувствуют.

— Тише, тише, моя хорошая.

— Где моя мама? — спросила девочка сквозь слезы.

Слишком громко!

— Я знаю тебя, — вдруг зашептал Огонек, — ты ведь Лина, так? Из шестнадцатой квартиры. Я видел тебя у нас во дворе.

Девочка повернулась к нему, всмотрелась в лицо.

— А ты — Ярик?

Он кивнул и сжал ее ладонь белыми от напряжения пальцами:

— Линка, сейчас очень важно, чтобы мы посидели тихо. Представь, что это такая игра, ладно?

Девочка ничего не ответила, но плакать перестала. Нелли перевела дух. Она пыталась разглядеть хоть что-нибудь в сыром тумане за стеклом. Болезненно-мутный свет фонаря то появлялся, то исчезал, заслоненный чем-то. Неизвестность давила. Что, если Дориан обошел машину и сейчас готовится разбить заднее стекло

и вцепиться в Огонька?

Тень снова скрыла свет оранжевой лампы над улицей.

Уходи, уходи отсюда, тварь.

Тень шевельнулась, поплыла в сторону… исчезла из поля зрения. Еще шаг, и Темный окажется около водительского окна и — если бросит взгляд внутрь — увидит, что «Лексус» не пуст. Задние окна закрыты тонировкой, но передние…

Какой стремительный поворот сделала жизнь. Каких-то полчаса назад ты, беспечно напевая песенку, резала салат на ужин.

Нелли взвела курок. В тишине салона его щелчок прозвучал как треск сломанной кости.

А может быть — это шанс.

Шанс отомстить! Покончить с Дорианом навсегда.

У него высокий уровень Силы, возразил холодный голос в глубине. Даже твои нафаршированные магией пули могут не нанести ему урон — так уже бывало, вспомни. А на звук пальбы сбегутся Темные. Давно ушло то время, когда ты рисковала жизнью, не раздумывая. Теперь ты должна думать об Огоньке. Так что пусть тварь уходит.

Но тварь не ушла.

Тук-тук-тук.

Тихий стук в окно водителя.

В памяти вспыхнул промозглый новогодний вечер в Крыму семь лет назад — и черный ворон на подоконнике, с насмешкой глядящий на испуганных Иных за стеклом. Черный ворон, спустившийся с грозовых туч, провозвестник беды.

Тук-тук-тук.

— Кто-кто в теремочке живет? — вкрадчиво спросил приглушенный стеклом голос. — Кто-кто в машинке под газеткой лежит?

Владелец «Лексуса», до того момента лежавший неподвижно, задрожал так, что газета над ним затряслась.

Вот и все. Конец.

Мать встретилась взглядом с сыном.

— Бери девочку и беги, — шепнула она, — я задержу его.

Огонек вздрогнул. Глаза его стали глубокими, как два колодца.

Он мог бы стать Великим. Он мог бы…

Мальчик медленно покачал головой.

— Это приказ, Ярослав. Отправляйся в Москву и найди отца.

Тук-тук-тук — громче, настойчивей.

Нелли подняла револьвер, прицелилась на

звук. Мальчик зажал уши ладонями.

Стреляй сквозь дверь, пока он не открыл ее.

Но они услышат… они где-то рядом…

Выхода нет.

Влажный палец скользил по спусковому крючку, который внезапно показался слишком тугим. Слишком гладким.

Лина съежилась в комочек у Нелли на коленях, закрыла лицо.

Стреляй же!

— Ночной Дозор! — прогремел властный голос. — Эй, подними руки!

Мутное черно-оранжевое марево вспорол ослепительно-белый луч света. Дориан не ответил: только донесся сквозь шелест дождя топот убегающих ног.

— Здесь труп! — возбужденно крикнул новый голос.

— Бегом за тем парнем, быстро, быстро!

Топот и крики унеслись вдаль… стихли…

Нелли вытерла пот, градом катившийся по лицу.

— Поднимайтесь, — сипло бросила водителю. Тот послушно сел и взялся за руль, глядя перед собой оловянным взглядом, — а теперь спокойно, не привлекая внимания, везите нас на Москов-

ский вокзал.

* * *

Центр Петербурга стоял в пробках. Стук дождя по мокрым спинам машин, гудки клаксонов, алые мерцающие глаза светофоров на перекрестках и бегущие по тротуарам люди с зонтами.

Нелли проверила карманы куртки. Кошелек с несколькими мелкими купюрами (банковскими картами она не пользовалась, чтобы не давать ищейкам шанса). Упаковка бумажных платков. Помада. Полупустой флакончик туалетной воды «Шанель» — подарок мужа на день рождения. Не густо. Мобильный телефон остался дома — но пользы от него сейчас не было бы. Можно позаимствовать смартфон у водителя, но…

По звонку тебя отследят моментально.

— Мне плохо, — напомнила о себе Лина слабым голоском, — я хочу к маме…

— Потерпи, скоро приедем, — неуверенно сказал Огонек.

— Меня тошнит…

— Водитель, опустите стекло, — попросила Нелли.

В открытое окно ворвался поток холодного, напитанного влагой воздуха — и девочку в тонком

платьице сразу пробила дрожь.

— Мама…

— Все будет хорошо, Лина.

Но она понимала: ничего хорошего девочку не ждет. Ее и в самом деле инициировали недавно, вероятно, несколько часов назад. Первые погружения в Сумрак — это всегда испытание, а в таком возрасте тем более. Ненасытный ледяной океан высосал из ребенка слишком много сил.

Что, если она умрет прямо сейчас, у тебя на руках?

«Лексус» с черепашьей скоростью полз в пробке; водитель включил поворотник, выруливая с Садовой улицы на Невский.

— Лина, постарайся вспомнить. Как ты оказалась в нашей парадной?

Губы девочки шевельнулись:

— Я попросилась у мамы выйти погулять во двор… Там играли в классики… вдруг стало тяжело дышать… стало темно. Потом открыла глаза — и вижу вас…

— Ты помнишь, как взорвалась бомба?

— Какая бомба?

Огонек отчаянными глазами смотрел на мать: что будем делать?

Мог бы помочь искусный и сильный целитель.

Но пока его отыщешь… И здесь, в самом центре города, Темные, конечно же, внимательно наблюдают за Сумраком. Любую магическую активность заметят.

Нелли рассчитывала добраться до вокзала, проникнуть в скоростной поезд и скрыться из города. Аэропорт она отвергла сразу — там их легко отследят. Ехать на автомобиле — идея получше, но ночью на темной трассе они будут беззащитны. Среди пассажиров «Сапсана» легче затеряться, и до столицы всего четыре часа езды.

Но они же не идиоты. На вокзале тебя уже ждут.

Эта мысль подняла новую волну страха и тоскливое чувство обреченности. Делать нечего, придется снова рисковать и тратить капли накопленной Силы на «сферу невнимания» и «хамелеон». И надо найти хоть кого-нибудь из Светлых, чтобы отдать ему девочку.

— Пожалуйста, тетя… я задыхаюсь…

А Лина угасает. Смотри: лицо становится не просто бледным — серым, как осеннее небо; из него ушла вся кровь, сухие губы словно покрылись синеватой коркой, и полупрозрачные пленочки век скрывают глаза…

— Мам, чем я могу помочь? — маялся рядом

Огонек.

Ничем, сын. Похоже, ты сейчас впервые увидишь, как приходит смерть.

— Мама?

Нелли решилась.

Будь что будет. Она нырнула в Сумрак и торопливо пробормотала замысловатую формулу заклятия. Сейчас же тонкая нить Силы протянулась, как луч, от ее сердца к груди Лины.

Волшебство было не особо сложным: заклятие «золотой нити» накрепко, словно пуповиной, соединяло двух Иных энергетическим каналом. Теперь девочка получала Силу напрямую от Нелли. Скоро она придет в себя, но отныне они со своей спасительницей обречены быть вместе. Не навсегда: на несколько дней или неделю, но оборвись эта нить — Лина точно умрет; если Нелли погибнет — тоже. И неизвестно, какая судьба печальней: угаснуть здесь от полной потери Силы или оказаться на пути у Дориана.

Действие колдовства проявилось сразу же! Лина задышала ровней и опустила ресницы, словно задремала. На веснушчатых щеках появилось подобие румянца.

— Теперь держитесь, детки, — прошептала Нелли.

Дневной Дозор не замедлит отреагировать. Если бы машина не ползла так медленно…

Светлая волшебница выглянула в окно и увидела впереди вытянутый силуэт обелиска на площади Восстания и рядом — сияние неоновых слов «Московский вокзал». Но гораздо ближе — Темного Иного в форме офицера ГИБДД. Тот быстро шел наперерез автомобилю, вскинув полосатый жезл.

— Стой! Проверка!

Как быстро. Свет и Тьма, как быстро!

— Остановись, — шепнула Нелли водителю, — поговори с ним.

«Лексус», покачнувшись, застыл посреди залитого огнями фонарей, гудящего клаксонами машин проспекта.

— Документы, — чуть задыхаясь, проговорил Темный в приоткрытое окошко.

Зачем ему документы?

Он оказался совсем молодым — розовощекий от азарта охоты, старательный начинающий дозорный, — впрочем, это могло быть лишь маской. Вскоре подоспеет подкрепление, но сейчас он один. В этом твой шанс.

Не упусти его. Пара минут у тебя есть. Не больше.

Стреляй только в крайнем случае. Стрельбу они услышат.

Нелли спрятала револьвер.

— Документы!

Водитель крепко сжимал ладонями шершавую кожу руля, отводя взгляд. В открытое окно летели мелкие капли.

— Вы что, оглохли, уважаемый? — Темный начал нервничать. — Долго мне ждать?

Нет, он и в самом деле новичок. Опытный дозорный уже просканировал бы машину через Сумрак и знал бы, кто в ней находится. Новичок — это хорошо. Есть надежда, что он плохо понял задание.

— Покажи ему права, — тихо приказала Нелли.

Обладатель «Лексуса» повернул к ней посеревшее, плохо выбритое лицо. В запавших глазах она прочла отчаяние.

— Что с тобой?

Темный занервничал сильнее:

— Кто там у вас в машине? С кем вы разговариваете?

— Дорогая моя, драгоценная… — тоненько пролепетал водитель.

Нелли все поняла. Человек ездил без прав. Со-

лидный деловой мужчина на хорошей иномарке вопиющим образом нарушал Правила дорожного движения. Робкая надежда на то, что страж дороги просто проверит документы и отвалит, погасла.

Губы водителя дрожали, по щекам покатились слезы. Погруженный в гипнотический транс бедняга испытывал жесточайшие страдания от того, что не мог исполнить приказ.

— Бесценная моя…

Только этого не хватало!

Лина всхлипнула и прижалась к Огоньку.

— Гражданин! — Полосатый жезл часто забарабанил по капоту. Водители автомобилей недовольно гудели, объезжая неожиданное препятствие.

Рука Нелли снова потянулась к оружию за пазухой.

Стрелять — только в крайнем случае.

Какой у него уровень Силы? Не видно. Если бы пятый, как у тебя, или ниже…

— Выходите из машины! С поднятыми руками! Это приказ.

Сумрак заволновался — сквозь машину полетели волны сканирующего заклятья. Темный наконец делал то, что надо было сделать сразу.

— Сиди, не двигайся, — сказала Нелли водителю, — по моей команде поедешь вперед.

— Я буду считать до трех! — крикнул Темный, расстегивая кобуру пистолета на поясе. — Один! Два!..

Нелли распахнула дверцу и вышла под хлещущие ледяные плети дождя.

— Стоять на месте! — Лицо Темного на миг вытянулось, а затем в уголках его губ… заиграла ухмылка. Парень был счастлив — ведь именно ему удалось поймать Светлую, за которой охотилась вся армия Тьмы. Рука его нырнула в кобуру.

Шестой уровень. Пожалуй, почти пятый, близко к твоему, но все же слабее тебя, значит, ты можешь…

Волшебница поймала его взгляд.

— Это крысиный яд, — отчеканила она, поднимая флакончик «Шанели» к глазам полицейского и нажимая на пульверизатор.

Полицейский выронил жезл — и с воплем покатился по мокрому асфальту.

— Едем, едем, едем! — Нелли впрыгнула обратно.

«Лексус» рванулся вперед.

Темный кричал, царапая веки, раздирая воплем легкие — его лицо покраснело, как от ожога,

глаза горели невыносимой болью.

— Я умираю, ах ты, сука, подлая мразь, гадюка! Я ослеп, я умираю!!

Дождь барабанил по крыше, по спинам прохожих, по круглым щекам кариатид, вцепившихся в балконы. Высоко над автомобилем поплыл серый обелиск с золотой звездой на вершине.

— Приехали, дорогая моя, — проворковал водитель. — Московский вокзал.

Он был на седьмом небе от счастья: приказ хозяйки выполнен.

— Не останавливайся, — дрожащим голосом велела Нелли, — езжай мимо, скорей, скорей!

Она вжалась в кресло. Вдоль тротуара у здания вокзала частой цепью стояли Темные. Нелли не нужно было заглядывать в Сумрак, чтобы увидеть их мерцающие боевые жезлы и налитые Силой амулеты. Здание напоминало готовую к обороне крепость. Какой уж тут «хамелеон»... Светлая волшебница поникла на заднем сиденье, борясь с подступающими слезами.

Глава 2

Санкт-Петербург, Ладожский вокзал
19 сентября 2015, 23:51

Если бы Нелли могла связаться с Матвеем! За семнадцать лет нелегальной жизни она привыкла полагаться на мужа. Расслабилась. Книжник — ее угрюмый дядя — исчез, не оставив следа или весточки. Матвей устроился на тихую работу: аналитиком в симферопольский офис Ночного Дозора — и о семье на работе молчал. Он самостоятельно изучал Сумрак и за несколько лет упорного труда смог подняться до второго уровня Силы. Нелли и Матвей устали прятаться от всего мира, но решение о переезде в Санкт-Петербург приняли после мучительных размышлений. В одной из командировок Матвей свел знакомство с аналитиком питерского Дозора с кодовым именем Лесник и получил приглашение перейти к нему на работу. Они с Нелли проговорили целую

ночь, взвешивая «за» и «против». Сыну нужно хорошее образование. В Крыму он пошел в школу только с четвертого класса — до того родители учили его сами.

Они боялись всего, что касалось возможной судьбы Огонька. Безотчетно, подсознательно. Хотя рассудок говорил: прошло много лет после тревожных событий 1998 года, и в большом городе шансы столкнуться с врагом невелики. В Северной столице в отличие от Москвы их никто не знал, а прикрытие сочинить нетрудно.

— Будем поменьше оставлять Огонька одного, — говорил Матвей, разбирая и смазывая пистолет, — и попробуем разузнать что-нибудь о Дориане. Гадюке надо срубить голову. Но сами ничего предпринимать не станем. Он в розыске с девяносто восьмого года — вот пусть Инквизиция и Дозор займутся им. Может, и Книжник отыщется. Надо положить этому конец. Невозможно вечно жить затворниками.

— А Гесер?

— Небольшие нарушения закона принято прощать. За давностью лет.

Нелли сняла со стены катану, потянула клинок из ножен. На гладком зеркале лезвия заплясали языки пламени из камина.

— Как в старые времена, да?

— Как в старые, недобрые времена, — кивнул Матвей.

— У кота девять жизней? — усмехнулась она.

— И каждая лучше прежней.

Сняли квартиру и без лишнего шума превратили ее в маленькую крепость. Под присмотром отца Огонек даже гулял во дворе и свел дружбу с соседями (все детство ему не хватало общения со сверстниками). Матвей перевелся в петербургский Дозор. Прошел месяц с момента переезда, месяц новой спокойной жизни… но тут Лесник сообщил ему, что в Москве замечен Иной, похожий на Дориана. Матвей уехал в Москву — проверить источник.

На следующий день за Нелли и Огоньком пришли.

Лучше бы мы продолжали жить затворниками.

Дождь прекратился. «Лексус» остановился напротив Ладожского вокзала. Прежде чем выйти из машины, Нелли долго смотрела на сверкающее стеклянное здание, осторожно сканировала его через Сумрак. В сыром мраке ночи вокзал казался уютным и светлым местом. Теплым домом, куда хотелось войти и спрятаться, слиться с

толпой. Если в нем и были агенты Тьмы, то они предпочли скрыться.

Есть шанс, что поисками руководит не петербуржец.

Дориан, Дориан…

Он может не знать, что рейсы в Москву бывают не только с Московского вокзала.

С Ладожского не ходят «Сапсаны» — лишь обычные поезда. Путь может занять часов семь-восемь. Но сейчас это, возможно, единственный способ сравнительно быстро и безопасно добраться от столицы до столицы.

— Прощайте, — сказала Нелли водителю, — сейчас вы поедете домой и ляжете спать. Утром вы ничего не вспомните о нас. Спасибо за помощь.

— Спасибо, что позволила помочь. — По щекам мужчины катились слезы счастья.

Светлая Иная подхватила девочку на руки, и беглецы торопливо зашагали к вокзалу, стараясь держаться в тени. Над площадью загустевала призрачная водяная взвесь, озаряемая алыми и голубыми сполохами неона, в ее глубине скользили жутковатые вытянутые фантомы.

— Тетя, я могу идти сама, — пискнула Лина.

— Зови меня Нелли. Как ты себя чувствуешь?

Она бережно опустила девочку на землю. На-

пряжение понемногу отступало, и Нелли стала чувствовать саднящую боль в обожженной ладони.

— Удивительно. Мне кажется, я могу взмахнуть руками и взлететь, — Лина задумчиво смотрела на свои ладони, — даже не холодно в этом платье.

«Еще бы, — подумала Светлая. — Ты должна себя чувствовать так, словно тебя уже утопили в глубоком омуте — но вдруг вытолкнули на поверхность, к солнцу и свежему воздуху».

— Нелли, ты колдунья?

— Почему ты так думаешь?

— Ты ведь заколдовала дяденьку в машине.

— Может, он просто меня слушался.

— Разве ты его начальница?

— К счастью, нет.

— И еще ты меня вылечила. Я видела, как от тебя пошел очень-очень теплый свет…

Нелли села перед девчонкой на корточки, положила руки ей на плечи:

— Лина, ты ведь знаешь, что такое волшебство. Кто-то уже говорил с тобой об этом?

— Ну… мама читала мне сказку про пряничный домик.

Огонек рассмеялся:

— Это та, где старая ведьма хотела съесть детей?

Лина посмотрела на него с испугом и отступила на шаг.

— Не бойся, — сказала Нелли устало. — Не для того я тебя спасла, чтобы съесть. Значит, ты не знаешь, что стала Иной?

— Как это — Иной?

Потрясающе. Она даже не знает, что ее инициировали.

— Иная — значит такая же, как я.

Глаза девочки заблестели:

— Я тоже смогу колдовать?

— Сможешь, если будешь меня слушаться. Мы по-прежнему в большой опасности, и сейчас нам надо сесть на поезд и уехать из города.

— В Хогвартс? — обрадовалась Лина. — В школу волшебников?

Огонек снова рассмеялся, но смех его прозвучал невесело.

— К сожалению, всего лишь в Москву, — терпеливо объяснила Нелли. — Там нам помогут. Прости, я пока не могу тебя отпустить к маме.

— Не можешь? Почему?

— Глубоко вдохни, закрой глаза и постарайся понять, что ты чувствуешь.

Лина послушно закрыла глаза.

— Ой…

— Вот именно, ой. Видишь?

— Снова свет. И как будто ниточка…

— Мы с тобой связаны, Лина. Мне пришлось дать тебе свою Силу, чтобы ты не умерла. Это ненадолго, но придется нам попутешествовать вместе. А твоим родителям мы позвоним, как только сможем, и скажем, что ты в порядке, хорошо?

Девочка кивнула.

— Я потом вернусь к маме и папе?

Если мы останемся живы до утра — возможно.

— Конечно, — совершив над собой усилие, ответила женщина.

— А кто за нами гонится?

— Злые волшебники.

— А зачем?

— Злые и добрые всегда воюют. Не могут без этого.

Огонек дернул мать за рукав:

— Мы здесь у всех на виду.

— Ты прав. Идем.

Прикрывшись «сферой невнимания», они вошли в здание вокзала. После промозглой темноты

города тут было тепло, сухо и светло. Только сейчас Нелли поняла, как замерзла и устала: ведь ей приходилось делиться силами с девочкой. Вокруг троих беглецов сновали туда-сюда люди с чемоданами — и Нелли без стеснения черпала их энергию. Светлые Иные любят вокзалы и аэропорты: здесь они просто купаются в светлых эмоциях, что люди излучают во время путешествий.

В зале ожидания уютно мерцало табло с расписанием рейсов.

— Нам везет. Рейс «Санкт-Петербург — Адлер» отчалит через двадцать минут. Идет через Москву.

— А Ярик — тоже волшебник? — Лина дернула Нелли за рукав. — Мы будем с ним как Гарри и Гермиона?

Она уже смотрела на это как на интересное приключение — и даже о маме не вспоминала. «Уже не обычная девочка, — с неожиданной грустью подумала Нелли. — Иная».

— Огонек пока не Иной, — ответила она, — ему надо немного подрасти.

— Идем, — сказал мальчик, — нам на третий путь.

Он сделал шаг вперед… и замер на месте. У выхода к поездам стоял Темный. Словно возник

из ниоткуда. Уже знакомый им мужчина в шляпе и сером пальто. Он медленно сканировал зал тяжелым взглядом.

Нелли схватила детей за руки и бросилась в толпу. Спустя несколько секунд они были в маленьком кафе у камеры хранения.

Успел он нас заметить или нет?

— Нелли, это злой Иной? — спросила Лина.

— Да… не высовывайтесь.

Нелли осторожно выглянула за дверь и сразу же спряталась обратно — по залу, рассредоточившись цепочкой, шли четверо Темных. Цепко вглядываясь в лица пассажиров, они быстро приближались к кафе.

Итак, тот, кто руководил поисками, вспомнил и о Ладожском вокзале. В конце концов, так ли уж сложно для перестраховки отправить оперативников на все пять городских вокзалов?

— Девушка, вам помочь?

Она обернулась. Смуглый молодой официант подобрался сзади неслышно, как тень, и теперь с интересом разглядывал беглецов. Зал кафе был пуст: время уже перевалило за полночь.

Пуст — это хорошо. Чем меньше свидетелей, тем лучше.

— Отсюда есть второй выход?

— Зачем это? — официант насторожился.

— Ведите нас туда, быстро.

Она поймала взгляд парня, подчиняя волю. Молодой человек послушался, но неохотно. С видимым неудовольствием он направился в глубину зала — к прозрачному пологу, закрывавшему служебный проход.

Все меньше Силы у тебя. Как ты справишься с этим?

За пологом обнаружилась кухня: остывшая плита, стол в картофельных очистках, в мойке — гора посуды. Два повара-азиата в белой одежде пили чай у окна: они с удивлением посмотрели на пришельцев.

— Эй! Сюда нельзя! — воскликнул один из них.

Нелли обвела их спокойным взглядом голубых глаз:

— Вы нас не видели.

Повара как ни в чем не бывало вернулись к своему чаю.

— Отсюда можно выйти на перрон? — спросила Нелли официанта.

— В дверь прямо и направо. Мимо туалета.

— Спасибо. Ты тоже нас немедленно забудь. Иди работай.

— Немедленно забыл. Иду работать.

Парень поплелся прочь шаркающим шагом сомнамбулы.

За дверью и в самом деле оказался перрон. По платформам вдоль составов пассажиры торопливо катили чемоданы. В холодном воздухе пахло табачным дымом и смесью запахов, которую можно почувствовать только на железной дороге: машинное масло, креозотовая пропитка шпал, дым вагонных печурок. Сонные проводники в форменной одежде проверяли билеты.

— Какой-то из этих поездов наш, ребята.

— А как же билеты? — спросил Огонек.

— Придется «зайцами».

— Нелли, а можно мне в туалет? — жалобно спросила Лина.

Начинается.

Вход в круглосуточный вокзальный туалет был совсем близко — матово подсвеченные фигурки мужчины и женщины на стене приземистого кирпичного здания.

— А потерпеть до поезда никак?

— Я уже очень-очень давно терплю, — призналась Лина, — я больше не могу.

Вот незадача. Пока они найдут поезд и вагон, пока проводник откроет туалет…

— Тебе надолго?

— Я очень-очень быстренько. — Даже в темноте было видно, как девочка покраснела от смущения.

— Ладно, мы проводим тебя.

Идти в женский туалет всем троим? Огонек скорчил гримасу:

— Я подожду здесь.

— Здесь опасно, спустись с нами вниз.

— Я не хочу в женский туалет!

Время стремительно убегало. А ведь надо еще успеть на поезд.

— Зайди в дверь, здесь тебя хотя бы не видно с платформы. Если что — кричи.

— Бегите уже скорей.

Лестница в подвальное помещение. Внизу, у входа в туалетный зал, за столиком клевала носом черноволосая худенькая девушка в сером свитере. Нелли бросила ей двадцать рублей и проводила Лину в кабинку.

— Помощь нужна?

— Справлюсь.

Нелли прислушалась — наверху было тихо. Сквозь Сумрак она чувствовала присутствие сына на лестнице, на платформе рядом с туалетом — пусто. За дверцей, в кабинке туалета, раздалось журчание, за ним последовал облегченный вздох

девочки.

Все идет не так уж плохо. Куда лучше, чем могло бы. Бежать через Ладожский вокзал оказалось годной идеей. Еще каких-нибудь пять минут, и они будут в поезде, а завтра утром — под защитой Матвея и Скифа…

Что-то было не так.

Что-то неправильно.

Внезапно острое предчувствие беды захватило Нелли, по спине побежали ледяные коготки.

Она оглядела пустой туалет, нащупывая за пазухой нагретый теплом тела револьвер. За дверями кабинок было тихо, лишь клокотал едва слышно неисправный бачок. На влажном кафеле пола мокли окурки. Ноздри щекотал едкий запах хлора.

— Лина, ты там как?

— Почти выхожу…

Что же тебя насторожило?

Бесшумно ступая, Нелли вышла в предбанник, где сидела девушка, собиравшая деньги за пользование туалетом. За плексигласовой перегородкой она наклонилась над столом — маленькая, тоненькая, похожая на мулатку.

Темная Иная.

— Подними руки, — скомандовала Нелли, взво-

дя курок, — в Сумрак не соваться.

Как же ты сразу не заметила? Слишком спешила? Какой стыд, дозорная.

Девушка вздрогнула, как от удара, распахнув карие миндалевидные глаза; ствол револьвера уставился точно между ними. На столе лежал смартфон, на дисплее мерцал список телефонных номеров.

— Собралась звонить кому-то?

— Маме.

— Маму случайно не Завулоном зовут?

Как ты могла так проколоться, Герда? За подобную ошибку Скиф выгнал бы тебя из Дозора — и был бы прав.

— П-пожалуйста, — на ресницах девушки задрожали слезы, — я же не сделала вам ничего плохого. Я даже не знаю, кто вы!

— Лгать, предавать и воровать в Дневном Дозоре учат первым делом, не так ли?

Сверху долетал шелест ног пассажиров на платформе. Где-то вдали диктор сонно бубнил объявление по вокзалу.

Делай это быстро. Если кто-то сюда войдет — проблем станет больше.

Никто не вошел. Зато появилась из «комнаты для девочек» Лина — она тщательно вытирала

лицо и руки салфеткой.

— Молчи, — бросила ей Нелли, — ни звука.

— Прошу вас, — всхлипнула Темная, — я не из Дозора. Я простая девушка… ну что я вам сделала? Умоляю… я хочу к маме…

Черта с два.

Нелли сжала пальцем спусковой крючок… и в этот момент увидела огромные испуганные глаза Лины. Они были зеленые, как спелый крыжовник, — и Нелли вдруг поняла, кого ей напоминает эта маленькая Иная: такие же рыжие волосы, конопушки и кошачьи глаза были у ее давней соратницы по Тайному Дозору — Рыси.

— Я же ничего не знаю, — лицо Темной уже тряслось, красное и мокрое, — что я вам сделала плохого… пожалуйста, моя мама не переживет этого…

Лина прижалась спиной к холодному кафелю, она не сводила глаз с тускло блестящего револьвера. Нелли почувствовала спиной взгляд Огонька. Он тоже был свидетелем происходящего.

— Даешь слово, что никому не расскажешь о нас? — спросила Нелли.

Не могу поверить, прозвучал строгий и печальный голос Скифа где-то в глубине. *Моя ученица?*

— Обещаю, обещаю, клянусь, — залопотала

смотрительница туалета.

— Если ты мне солгала — я тебя из-под земли достану, ты понимаешь?

— Я буду молчать! Пожалуйста…

Нелли резким ударом разбила ее смартфон, подхватила Лину в охапку и побежала по ступенькам наверх. Огонек ждал их у выхода.

Снова голос Скифа в тишине памяти:

Чего в тебе сейчас больше? Страха или малодушия?

— Прости, — прошептала Нелли, — я не могу убить на глазах у детей.

* * *

Взгляд у проводницы был как застывший холодец:

— Мест нет. Вагон битком. И не просите.

Нелли взяла ее за руку и заглянула в глубину желеобразных глаз:

— Вы найдете нам места. Самые лучшие.

Грузная женщина в войлочном форменном пальто и миниатюрной шапочке надолго замолчала. Непрошибаемая стенка. Наконец, когда Нелли уже хотела идти к следующему вагону, гипнотическая сила одержала верх над вредностью.

— Ладно, — буркнула тетка, — влезайте.

Нелли заметила восхищенный взгляд Лины и подмигнула ей. Девочка подмигнула в ответ.

В конце концов, все может быть и не так страшно, размышляла Нелли. Поезд отправится через минуту. Темная девчонка из туалета еще долго в себя приходить будет. Да и в самом деле — собиралась ли она сообщить о нас в свой Дозор? Так и до паранойи недалеко. Оружия у нее ты не заметила. Может, она действительно в туалете работает. Да, порой низшие Иные не гнушаются и грязной работой. Им свойственны неожиданные мотивации.

В любом случае: что та видела? Светлую волшебницу и Светлую девочку. А ловят по всему Петербургу Светлую с сыном, потенциальным Иным.

Сели в первое попавшееся купе. Нелли вспомнила «Морфей» и усыпила пассажиров — мать, отца и двоих маленьких сыновей, направлявшихся на отдых в Сочи. Когда поезд тронулся, проводница заглянула в купе с обходом, но сразу же изменилась в лице и исчезла.

Нелли потрепала сына по соломенным вихрам:

— Кажется, выбрались. Да, Огонек?

— Пули свистели над головой, — криво усмех-

нулся мальчик.

— А романтики ни на грамм.

— Ни на миллиграмм.

— Сын… я в чем-то провинилась перед тобой?

— Нет, — он опустил голову, — прости, мам. Но лучше бы мы из Крыма уехали не в Питер, а в Австралию.

Нелли могла бы поспорить. Напомнить, что они прятались семнадцать лет. Семнадцать лет страха и постоянного ожидания атаки — это жизнь в аду. И нет для них на Земле такого места, где можно чувствовать себя в безопасности. Но она сказала только:

— Сидите тихо, детки. Я схожу на разведку. Может, найду что-нибудь поесть.

Лина послушно тряхнула рыжим хвостиком. Огонек смотрел в окно — на плывущее в темноте море электрических огней. Поезд, гремя колесами, набирал ход.

— Закройтесь на шпингалет и никому не открывайте.

В поисках ресторана Нелли прошла несколько вагонов.

Состав набирал ход. Лечь бы сейчас и вытянуть ноги, можно даже не ужинать. Но надо накормить детей. И еще — в купе мало места. Нельзя

же вытащить пассажиров и сложить в коридоре, как дрова!

Она вошла в следующий вагон и замерла. За приоткрытой дверью одного из купе — легкий сиреневый отблеск ауры… Сердце заколотилось сильнее. Итак, в поезде едет как минимум еще один Иной. Совпадение?

Нелли тихо постучала в дверь.

— Вы позволите?

— Да-да? — интеллигентный, слегка строгий голос. Таким разговаривают экскурсоводы и учителя старших классов.

Светлая.

Она, конечно, ехала на море отдыхать. В бархатный сезон, когда солнце становится не слишком жгучим. Слегка постарше Нелли внешне — то есть около тридцати лет, но внешний возраст для Иной мало значит. Ехала без спутника, значит, живет одна — а умению жить в одиночестве учатся десятилетиями… Немного повыше Нелли ростом, тоже светловолосая, с темно-синими, очень красивыми глазами. На плечах — пушистый платок, в руке — раскрытая книга в мягкой обложке.

— Простите, пожалуйста, что потревожила. Но мне очень нужна помощь.

Обитательница купе так же быстро исследовала Нелли взглядом — на мгновение задержалась на выпирающей слева куртке (кобура) — и коротко кивнула:

— Входите. Что за беда?

У нее примерно твой уровень Силы, пятый. Жаль, на боевого мага совсем не похожа.

— Мне надо добраться до Москвы как можно скорее. Со мной двое детей…

— Вы уже едете в Москву.

— У нас нет билетов. А вы одна в целом купе.

Пассажирка отложила в сторону книгу («Окаянные дни» Бунина), взяла со стола чашку чая, сделала глоток:

— А если ко мне подсадят попутчиков?

Нелли без сил упала на лавку напротив:

— Пусть. Нам хоть бы пару часов… отдышаться. Но почему-то мне кажется, что к вам никого не подсадят.

Женщина посмотрела на мерцающую в Сумраке «золотую нить». На покрытую волдырями левую кисть собеседницы.

— Полина, — представилась она, — чай будешь? Давай-ка сюда руку, уберу ожог.

* * *

Поезд медленно полз вперед, подолгу стоял на перегонах. Нелли казалось порой, что пешеход шел бы скорее.

— Пропускаем «Сапсаны», — объяснила новая знакомая, — я здесь часто катаюсь. Не волнуйся, будем в Москве по расписанию, в девять утра.

Нелли, у которой на этот счет были сомнения, промолчала.

Дети напились чаю с печеньем и вафлями, вскарабкались на верхние полки и сразу заснули.

— Ей лет десять? Уже Иная, — сказала Полина, — а мальчика что не инициируешь?

Нелли покачала головой.

— Девочка не моя. Я ее едва знаю. А сын… его время еще не пришло.

— Ты — мать, тебе решать.

— Несформированная судьба. Решать Сумраку. И знаешь, мы с мужем очень боимся его решения.

Полина привстала и долго с удивлением всматривалась в спокойную радужную ауру спящего мальчика.

— Жребий прихотлив, — сказала она, — и такой путь — тоже путь. Сил вам с мужем принять

этот выбор.

— Полина, у тебя есть дети?

— Был сын. Погиб на Гражданской войне.

— Прости.

— Почти век пролетел. Давно отболело.

— Больше не хочешь?

— Детей? Долго не хотела. Сейчас — не от кого.

— Никто не нравится?

— Может, и нравится, — Полина пожала плечами под пуховым платком, — но ведь не так уж плохо одной на свете. Спокойно. И куда нам, Иным, торопиться? Я уже двадцать лет работаю в Русском музее, искусствоведом. Коллеги шепчутся, мол — слишком хорошо сохранилась. Я даже набрала возраст немного, чтобы меньше завидовали. Потом скину.

Женщины рассмеялись.

— Я тоже набрала, — призналась Нелли, — когда Огонек подрос. Нас за брата и сестру принимали.

— Наверное, здорово, когда муж и ребенок — Иные. Мой муж был морским офицером, красавцем и героем войны. Но я с первого дня не могла отделаться от мысли, что придется его хоронить и жить дальше. Эта мысль похожа на червячка, живущего в сердце и грызущего его потихоньку, днем и ночью. Потом уже на всех

мужчин начинаешь смотреть так. Родился сын — и с ним та же история. Слышала, некоторые женятся только на Иных своего цвета — так выше вероятность родить Иного. А еще берут Иных детей из обычных семей и делают своими.

— Так поступают Темные.

— Так поступают несчастные, — вздохнула Полина, — а отец твоего парня — он кто, если не секрет?

— Он… — Нелли надолго задумалась. — Мне с ним очень повезло.

— Тоже маг?

— И довольно сильный. Добрый. Заботливый. Характер немного колючий, ясно, в кого сын пошел…

— Подожди-ка.

Они замолчали, прислушиваясь. Поезд уже некоторое время стоял на станции без движения. В тумане за окном бледными пятнами плавали фонари. Полина осторожно отодвинула край занавески:

— Малая Вишера. Здесь стоянка всего две минуты. Обычно…

Нелли почувствовала, как мгновенный озноб сковал тело. Никто из Темных не видел ее. Никто не знает, что она с детьми едет на этом поезде…

за исключением той девчонки на Ладожском вокзале. Значит, все-таки разболтала. Рука Нелли инстинктивно скользнула за пазуху — прикоснуться к успокаивающему гладкому металлу оружия. Это не укрылось от взгляда спутницы.

— Что за проблемы у тебя с Темными?

— Лучше тебе не знать.

— Нет уж, я с тобой еду, рассказывай.

— Это личные разборки. Их Дозор помогает моему врагу.

— А наш — тебе?

— Нет. Если встретишь Ночной Дозор, прошу — не говори им обо мне.

— Как все мудрено… И что, кто-то видел тебя садящейся в поезд?

Нелли быстро пересказала свои приключения на вокзале.

— Эта девчонка, — спросила Полина, — не заметила Огонька? Только тебя и Лину?

— Думаю, не заметила. Я уже ни в чем не уверена.

За окном в чахоточном мерцании станционного фонаря скользили тени. Кто-то торопливой походкой прошел под окном — и Полина задернула шторку.

— Может, кто-то важный на поезд опаздыва-

ет, — предположила она.

— Ради кого в Малой Вишере задержат состав? Вот что, — Нелли устало прикрыла глаза, — постарайся задержать их. Мы с детьми побежим в последний вагон и спрыгнем.

Полина посмотрела с сомнением:

— И что дальше, в Москву по шпалам? А если вас увидят? Давай-ка мне свою куртку. Роста я примерно твоего, волосы светлые… вряд ли твоя туалетная подруга уже здесь собственной персоной.

— Что ты придумала?

— Побуду тобой. Буди сына, и полезайте наверх, на багажную полку.

— А Лина?

— Лина путешествует со мной.

Огонек не задавал вопросов, подхватил куртку и полез наверх. Полина выключила свет, а затем пустила в ход что-то получше «сферы невнимания», что-то совершенно незнакомое (дореволюционное?), — и Нелли, вжимаясь в стену у нее над головой, снова задумалась, сколько же лет ей может быть на самом деле.

— Теперь даже я вас не вижу, не чувствую, — нервно усмехнулась Полина. Она выглянула в коридор и быстро отдернула голову. — Двое

Темных. Проверяют все купе. Хорошо, что мой проводник вас не видел.

Огонек тяжело вздохнул. Нелли сжала руку сына и приложила ствол револьвера к губам. Мальчик отвернулся к стене.

Лина посапывала на своей полке, натянув на ухо плед.

В дверь постучали — тихо, но настойчиво. Полина открыла не сразу… в темноте появилась полоска света, и ее сразу заслонила тень.

— Что вам нужно? — заспанным голосом спросила Полина.

— Задать пару вопросов, — ответил низкий мужской голос.

— Вам скучно и одиноко? Я не знакомлюсь с мужчинами в поезде.

— Мы — Дневной Дозор.

— Так приходите днем.

— Мадам, — перебил второй голос, — поезд никуда не пойдет, пока вы не ответите на вопросы.

— Обязательно это делать сейчас?

— Да. Для начала — вашу регистрационную метку.

— На каком основании?

Первый голос вмешался, и теперь он звучал куда жестче:

— Ты подозреваешься во множественных убийствах и нанесении тяжких телесных повреждений находящимся при исполнении сотрудникам Дневного Дозора. А также в нарушении Великого Договора и предписаний Инквизиции.

Все это должно было, наверное, сильно действовать на любого Иного — но голос Полины даже не дрогнул:

— Вам очень повезло, господа. Я в жизни не убила никого крупнее мухи. Так что можете идти домой спать.

— К дьяволу! Показывай метку, или мне придется снять ее насильно.

— Не сомневаюсь в ваших моральных качествах. Что ж, господин насильник, смотрите…

Несколько секунд длилось молчание. Дозорные пытались сопоставить данные по ориентировке с тем, что видели. Светлая Иная, пятого уровня, блондинка… та или нет?

— Кто едет с тобой в купе? — голос Темного немного смягчился.

— Моя дочь.

— Она тоже Светлая.

— Да, это большая удача.

— Я не вижу у нее регистрации.

— И не увидишь. Она только вчера инициро-

вана. По правилам, у меня есть еще месяц, чтобы все оформить.

— Разбуди ее, я хочу посмотреть.

— Я не обязана этого делать и не стану. Я только недавно ее с трудом уложила. У вас есть дети? Знаете, как это бывает нелегко?

Темный задумался. Нелли, лежавшая прямо у него над головой, вытерла пот. По счастью, им попались не головорезы вроде Дориана, а простоватые местные оперативники.

— Мадам, — снова заговорил второй Темный, более вежливый, — спрошу напрямую: это вы сегодня совершили нападение на нашего агента на Ладожском вокзале?

— Вы о девице из туалета?

— Именно.

— Общественный сортир — отличный наблюдательный пункт. Браво! Да, это была я.

— Думаю, вам следует объясниться.

— Думаю, вам следует лучше инструктировать младший персонал. Ваша девчонка пользуется служебным положением для того, чтобы воровать энергию у людей. Я поймала ее за этим делом, но пожалела и решила не вызывать Ночной Дозор, просто сделала небольшое внушение.

Нелли мысленно отругала себя за слабохарак-

терность. Выстрели она тогда — сейчас поезд спокойно мчался бы к Москве.

— У нас другая информация, — сказал Темный.

— Ваша сотрудница лжет. Ей стыдно, что она оплошала.

— Минуту подождите.

Дозорный отошел в коридор. Было слышно, как он говорит по телефону, прикрыв трубку рукой. Нелли не могла разобрать ни слова. Мысленно она аплодировала Полине. Та не только выставила в новом для ищеек свете все произошедшее на вокзале — она указала им обратно на Питер. Если в адлерском поезде едет не Нелли, а кто-то похожий на нее, значит, надо продолжать искать в городе.

— Мадам, — вернулся вежливый, — приносим извинения, но вам с девочкой придется пройти с нами.

— Куда это?

— На станцию. Вашу невиновность должен подтвердить свидетель, он уже едет сюда.

Дориан!

Нелли прицелилась сквозь багажную полку, на звук голоса Темного. Два выстрела — и снова бежать что есть сил, бежать без оглядки.

— Убирайтесь-ка вон, господа, — устало сказала

Полина. — Ваш свидетель, будь он хоть сам Завулон, мне не интересен. Вам надоела тихая жизнь в Малой Вишере? Хотите острых ощущений? Извольте. Я сейчас же звоню главе Петербургского бюро Инквизиции Коле Ракитскому, это мой хороший друг, и вам придется держать ответ перед ним — на каком основании вы, в нарушение всех прав…

— Но, мадам, понимаете, мы должны… — растерянно начал Темный. Нелли стало даже немного жаль его. Однако Полина была права — дозорные не имели веских оснований для задержания.

— Зато я ничего не должна. Пусть ваш свидетель, если ему так приспичило, найдет меня в Сочи. И не завтра, а послезавтра — когда я устроюсь и отдохну с дороги.

Темные молчали, не зная, что предпринять. Женщина могла и в самом деле знать Ракитского… или не знать. И у нее была регистрационная метка законопослушной Иной, которую невозможно подделать.

— Вы обещаете, — смущенно прокашлялся вежливый, — по приезду сразу же явиться в сочинский Дневной Дозор и зарегистрироваться?

— Я же в любом случае обязана это сделать, — терпеливо, словно ребенку, объяснила Полина.

— Черт с вами, — решился Темный, — подпишите вот это и можете ехать.

— Что это?

— Расписка в том, что вы не имеете к нам претензий.

— Мой список претензий к вам не уместился бы на этом листочке…

— Короче, простая формальность. Хотите ехать — гоните автограф.

Полина что-то еще проворчала, но судя по тому, что разговор закончился, подписала отказ от претензий к Дневному Дозору.

Дверь захлопнулась. Вскоре поезд, покачиваясь и стуча колесами, покатился дальше.

— Вот и все, — выдохнула Полина, — по-моему, прошло неплохо.

Нелли спрыгнула к ней сверху и крепко прижала к себе.

— Тебя же всю трясет. Как после драки!

— Там, — пробормотала Полина, — у меня в сумке… фляжка коньяку.

— Ага, сейчас… мне тоже не помешает. Ты правда знаешь этого Ракитского?

— Нет, конечно… тише, тише, не разбуди Лину.

Полина сделала хороший глоток и закашлялась.

— А ты непроста, Нелюшка…

Бывшая дозорная скромно опустила ресницы.

— Множественные убийства? — продолжала Полина. — Нарушение Великого Договора? Ты? Или твои деточки?

— Думаешь, я хотела для себя такой судьбы? Жребий прихотлив.

Поезд уносился вперед, взрывая ночь грохотом и лязгом, наверстывая потерянное в Малой Вишере время.

— Я не понимаю, — подал с верхней полки голос Огонек, — зачем это все?

— Что зачем? — переспросила Нелли.

— Отчего они так преследуют нас. Зачем папа поставил бомбу и взорвал столько народу. Почему вы все время убиваете, убиваете?

Женщины переглянулись.

— Понимаешь, Свет и Тьма не могут всегда быть в согласии и мире друг с другом, — сказала Полина. — Мы слишком разные, у нас разные цели, разные взгляды.

— Но ведь Великий Договор для того и заключался, чтобы был мир.

— Мир, — тихо, но твердо проговорила Нелли, — наступит только тогда, когда победит либо Свет, либо Тьма.

— Значит, все плохие должны убить всех хороших — или наоборот?

— Не обязательно. Да это и невозможно. Если мы перебьем всех Темных — будут рождаться новые.

— Как же тогда можно победить?

— Одна из сторон установит свои правила, свой закон. А другая будет ей подчиняться.

— За это вы воюете? — хмыкнул Огонек. — За это столько народу полегло?

Нелли промолчала.

— Умный парнишка, в тебя пошел, — шепотом сообщила ей на ухо Полина, — давай еще по пять капель и попробуем поспать.

* * *

Глубокой ночью Огонек соскользнул со своей полки и тихонько открыл замок на двери купе. Нелли подняла голову, бросила взгляд на часы — 3:48 утра. Дождь иссяк, и за окном сквозь ветхое облачное одеяло подмигивали звезды.

— Ты куда?

— Туда, где сыро и плохо пахнет…

— Подожди. Я с тобой.

— Ну, мам! Это смешно.

— Вот и посмеемся вместе, — Нелли сунула

револьвер за пояс, — идем.

Свет в коридоре давно погасили. Из-за дверей соседнего купе доносился густой богатырский храп, заглушавший даже стук колес. По белым занавескам с силуэтом чайки и надписью: «Санкт-Петербург — Адлер» чиркали стрелы электрического света — состав проносился мимо станции.

— Видишь, никого нет, — буркнул мальчик.

Нелли проводила его до туалета. Табло горело зеленым: свободно.

Пока Огонек делал свои дела, она ждала у окна. Пусть сын ворчит, вырастет — поймет. Подросток мечтает о свободе, как грезит о полете птенец, у которого еще не окрепли крылья. А вместе с силой крыльев приходит понимание, что свобода — это не полет. Свобода — это покой.

Сходясь и разбегаясь, летели над серебряным от лунного света лесом поющие провода. В дальнем конце вагона тлел над бойлером алый глаз индикатора.

— Что ж, в унитазе никто не прятался, — сказал мальчик, выйдя из кабинки.

— Не представляешь, как я рада это слышать.

Он коротко, по-взрослому, обнял ее:

— Идем спать. Ты выглядишь так, будто весь

день разгружала вагоны.

— По сравнению с этим разгружать вагоны — отдых.

— Как мы завтра найдем отца?

— Утром позвоню ему с телефона Полины. Звонок, конечно, отследят, но мы будем уже в Москве, и он успеет…

Алая искра индикатора (индикатора?) быстро поплыла навстречу им по коридору. Нелли схватила сына за плечо, оттолкнула назад.

На пути к купе темнел высокий силуэт. Алый огонек мерцал на его макушке — он вдруг стал ярче, запульсировал горячо, как жерло гиперболоида.

Это за нами. За нами!!

Нелли словно окунули в ледяной колодец. Мрачная груда надвигалась, закрывая свет. И странное дело — Сумрак был спокоен.

Они не поверили Полине. А ты думала — почему они так легко ушли?

Светлая волшебница нанесла удар первой — огненный бич рванулся из ее ладони, оплел незнакомца. Она видела, как пламя мгновенно охватило его и сразу схлынуло, не причинив вреда. В молчании, не дрогнув, не издав ни звука, он двигался к Нелли. В голубой вспышке луны

мелькнуло пугающе безжизненное плоское лицо — без признаков глаз, рта и носа.

— Что ты такое?

Только сейчас Нелли поняла: у чудовища не было ауры!

Она ударила «прессом», но незнакомец лишь слегка покачнулся — и вдруг рванулся вперед.

Глава 3

Москва, Нескучный сад
20 сентября 2015, 01:45

Тело вампира покоилось на прелом листвяном ковре. Окоченевшее под действием заклятия, что остановило уже начавшийся распад, оно походило на изогнутую корягу, забытую дворниками на обочине. Пасть с острыми клыками застыла в последнем крике, как у злобных фантастических тварей с рисунков Гигера. Руки в синюшных веревках скрученных мышц зажимали рваную рану на горле.

Над вампиром стояли патрульные Ночного Дозора: две молодые женщины, прикрывшие платочками носы от резкого запаха серы. Лучи фонарей рассекли темноту, как два белых меча. В их сиянии сверкала морось.

— Метросексуал, — с брезгливым интересом отметила старшая, высокая и статная, с тугой

медовой косой на плече. — Смотри, Марина, коготки с маникюром.

— Регистрационная метка на месте. Опять охотник на вампиров?

— Ох уж эти добровольные помощники… Ты видела убийцу? Надо было «фризить» его — а не этого.

— Только тень мелькнула среди деревьев. Прости — я сделала, что успела.

— Ты умница. Если бы он рассыпался в прах — у нас точно было бы меньше шансов понять, что тут произошло.

Марина — русоволосая, тонкая, как девочка-подросток, — вытянула узкую ладонь над изувеченным телом, прикрыла ресницами глаза, словно прислушивалась к чему-то.

— Скоро здесь будут Темные, — напомнила напарница, — успеешь?

— Валя, тише, пожалуйста! Мне нужно сосредоточиться.

Валентина отступила в сторону. Накручивая на мизинец золотистый локон, она смотрела, как работает подруга. Марина распростерла руки над телом упыря и шептала заклятие — долгое, как поэма. Она походила на юную лесную богиню из славянских легенд, ожившую березку, шепчущую

над могилой демона. Сквозь темный частокол деревьев просвечивала украшенная нефтяной пленкой зыбь Москвы-реки. Ночных птиц не было слышно — попрятались в глубине парка.

Валентина насторожилась. Неясный силуэт бесшумно спускался по пологому склону к месту убийства. Девушка заступила ему дорогу:

— Прекрасное время для прогулки по парку, не правда ли?

Мужчина не удивился, напротив — подался навстречу:

— Валентина!

— Матвей? Откуда ты?

— Дежурный в штабе сказал, где тебя искать.

Обликом Светлый маг скорее напоминал Темного — скуластое лицо в обрамлении черных волос, хищная осанка, расчетливые охотничьи движения: казалось, он был готов в любой момент выхватить нож и пустить его в ход. Высокий воротник кожаной куртки был задран вверх, скрывая нижнюю часть лица. Матвей весь словно горел внутренним огнем; прикоснувшись к его руке, Валентина ощутила волну жара. Кошачьи зеленые глаза, мерцая в темноте, смотрели куда-то сквозь собеседника.

— Валя, Валя, ты должна знать, где Скиф, —

сказал он сипло, словно огонь уже подступил к его горлу и приходилось сдерживаться, чтоб не опалить собеседницу.

— Я должна? — Она невольно сделала шаг назад. — Скиф где-то на краю света, как обычно. Он мне не подотчетен.

— Тогда нужен Гесер.

Валентина посмотрела с изумлением:

— Скажешь, в чем дело?

— В моей жене… за ней пришли Темные…

— Так ты женат?

— Что в этом странного?

— Может, и дети есть?

— Есть, — выдохнул Матвей, прислонившись пылающим лбом к мокрому стволу тополя, — сын двенадцати лет. Вчера мне пришлось оставить семью в Петербурге, а сегодня с ними пропала связь. Я дозвонился в офис нашего Дозора… Весь город на ушах, в моей квартире разгром, гора трупов…

— Так, стоп, — оборвала Валентина, — мы на месте преступления, сейчас здесь будет Дневной Дозор… Вот они, легки на помине.

Со стороны набережной послышался рев мотоциклов, он быстро приближался.

— Поговорим в другом месте. — Она коснулась

горячей ладони Матвея. — Марина, как там наш клиент?

— Кажется, я поняла, — отрешенно проговорила дозорная, — да, я вижу. Тут замешана… любовь.

— Вот удивила, — с иронией ответила Валентина, — только не называй *это* любовью. Сделаем так: ты встречай Темных — пусть проверят его дружков и заодно в каких клубах он ошивался. Будь понаглей, не тушуйся. Как освободишься, жду тебя на Соколе.

Над мокрой палой листвой загорелась белая рамка портала, и Валентина шагнула в него, подтолкнув вперед Светлого мага. Через мгновение они стояли в ее кабинете в штабе. Валентина смутно представляла историю Тайного Дозора, а Матвея Гордеева (кодовое имя Кот) встречала несколько раз. Со слов Скифа знала: именно ему она обязана тем, что не стала Темной в ночь на первое мая 1998 года. Кот бывал в ее кабинете больше года назад — Скиф проводил небольшую экскурсию по офису для старого соратника. С тех пор в этом зале многое изменилось. Появился стол для совещаний, над ним — мерцающее интерактивное табло. Свет белых ламп казался холодным, неуютным, как взгляд владелицы ка-

бинета, и входящий сюда чувствовал себя жуком в работающем «ксероксе» — но Валентине нравилось работать при ярком освещении. На столе в скромной рамке стояло ее фото об руку с Гесером под стальной табличкой «Начальник Особого отдела». Оба смотрели в объектив без улыбки, сосредоточенно и деловито, словно на миг ради фотографа прервали разговор о спасении мира.

Валентина извинилась за беспорядок, аккуратно собрала со стола предметы: покрытый арабской вязью свиток в пятнах засохшей крови, пачку истрепанных царских ассигнаций, пожелтевшую от времени литографию с четырехпалой рукой, сложенной в причудливом жесте, великолепный средневековый портрет двух юношей-близнецов в венецианских плащах (один с аурой Темного, другой — Светлого), и сложила все это на подоконник.

— Садись. Есть хочешь? — Она включила интерком. — Галочка, принеси кофе и печенье. Меня не будет полчасика по внутреннему. И вот еще что: соедини меня с питерским офисом по закрытому каналу.

Матвей устало смотрел на интерактивное табло. Огонь в его глазах как будто стал остывать, сдержанный холодным спокойствием Валенти-

ны. На подсвеченной карте Москвы тлела алая точка в Нескучном саду: сегодня в городе спокойно, всего одно происшествие. Гордеев представил, как сейчас выглядит такое табло в петербургском штабе Дозора, и невесело усмехнулся.

Разговор Валентины с Питером длился минут пять. Повесив трубку, она с веселым прищуром посмотрела на гостя:

— Ты продолжаешь меня удивлять. Восемнадцать Темных одним махом.

— Я защищал семью.

— Хорошая реклама семейных ценностей. — Валентина задумчиво щекотала щеку пушистым кончиком косы. — Я тебя не осуждаю, но Темные будут мстить до конца твоих дней, готовься.

— Среди погибших не было Иного по имени Дориан?

— Так мне и рассказали! Зато я знаю, что там погиб Гаш, глава Дневного Дозора Питера. А твою Нелли, между прочим, разыскивают оба питерских Дозора. Ты хоть понимаешь, что я могу немедленно задержать тебя — до выяснения всех обстоятельств?

Вошла Галочка с подносом. Пока она расставляла на столе посуду, Кот молчал.

— Помнишь ночь, когда ты стала Иной? — на-

чал он, когда дверь за секретарем закрылась. — Ту майскую ночь в «Лужниках» семнадцать лет назад?

Рука с чашкой кофе замерла у губ Валентины:

— Да, конечно.

— Завулон инициировал четырнадцать ребят. Хотел, чтобы вы все обратились ко Тьме, но наш Тайный Дозор вмешался. Семеро стали Светлыми — в том числе ты, Марина и Артем Локшин. Утром первого мая Нелли бежала, умыкнув артефакт, принадлежавший Дозору. Гесер, мягко говоря, огорчился. Магическую игрушку она отдала своему дяде, чтобы спасти тому жизнь. Мы долго скрывались, не только из-за гнева Гесера. Дориан — давний враг Нелли, когда-то он убил ее мать. И вот спустя годы мы наконец-то решились покинуть убежище, двинули в Питер… вернее, — на скулах его проступили желваки, — теперь я думаю, нас выманили в Питер. Я скрывал семью ото всех, не понимаю, как они узнали о ней. Вчера мне пришлось уехать… и Темные нанесли удар. Все эти годы они точили нож.

— Они еще не добрались до твоей семьи. Значит, шансы велики.

Матвей быстро посмотрел сквозь Валю, и глаза его снова полыхнули.

— Они где-то прячутся, бредут сквозь холод и мрак — Нелли и Огонек. Возможно, пытаются бежать из города. Сегодня ночь откровений, слушай же все… Давным-давно одна сильная ясновидящая предсказала нам с Нелли ужасную беду. Из-за того, что мы с ней вместе. Ничего определенного, это и страшно. Долгие годы мы жили в тени, боясь каждого встречного Иного. Волнения Сумрака. Странного облака на горизонте.

— Это как-то связано с вашим сыном?

— Он потенциальный Иной с несформированной судьбой. Понимаешь, что это значит? Лучше бы он родился обычным пацаном.

Валентина задумчиво разглядывала свои идеальные ногти:

— Везти его с собой в Питер было большим риском.

— Я все время себе это повторяю! — Матвей ударил кулаком по столу, и чашки подпрыгнули на блюдцах.

— Предположу, — начальник Особого отдела осталась невозмутима, — Темные знают о мальчике больше, чем ты сам.

Гордеев молча смотрел на нее, сжимая и разжимая кулак. Валентина подумала: «Он похож на метеор, готовый сорваться с места и нестись

через ночь, сжигая и уничтожая, — только укажи цель». Эта мысль понравилась ей. Она всегда чувствовала безотчетную симпатию к этому неразговорчивому парню и жалела, что он давно отошел от дозорных дел, лишь изредка секретничал со Скифом. Теперь все изменится.

Она сжала его руку и вдруг придвинулась близко, и глаза ее были огромными, пронзительно-голубыми, как мартовский лед.

— Мне кажется, Темные выманили в Питер именно его, а не тебя или жену. Это не личная месть, не частная акция. Задействованы большие силы. Кто знал ваш адрес в Питере?

— Мой прямой начальник, Лесник.

— Светлый маг? Аналитик?

— Да.

— Ты доверяешь ему?

— Я никому не доверяю. Но какой смысл ему сливать меня Темным?

— Не тебя… твоего мальчика. Где Лесник сейчас?

— Дома, полагаю. Я должен был встретиться с его связным в Москва-Сити, но тот не явился. Я посчитал, что без Скифа не обойтись.

— Скиф нам пока не помощник. Пей кофе, остывает.

— Валя, скажи — Ночной Дозор поможет мне?

Девушка посмотрела на него с сочувственной улыбкой:

— Ты о Договоре-то не забывай. Официально Темные в своем праве. Дневной Дозор просто пришел проверить регистрацию — а их бомбой, как рыбу в пруду, глушат. Они уже заявили протест — и теперь мы обязаны сдать им Нелли в случае поимки.

— Солги им. Если Темным нужен Огонек, пусть думают, что в Питере его нет.

— Предлагаешь позвонить Завулону и сказать: мальчишку в Петербурге не ищите? — Валентина усмехнулась. — Старик тысячу лет учился распознавать ложь. — Она включила интерком. — Галочка, там Марина еще не вернулась? Отправь ее ко мне бегом.

— Что ты задумала? — спросил Кот.

— Увидишь. У тебя есть фотография сына?

Он достал смартфон, показал Валентине несколько фото. Беловолосый мальчик в джинсах и красной футболке сидел на диване, прильнув к улыбающейся молодой женщине. Сам он не улыбался, напротив — выглядел печальным и как будто усталым, словно не спал целую ночь. Он казался очень спокойным — в отличие от

матери, которая хоть и улыбалась, но смотрела в объектив с легким недоверием, как бы говоря: точно ли нужно так рисковать, делая снимки, которые неизвестно кто может увидеть?

— Симпатичный парень, — сказала начальница Особого отдела, — это свежие фото?

— Позавчерашние.

В кабинет вошла Марина — тоненькая и легкая, как эльф, неслышно опустилась на стул, с веселым любопытством прищурилась на Кота.

— Что нового у кровососущих? — спросила Валентина.

— Скука и декаданс. Ревнивый любовник вскрыл горло своему парню.

— Значит, ты опять угадала.

— Это было не трудно. — Девушка ободряюще подмигнула Матвею.

— Вопрос закрыли?

— И не открывали. Темные даже извинились передо мной за беспокойство.

— Слушай, Мариш, побудь тут пять минут. Когда установится связь, не говори ни слова, хорошо?

Сумрак колыхнулся. Валентина произносила длинное заклятье, в котором Гордеев узнал детали знакомого ему «хамелеона» — и вдруг понял,

что на месте Марины сидит Огонек. У Матвея перехватило дыхание, пульс превратился в пулеметную очередь. Он едва удержался от того, чтобы броситься к сыну и стиснуть его в объятиях, но тот непонимающе хлопал ресницами и с удивлением оглядывал себя.

Ох, неспроста Валентина всего за несколько лет поднялась до первого уровня Силы.

— Валюш, я что — мальчик? — спросила Марина.

— Нет времени объяснять. Матвей, сядь рядом с ней — чтобы оба попали в объектив.

Она развернула к ним широкий экран; на нем уже проступил сине-зеленый интерфейс скайпа. Матвей прочел имя контакта, и по спине побежали ледяные коготки.

«Артем Локшин, заместитель главы Московского бюро Инквизиции».

Тот ответил сразу же, словно ждал звонка:

— Валентина? — Голос Инквизитора был напряженным… да что там — он был почти испуганным.

Из темноты на экране соткалось бледное, очень красивое лицо, подсвеченное лампочкой смартфона. Матвей сразу узнал его, хотя видел только двенадцатилетним мальчишкой. Высокий ясный

лоб Артема пересекли глубокие морщины, брови сошлись к переносице. Он стоял посреди ночной улицы, на его черных, безупречно уложенных волосах блестели брызги дождя. На груди у Инквизитора покачивался золотой амулет с ярким сапфировым глазком.

— Доброй ночи, Артем, — торопливо заговорила дозорная, словно боялась, что он спросит ее о чем-то, не относящемся к делу. — Ты уже знаешь, что случилось в Питере?

— Я сейчас на месте. Тут настоящая бойня. — Матвею показалось: в его голосе прозвучала нотка неуверенности, словно он ждал от нее каких-то других слов, но тут Инквизитор заметил Светлого мага, и взгляд его затвердел: — Кот?

— Так меня не называли очень давно.

— Я знаю все твои имена, Матвей Гордеев. Так ты в Москве?

— Со вчерашнего дня.

— Кто-то может подтвердить твое алиби?

— Алиби железобетонное.

— Поведай мне, Кот, — что это за побоище?

Инквизитор оборотил камеру смартфона в сторону, и Матвей узнал двор своего дома на набережной Карповки. У входа в парадное мыкались неприкаянно три-четыре тени (патруль Дневного

Дозора), рядом на асфальте лежали в ряд словно бы какие-то коряво обрубленные поленья разной длины, накрытые мокрой серой пленкой. При порывах ветра она издавала неприятный хлопающий звук. Во двор медленно, задним входом, вкатывалась черная «Газель».

— Я все время находился в столице, вместе с сыном, — хладнокровно проговорил Матвей и положил руку на плечо лже-Огонька. — Полагаю, на мою жену напали, и она защищалась.

Артем быстро ощупал лицо его «сына» взглядом. По скайпу он не мог видеть ауры, но Светлые все равно почувствовали себя как троица насекомых под лупой. Под рукой Матвея плечо Марины напряглось. Обманывая Инквизицию, Валентина и ее помощница шли на серьезный риск. Если ложь вскроется, не избежать скандала. Ясно теперь, почему Валя не предупредила соратницу о ее роли, — чтобы та не попала под наказание. Взгляд Локшина был тяжелым, буравящим и надменным. Взор Судьи. Казалось, он может прочесть мысли, и если результат ему не понравится — пиши пропало. Такой взгляд мог бы быть у взведенной гильотины.

Как изменился мальчик за семнадцать лет…

— Я дам тебе три часа, — процедил Инквизи-

тор, — чтобы связаться с женой и доставить ее ко мне. Иначе ты становишься соучастником.

— У меня нет с ней связи, — ответил Светлый.

— Найди способ.

— Она не выдаст себя так глупо.

— Она не сможет прятаться вечно.

— О, ты плохо ее знаешь.

— Зато знаешь ты — и ты поможешь мне.

— Артем, — мягко проговорила Валентина, — не торопись вершить суд. Думаю, тебе стоит получше приглядеться к тем, кто сейчас ищет Нелли в Питере. И еще — поговори с начальником аналитиков Ночного Дозора. Это он услал Матвея в Москву.

На экране скайпа было видно, как грузчики принялись складывать трупы в «Газель». Капли дождя барабанили по борту машины.

— Мне не нужны советы, — сквозь зубы ответил Артем, — мне нужно знать, какого дьявола здесь творится. Матвей Гордеев, ты останешься в штабе Ночного Дозора. Валентина, подержи его у себя до моего возвращения. Это приказ.

Экран потемнел.

— Задержишь меня? — угрюмо спросил Матвей.

— Я не имею права нарушить приказ Инкви-

зитора, — дозорная развела руками, — но ты можешь вероломно бежать из-под стражи.

— Спасибо. Тебе не влетит?

— Думаю, Артем простит меня.

Гордеев кивнул, залпом выпил кофе, встал:

— Я твой должник.

— Сочтемся, — подмигнула Валя, — что собираешься делать?

— Думаю, Нелли постарается добраться в Москву. Отправлюсь ей навстречу.

— Хорошо. Намекну своим ребятам, чтобы тебя не замечали несколько часов. А потом — извини…

Матвей не ответил. Он наблюдал, как лже-Огонек превращается обратно в Марину. Образ мальчика колебался в воздухе, словно мираж, растекался и плыл — Гордеев подавил ребяческое желание протянуть руку, чтобы прикоснуться к чуду, — и вдруг это снова была тонкая русоволосая девушка с хитрым взглядом. После того как трансформация закончилась, в воздухе остался легкий запах лавандовых лепестков.

— Кажется, я поняла ваш план, — сказала Марина, разглядывая свое отражение в металлическом чайнике. — Артем в Питере среди Темных, он расскажет им, что сын Матвея в Москве. Бедняги

бросятся искать его здесь, и твоей жене и ребенку будет легче бежать.

— Я надеюсь на это, — ответила Валя, — думаешь, сработает?

— Возможно… если только они уже не вырвались из Питера. А если они уже здесь?

— В любом случае мы сбили их с толку. Что говорит твоя интуиция?

— Хотела бы я порадовать тебя… Но боюсь, это не тот случай, когда можно довериться интуиции. Если пробил твой час — от судьбы не сбежать.

* * *

Тверская область, Бологовский район
20 сентября 2015, 03:54

Нелли выхватила револьвер — но выстрелить не успела: странное существо двигалось по вагону с невероятной скоростью. Будто сама Тьма вдруг ударила Светлую Иную, смяла, глаза обжег алый луч, мир крутнулся вокруг оси — и она обнаружила себя на полу. Живот и бок справа тяжело пульсировали болью, словно по ним прокатилась телега.

Нелли не потеряла сознание. Задыхаясь от тычка в солнечное сплетение, она слышала, как

грохот тяжелых шагов перекрыл стук колес.

Он пришел за Яриком! Вставай! Вставай же!

Она нашарила револьвер, со стоном поднялась на ноги — и увидела перед собой наполненные ужасом глаза Лины.

— Спрячься в купе, — процедила Нелли.

Тем временем Огонек захлопнул дверь, ведущую к туалету, и подпер ее стальной тумбой с мусором. Чудовище налетело на преграду, с оглушительным дрязгом вышибло стекло (осколки разлетелись лунным бисером). Дверь поддалась — но не открылась.

За все это время странное создание не издало ни звука.

Нелли вскинула оружие. Темноту разорвали вспышки огня, от грохота выстрелов в узком пространстве заложило уши. Две пули высекли из тела монстра искры.

Искры!

Металл. Это робот! Вот почему у него нет ауры…

Они оставили в поезде робота!

Стрелять не имело смысла. Пули его не возьмут. И большинство боевых заклятий, применимых против людей или Иных, для робота не опасны.

Что же делать? Думай!

В едком облаке плывущих по коридору пороховых газов Нелли прицелилась в мерцающий алый глаз — но промахнулась: стрелять в темноте по подвижной мишени слишком сложно. Еще два выстрела пропали зря.

В купе за стенкой испуганно гомонили пассажиры.

Робот не обратил никакого внимания на Нелли и ее пули: он уже проломил широкую дыру в двери и протискивался сквозь нее к тамбуру, сворачивая лист стали в блинчик. В лунном свете мелькнуло белое лицо мальчика.

— Беги, Ярик!

Кто-то взял ее за плечо, с силой оттолкнул в сторону. Нелли рывком обернулась и увидела Полину. Губы ее спутницы быстро двигались, вербализуя колдовскую формулу.

Внезапно пол под стальным истуканом исчез, словно обратился в пар, — и монстр рухнул вниз. Вагон заполнил оглушительный перестук колес, яростный холодный ветер взвил шторки на окнах. В последний момент робот успел ухватиться стальными клешнями за край образовавшегося пролома и принялся подтягиваться обратно в коридор. Его суставы сгибались с воющим электрическим звуком.

Поезд трясло — казалось, инерция падения утянет стальную тварь во мрак, но она обладала чудовищной силой. Над черной дырой провала показался металлический колпак — и острый алый луч снова обжег глаза Нелли.

Она не успела ничего сделать. Полина ударила тварь «прессом». Край пролома откололся, словно кромка льдины, и сжимавшие его стальные клешни канули в темноту. Поезд дважды подпрыгнул на ходу, взвизгнул металл — и состав понесся дальше.

— Кажется, я убила его, — с удивлением сказала Полина.

В наступившей тишине застучали двери, из купе выглядывали встревоженные заспанные лица.

Пришлось снова пускать в ход «Морфей», а затем приводить вагон в порядок. Сумрак еще хранил форму материи в том виде, в каком она была до нападения, и женщинам удалось быстро восстановить все разбитое, убрать следы копоти и стреляные гильзы; заделать дыру в полу. Сложнее оказалось вернуть на место пассажиров — пришлось обходить все купе и поднимать на полки спящих людей. Завтра они будут думать, что видели дурной сон. Когда с этим было покон-

чено, женщины вернулись в свое купе и без сил упали на полки.

Нелли ждала, что придется успокаивать перепуганных детей, но ее встретил восторженный взгляд Лины:

— Здорово вы его! А меня научите так колдовать?

Полина провела рукой по рыжим вихрам девочки:

— Обязательно. Только не сейчас.

— Спасибо тебе, Полина, — голос Нелли дрожал, — я что-то растерялась. Давно в бою не была.

— А чудовище не вернется? — спросила Лина.

— Нет. Его переехал поезд.

— А кто это был? Великан?

Нелли села рядом с сыном, прижалась к нему. Мальчика била легкая дрожь.

— Не могу поверить, — тихо проговорила Полина, — робот. Робот, понимаете?

— Для Иного, — покачала головой Нелли, — не самый сложный враг. Я могла уйти в Сумрак и стать для него недосягаемой.

— Ему была нужна не ты, — возразила Полина.

Все посмотрели на Огонька.

— Ошибаетесь, — криво усмехнулся маль-

чик, — я им не нужен. Я даже не волшебник.

— Ярик, — Линка села рядом с Огоньком, взяла его за руку, — робот оттолкнул твою маму и бросился за тобой. Мы все это видели. А ты не растерялся! Ты молодец.

— Я просто закрыл ему путь.

Полина снова взяла слово:

— Нелли, ты, конечно, могла уйти в Сумрак, и робот тебя не достал бы. Но и тебе труднее справиться с ним. Если «прессом» ты сшибаешь с ног человека или Иного, то для такой махины это пустяк. Он не боится файерболов или заряженных магией пуль и клинков, многих заклятий. Времена меняются. Дозоры используют все больше техники — она уже доступнее, чем магия.

— Считаешь, в поезде он был один? — тихо спросила Нелли.

Дети с тревогой посмотрели на Полину. Женщина кивнула:

— Конечно. Были бы другие, они пришли бы ему на помощь. Думаю, у Темных остались сомнения после разговора со мной, и они оставили его на всякий случай. Я бы почувствовала ауру Иного рядом, а стальную машину — нет.

— Видишь, Линка, что такое жизнь волшебников, — грустно усмехнулся Огонек. — Вот тебе и

Хогвартс.

Нелли отозвала Полину в коридор:

— У тебя есть оружие?

— Я же не дозорная. В жизни не держала в руках ничего опаснее кухонного ножа.

— Тебе стоит сойти на ближайшей станции. С нами ехать слишком опасно.

— Но робот был единственным…

— Шут с ним, с роботом. *Они* идут за Огоньком, как голодная волчья стая. Вчера я подслушала разговор Темных в Питере. Их главный сказал что-то вроде: если не найдете пацана, всех нас ждет кое-что хуже смерти.

В голосе Нелли появилась спокойная обреченность. Полина внимательно слушала, сложив на груди руки.

— Что за чудо-ребенок? — спросила она шепотом. — Несформированная судьба — еще не повод для такой облавы.

— Никакое он не чудо, — устало опустила голову Нелли. — Великим просто понадобилась новая живая игрушка для их бесконечных разборок. Было одно пророчество… насчет меня и Матвея. Неясное предсказание о какой-то беде.

— И вы боитесь, что оно перейдет на сына. Давно прячетесь ото всех?

— Всю жизнь.

За окном снова потянулся лес. Небо очистилось, ярко засияли звезды. В купе вокруг дружно похрапывали пассажиры.

— Я не сбегу, Нелли. Не брошу вас.

— Спасибо, конечно. Но вряд ли ты сможешь помочь. *Они* нападают большими силами и не оставляют в живых никого.

— Я тебе уже дважды помогла. Вдруг и в третий раз получится. — Она задумалась на мгновение. — Так что же может быть для *них* хуже смерти?

— Что?

— Да ничего. Если только… глобальное поражение Тьмы.

Они вернулись в купе. Полина с новым интересом посмотрела на Огонька. Мальчик ответил ей взглядом спокойных голубых глаз:

— Теперь можно поспать? — и завернулся с головой в одеяло.

* * *

Франция, Париж, Елисейские Поля
11 мая 2015 года, 20:00

— Валя, ты сводишь меня с ума, — проговорил

Артем тихо, словно в бреду.

Он затаил дыхание и пожирал ее глазами, ожидая ответа, — но Валентина только взяла его под руку и лучезарно улыбнулась.

Они шагали по цветущему скверу — пронзенные сиреневыми и розовыми лучами, оглушенные стрекотней птиц, и впереди, как золотой маяк, сиял шпиль на площади Согласия, за ним лилась расплавленной медью Сена в сизых пятнах лодочек, и уличный оркестр наигрывал «Something stupid» — а над всем этим дышало, мерцало и осыпалось расцветающими звездами индиговое вангоговское небо.

— Здесь чудесно, — сказала Валентина, нарушив затянувшуюся паузу. — Спасибо, что привез меня сюда. Чувствуешь? Пахнет розами… и свежим хлебом…

— Ты бывала в Париже раньше?

— Никогда! Сегодня — впервые.

— Завидую. Столько всего тебя ждет.

Смеясь, они пересекли площадь (Локшин купил у цветочницы пунцовую розу и вручил Валентине), поднялись на летнюю веранду ресторана. Им навстречу величаво выступил бронзовокожий метрдотель в полосатой ливрее, напомнившей о славных временах Бурбонов,

Валуа и Монпансье.

— Добрый вечер, мадемуазель, месье, — он изобразил легкий поклон, — вы бронировали столик?

— Нет, мой друг, мы только что прибыли в вашу страну, — на чистом французском языке отвечал Артем.

— Тогда я вынужден огорчить вас: мест нет.

— Вы дадите нам место — там, где я укажу.

— Вы не поняли, месье…

— Нам подойдет вон то, в углу, у орхидей и карликовых пальм.

Метрдотель, упрямое дитя Магриба, замигал шоколадными веками:

— Месье, осмелюсь обратить ваше внимание на табличку «Réservé» на столике.

— Вы уберете ее и больше не будете докучать мне с этим. — Артем коснулся руки распорядителя — и тот застыл в лиловом парижском воздухе, словно восковая фигура.

— Да, конечно, месье, — произнес он с тихим удивлением.

— Так-то лучше, мой друг. Тащите сюда официанта.

Инквизитор и Светлая дозорная расположились среди пальм и орхидей. Валентина смотрела

вокруг с рассеянной улыбкой, словно чувствовала какую-то неловкость от этой роскоши. На щеках ее проступил легкий румянец, коса горела золотом на солнце, изящное платье из белого шелка ужасно походило на свадебное — и Артем, мельком подумав о предстоящей ночи, испытал стремительное головокружение, будто залпом осушил бокал шампанского.

— Будешь устрицы? — спросил он. — Или лапки лягушек?

— Что ты сделал с этим малым? — с шутливой укоризной сказала Валентина. — Воздействие шестого уровня… это нарушение. Вдруг рядом французский Дозор?

— Ради тебя, — сверкнул глазами Артем, — я нарушу все договора в мире.

Валентина рассмеялась:

— Слышал бы это твой начальник, Натан Иванович.

— Кролевский? С тех пор как я в Инквизиции, он сделался беспечным пенсионером. Скажу по секрету: Натан очень устал. Еще пара лет — и он отойдет от дел. А главой Московского бюро стану я.

Не торопясь они съели ужин — камамбер, устрицы и бутылка «шабли» — и заказали кофе.

От вина в глазах девушки зажглись веселые искорки.

— Восхитительное место, — сказала она. — Куда дальше, Артем?

— Куда пожелаешь. Ночной Париж ждет нас.

— Будем гулять до утра?

— Стоило ли заказывать королевский номер с огромной кроватью в «д'Обюссон» — чтобы ночевать на улице?

Вино придало Артему смелости. Он наклонился к девушке и поцеловал ее в губы.

Щеки Валентины замело алым:

— Артем, номер… с кроватью? Мы не слишком торопимся?

— Век долог, да час дорог, Валя.

— Век Иного куда дольше века тех, кто придумал эту пословицу.

— Перед вечностью мы все — мотыльки-однодневки.

— А ты не боишься, что пойдут пересуды? Я Светлая, первого уровня, из Ночного Дозора, ты — Инквизитор…

— Опять ты об этом, — поморщился он, — для того мы и убрались за тысячи километров от Москвы — чтоб не начинались пересуды.

— Но если пойдут слухи — я могу остаться без

работы.

— Придумаю что-нибудь. Возьму тебя к себе в бюро. Я и сам был Светлым дозорным когда-то!

— И многие в Ночном Дозоре твой уход расценивают как предательство.

— Вздор. Разве я первый Светлый, кто примкнул к Инквизиции?

— Не первый. Но тебя, меня и прочих «лужниковских» Завулон готовил как острие для удара по Свету. Лишь чудом Тайному Дозору удалось уравнять расклад. И ведь ты был самым сильным из нас!

— Пустое теоретизирование в стиле Гесера. — Локшин отхлебнул кофе, глядя на метрдотеля. Тот покачивался, как пьяный, в своей исторической ливрее у входа в ресторан, не замечая ничего вокруг. Проходившие мимо подростки со смехом фотографировали его на смартфоны. — Пусть зовут предателем, мне нет дела. На моей стороне правда.

— Правда у всех своя.

Артем заметил ироничную улыбку на губах Валентины и резко подался к ней:

— Правда только одна — закон! Великий Договор. Если бы все понимали это и чтили его, мы бы горя не знали. Представь себе тысячелетний мир

без крови, без вечных интриг.

— Тогда нам всем пришлось бы стать Инквизиторами, — рассмеялась девушка.

— То был бы лучший день в истории.

— Ты серьезно? Хочешь всех Иных сделать Инквизиторами?

— Мечтаю об этом. Взгляни на меня — я стал Инквизитором и не жалею.

— Ты утопист, Артем. Свет и Тьма слишком различны.

— Для меня нет разницы. Да, я был Светлым когда-то, но все изменилось. Нужно просто принять, что Свет и Тьма равноправны и равноценны.

— Но Свет и Тьма не растворятся друг в друге. Будут тысячелетние сумерки, без печали — но и без радости.

— Валя, даже люди после всех войн смогли договориться и живут в мире — по крайней мере цивилизованная часть человечества. Худой мир лучше доброй ссоры. Ведем войну уже тысячу лет, нас учили, что жизнь — это бой…

Инквизитор допил кофе, бросил на стол несколько зеленых купюр. Парочка вышла из ресторана и направилась в сторону Тюильри. Золотистый вечер погас, и воздух стал черно-синим, хвойным, густым. Артем закурил, Валентина

рассеянно любовалась подаренной им розой:

— В твоих словах что-то есть. И я даже хотела бы поверить в тысячелетний мир… но не получается.

Артем затянулся сигаретой, выпустил дым к небу — там разгоралось все больше звезд:

— Конечно, Валя, ведь ты очень умна. Чтобы примирить Свет и Тьму, нужно какое-то колоссальное, непредставимое чудо. Сама стихия Сумрака должна быть в согласии с этим. Мы могли бы попробовать воплотить эту мечту, могли бы — но нужно желание многих сильных, Великих. А может быть, начать с малого? Ты и я…

Он не договорил. Что-то творилось в полутьме под липами в саду Тюильри. Там, куда не проникал свет уличных фонарей. В Сумраке прокатился хлопок и эхо удара — за ним последовал ответный. Еще один — и еще, сильней, звонче. Валентина узнала холодное упругое волнение, наполняющее азартом сердце, разгоняющее кровь перед дракой.

— Вот доказательство моей правоты, — указала она.

Двое — Светлый и Темный. Молодые и не особо сильные: пятого-четвертого уровня. Из-за чего они сошлись в поединке? Случайная стычка?

Личная неприязнь? Дуэль? Этого Валентина и Артем так никогда и не узнали.

— Это доказательство их дури, — отвечал Инквизитор.

Он остановился у края пешеходной дорожки и наблюдал, как Темный проворно запустил в Светлого оппонента целой серией файерболов — и тот встретил их «щитом мага». Рваные протуберанцы пламени таяли в Сумраке. Светлый атаковал серией разящих ударов шпагой (яркие росчерки во Тьме), и Темный с трудом парировал их своей. В физическом мире на месте их сражения, казалось, ничего не происходило — но гулявшие в парке люди неосознанно обходили это место стороной. Валентина еще не ощущала тревоги, предчувствие предало ее, она лишь мельком отметила, что французские Иные предпочитают шпаги мечам.

— Пойдем, — сказала девушка, беря спутника за руку, — это не наше дело.

Артем не сдвинулся с места.

— Ты не на работе, — напомнила девушка, — не тебе судить их. Пусть разбираются местные Дозоры, прошу тебя. Не хочется портить вечер.

— Скоро прибудет местная Инквизиция. Я буду свидетельствовать для нее.

Валентина подошла к Артему, взяла за руку… и поняла: все его тело сотрясает легкая дрожь, как у гончей при виде зайца.

— Друг мой, разве за этим мы приехали в Париж? — сказала она.

Артем посмотрел на нее долгим взглядом и как будто пришел в себя. Начавшаяся ночь обещала стать самой прекрасной в его жизни. Он сделал шаг следом за подругой — но в следующее мгновение один из драчунов ударил в соперника «полярным дождем», и тот с трудом отбил его. Ледяная крошка веером разлетелась по парку, и несколько мелких крупиц хлестнули по лицам московских Иных.

Валентина вскрикнула от боли, и тут же взбешенный Артем бросился к дуэлянтам, на ходу доставая до отказа накачанный Силой жезл:

— Всем выйти из Сумрака! Инквизиция!

— Артем, постой, — воскликнула девушка, — это же пустяк!

— Сложить оружие! — Артем великолепно говорил на французском. Драчуны услышали его и заколебались. Темный сразу же бросил шпагу и вскинул ладони к небу. Он повернулся к Артему, улыбаясь, всем видом демонстрируя миролюбие.

Светлый же то ли не успел остановить дви-

жение ладони, то ли в горячке не услышал слов Артема (он находился чуть дальше) — и заклятие «тройного лезвия» полетело в Темного за мгновение до того, как тот прекратил сражаться.

Защита Темного не выдержала и лопнула с тонким хрустом. Три лезвия вошли в спину между лопаток, пробили дуэлянта насквозь и растаяли в Сумраке с едва слышным мелодичным звоном. Если бы он не отвлекся на голос Артема — легко увернулся бы: расстояние между врагами было приличным.

Темный обернулся и посмотрел на своего соперника с каким-то детским изумлением; он неловкими жестами пытался остановить открывшийся водопад крови — затем упал на колени. Хотел что-то сказать, но изо рта хлынула кровь.

— Санацио! — крикнула Валентина, сплетая заклятие, останавливающее кровотечение. Поздно. Француз лежал на траве без дыхания.

— Стоять на месте! — приказал Артем Светлому. — Подними руки и выйди из Сумрака!

Бледный как полотно беловолосый юноша с тонкой бородкой и ниткой усов отступил на шаг, посмотрел на Инквизитора с ужасом:

— Он погиб из-за вас. Какого дьявола вы влезли? Вы не парижанин.

— Московское бюро Инквизиции! Вы арестованы за убийство.

— Арестован? — Светлый вытер шпагу о пучок листьев и бросил ее в ножны. — Это не ваша страна. Зачем вы вмешались? — спросил он. — Я не собирался убивать его.

— Суд разберется, — отчеканил Артем. — Сдайте оружие.

Юноша, дрожа от ярости, отступал к парковой дорожке:

— Катитесь к черту, безумец.

— Стоять на месте, это приказ!

— Не имеете права…

— Последнее предупреждение! — Инквизитор вскинул жезл. Аура его полыхала удивительным цветком серебристо-серого огня.

— Вы не имеете права приказывать здесь, идиот!

— Артем, не надо! — воскликнула Валентина. — Прошу тебя, остановись!

Француз высокомерно вскинул голову, повернулся и направился в сторону площади Согласия. Потом не выдержал — и побежал.

«Площадь Согласия — какая насмешка», — успела подумать Валентина.

Артем, белый от ярости, взмахнул жезлом.

— Нет! — крикнула девушка.

Чистая молния Силы ударила Светлого в спину, и тот без движения рухнул на асфальт: пустая оболочка, высосанная Сумраком начисто.

В наступившей тишине слышались далекие гудки автомобилей да негромкая музыка в исполнении уличного оркестра у станции метро «Конкорд».

Валентина быстрым шагом направилась прочь — в бархатное черное небо, горящее мириадами живых огней. Локшин, спотыкаясь, бросился следом. Он вдруг больше всего на свете захотел открутить все вспять. О, если бы можно было сейчас метнуться на две минуты назад, чтобы просто пройти мимо! Он отдал бы за это много лет жизни, отдал бы все, что имел, — даже свой инквизиторский чин.

Артем взял Валентину за плечо, но та вырвалась с рычанием дикой кошки. Он схватил ее снова — с силой, до боли сжав пальцы, — и тогда девушка обернулась и наотмашь ударила его по лицу. Звезды мерцали в ее слезах:

— Неужели ты не понимаешь, что убил их обоих?

— Черт возьми, я пытался делать свою работу! Я Инквизитор!

— Ты злой мальчишка, которому в руки свалилась Сила, вот кто ты!

Она прошептала заклятье — и шагнула в искрящийся прямоугольник портала.

А в парке Тюильри в теплом сиянии старинных чугунных фонарей над двумя трупами ласково шелестели листвой старые липы.

Глава 4

Московская область, городской округ Клин,
около станции «Решетниково»
20 сентября 2015, 07:12

«Сейчас или никогда», — подумала Нелли.

Поезд «Санкт-Петербург — Адлер» тащился вперед все медленней и тяжелей, словно невидимые глыбы камня повисали на его колесах. Дети спустились на нижнюю полку — наверху им было неуютно. Огонек сразу провалился в сон, Лина же долго крутилась под одеялом, затем прижалась к спящему мальчику и только тогда забылась беспокойным сном.

Полина смогла уснуть, лишь наложив на себя «Морфей».

Нелли осталась на часах. Она сидела на краешке полки у двери купе — изящный силуэт в полумраке — и вслушивалась в перестук колес, сжимая в руке револьвер с последними двумя

пулями.

Звездная чернота над лесом сменялась нежной синевой: поезд выезжал из страны ночи в рассветный край. В бледном утреннем полумраке Нелли увидела, как ее сын повернулся на бок и, не просыпаясь, улыбнулся и обнял Лину. Мальчик и девочка лежали рядом и смотрели свои детские сны. Рыжие волосы девочки спутались с белыми локонами Огонька, их дыхание смешалось. Нелли долго смотрела на их слившиеся ауры — радужную и апельсиново-оранжевую. Час покоя и безмятежности на исходе тревожной и мрачной ночи.

«Ярик сейчас по-настоящему счастлив, — подумала Нелли. — Счастлив, как не был уже давно».

И что-то словно подтолкнуло ее. Наитие, шестое чувство, материнский инстинкт… Она задохнулась — как если бы в лицо плеснули ледяной воды.

Сейчас или никогда.

От страха упустить момент во рту стало сухо. Нелли простерла руку над спящим сыном. Исцарапанная в драке ладонь слегка дрожала. Столько лет мы с Матвеем размышляли о том, как это случится, столько лет не решались — потому что ужас был сильнее надежды. Светлый или

Темный?

«Наверное, здорово, когда муж и ребенок — Иные», — сказала вчера Полина. Но это было не совсем верно. Ее сын не был Иным. И не хотел им быть. Почему? Нелли устала задавать себе этот вопрос.

Ему не нравится ваша вражда. Этот хищный кошачий блеск в глазах отца — и это вечное скрытое беспокойство в глазах матери.

Нет, было что-то еще. Нечто в глубине его вечно печальных глаз, невысказанное, неосознанное.

Несформированная судьба. Решать Сумраку. И знаешь, мы с мужем очень боимся его решения.

Может быть, глубоко внутри себя Огонек знает нечто, не доступное никому… Нечто, запертое в подсознании.

«Ты тоже не хочешь знать этого», — с бешено колотящимся сердцем подумала Нелли. Возможно, это знание было когда-то твоим и перешло ему по наследству — а твоя память милосердно избавилась от него. Тонкие пальцы волшебницы затрепетали. Нет, нет, нет — уж легче думать, что твой сын принадлежит только тебе!

Огонек улыбался во сне. Лина сладко вздохнула и обняла его в ответ, на лице ее застыло выражение одновременно счастливое и слегка

капризное. А лицо мальчика словно светилось изнутри.

Я с первого дня не могла отделаться от мысли, что придется его хоронить и жить дальше.

Нет. Только не такая судьба.

Простит ли он тебя?

Простит, когда поймет. А лучшего шанса, чем сейчас, возможно, не будет никогда.

Светлый или Темный? Только не Темный, пожалуйста, пожалуйста!

Счастливый человек должен стать Светлым Иным. Но судьба Ярика не определена…

Сумрак вокруг Нелли пришел в движение, завертелся медленным вихрем. Она ласково провела рукой по щеке сына, и в неверном свете нарождающегося утра его образ заколебался, потускнел, как на старой выцветшей фотографии. За минуту до того, как произошло непоправимое, обе их спутницы — Полина и девочка — открыли глаза. Не просыпаясь, не шевелясь, они смотрели на совершающееся чудо.

Чудо обращения человека в Иного.

Огонек проснулся уже в Сумраке.

Светлый или Темный?

* * *

Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова

20 сентября 2015, 07:28

По черной ряби канала плыли отблески огней. Собравшимся на берегу не нужен был свет для того, чтобы увидеть друг друга, но из уважения к тому, кто их созвал (а еще больше из страха перед ним), в промозглом воздухе подвесили несколько огненных сфер, издали похожих на факелы. Пятеро Темных — трое мужчин и две женщины — наблюдали, как на мосту над каналом появилось серое мерцание, и из него, словно ангел из сияющего облака, спустился Инквизитор первого уровня Артем Локшин. Его аристократически бледное, обрамленное черными волосами лицо выражало безмерную усталость и презрение ко всему, на что падал взгляд. Чекистская кожанка скрипела при каждом шаге, а рукоять двуручного меча на бедре играла серебром. Мерцающее сапфировое око амулета на его груди казалось живым.

— Восемнадцать погибших, — бросил он вместо приветствия, — в том числе Гаш, вожак

петербургского Дневного Дозора. И всего один раненый.

— Пострадавший, — поправил его один из Темных, — у него психологическая травма. Наши целители им уже занимаются.

Это был высокий мужчина в кожаном плаще буро-серой змеиной расцветки. Он казался крепким и довольно молодым, но длинные, зачесанные назад волосы его были абсолютно седыми. На бледном до голубизны гладком лице выделялись большие узкие глаза — холодные, с вертикальными зрачками.

— Сокрытие правды, — проговорил Артем, облокотившись о перила набережной, — вот худший грех перед судом. Ничто так не оскорбляет правосудие, как ложь и тайны дозорных интриганов. Подумай об этом, Тайпан, прежде чем отвечать на вопросы.

— Можно поклясться говорить правду и ничего, кроме правды, — и уже в этом солгать.

— Я не прощаю ложь даже вашим вождям — а холуи вроде тебя за каждое слово лжи заплатят дорогую цену.

Тайпан ничем не показал обиды, лишь его змеиные зрачки стали еще тоньше.

— О, ваше инквизиторское сиятельство! — про-

шипел он с иронией.

— Довольно расшаркиваний. Вы, Темные, натравили на одну-единственную Светлую женщину свору головорезов — но она больно щелкнула вас по носу. Как же это вышло?

— Судье и защитнику Великого Договора стоит быть более дипломатичным. Ты возбуждаешь гнев и недоверие к Инквизиции в моих подчиненных.

Он взмахом ладони указал на четверку Темных за спиной.

Вопреки его словам подчиненные, казалось, откровенно скучали. По правую руку от Тайпана высился коротко стриженный мрачный гигант, затянутый в кожу: сплетение мышц, толстая лобовая кость и маленькие безразличные глазки. «Машина для убийств Светлых волшебниц и их детей», — промелькнуло у Артема. Чуть в стороне стояла высокая изящная девушка в черном, Инквизитор безошибочно определил в ней боевого мага-перевертыша третьего уровня. Рядом — рыжеволосый молодой человек с повадками кота и юная брюнетка в очках. Встретившись взглядом с Артемом, она робко опустила длинные ресницы и почти перестала дышать.

Всех их Локшин знал с детства. Много лет

назад они познакомились в детском лагере «Лесная сказка», затем вместе стали Иными в ночь первомайского шабаша. Пятеро из семи, что обратились ко Тьме. И где-то заняты темными делами еще двое. Теперь они семеро — Особый отдел Дневного Дозора Москвы.

— Не юли, змей, — проговорил Инквизитор, подходя вплотную к Тайпану. — Я хочу знать, что здесь произошло. Я ни за что не поверю, что Гаш отправил на смерть свою гвардию и сам сложил голову ради проверки регистрации у заезжих Светлых.

Тайпан спокойно встретил его давящий взгляд:

— Как я слышал, Гаш получил информацию, что в квартире дома номер тридцать находится нечто очень важное. Источнику он доверял.

— И что же это?

— Мы тоже хотели бы знать.

— Не ты ли, Тайпан, подкинул Гашу эту информацию?

Темный маг усмехнулся кончиками губ:

— Почему бы тогда уж не сам Завулон?

— Завулон в отличие от тебя умеет просчитывать последствия на несколько ходов вперед. Он бы не допустил катастрофы. Фактически Дневной

Дозор Петербурга обезглавлен и обескровлен. Светлые не преминут воспользоваться этим.

Тайпан промолчал в ответ, лишь все та же тень улыбки скользила по его серым губам. «Похоже, ему все равно», — обескураженно подумал Артем.

— Итак, тебе нечего сообщить следствию? — спросил он.

— Говори с местным Дозором, Инквизитор. Это их рутина.

— Что же вы, москвичи, забыли в Петербурге?

— Эрмитаж посмотреть приехали, — вставил рыжий парень.

— Я не тебя спрашиваю, Локи.

Тайпан бросил короткий взгляд на подручного — и тот отступил в тень.

— У нас здесь встреча со старым другом, — пояснил Тайпан.

— У такой рептилии, как ты, бывают друзья?

— Представь, Артем, — мы, Темные, тоже умеем дружить.

Локшин ощутил нарастающее бешенство. Время убегало, а ни один ответ не приближал его к пониманию сути происходящего.

— Ночной Дозор тоже ни сном ни духом, — сказал он. — В квартире жил их сотрудник Матвей

Гордеев, но он сейчас в командировке. О его жене никто не знал, у Светлых она в розыске с 1998 года. Что здесь творится, Тайпан? Осведоми правосудие!

— Это ты — правосудие? Всего каких-то четыре года назад ты был Светлым и убивал моих друзей. Почему я должен доверять тебе?

Голос Артема загремел:

— Ты забываешься, змеюка! Я давно уже не Светлый. Я беспристрастен, я — слуга Договора.

Темный боевик, гора мышц, сделал шаг к Артему — словно в воздухе поплыла черная скала. Он возвышался над Инквизитором на две головы.

— Мне плевать, чей ты слуга, — отвечал Тайпан, — наши дела тебя не касаются. Если мы что-то нарушим — будем отвечать. А сейчас убили наших друзей, и мы требуем отмщения!

Но Артем уже взял себя в руки:

— Кто же убил твоих друзей — Гордеевы, которые защищали себя, или ты сам — когда отправил Гаша на смерть?

Теперь Темный громила подошел к Артему вплотную, навис над ним, как бульдог над котенком, издавая странный рокочущий звук, будто внутри у него заработал ржавый двигатель, — но Инквизитор неуловимым движением выхватил

золотой жезл и ткнул им Темного в плечо. Вспыхнула голубая искра — и гора мышц откатилась на шаг назад.

— Спокойно, Азиз, — сказал Тайпан, — мне не нужны разборки с Инквизицией. Доверять мы друг другу не станем, это верно, — но цель у нас сейчас общая.

Азиз, потирая обожженное плечо, отодвинулся. Темные смотрели на Артема с кривыми ухмылками, держа ладони поблизости от оружия. Только худенькая девушка в очках прижалась спиной к грязной стене дома, пытаясь унять дрожь.

— Тебе нужна информация? Изволь. — Тайпан снова был спокоен и холоден как ни в чем не бывало. Из рукава его плаща выскользнула тонкая черная змейка, лизнула раздвоенным язычком его ладонь и юркнула обратно. — Ходят слухи, что Светлые готовят какую-то большую мерзость. Собираются нарушить Договор по-крупному. Они не станут действовать открыто — но привлекут бывших дозорных, отставных профессионалов. Именно это узнал Гаш. Слухи — еще не факты, но он хотел проверить.

Артем слушал и размышлял. Змей, как всегда, смешивал правду с ложью, но кое-что вырисовывалось. Семья Гордеевых зачем-то понадобилась

Темным. Матвей приехал в Питер, скрывая ото всех жену и ребенка. Однако как-то же вышло, что вчера он оказался с сыном в Москве — а жена со своим пятым уровнем в это время уложила целую Темную банду? Впрочем, мину мог установить и сам Матвей… в прошлом — профессиональный боевик Тайного Дозора.

— Информация за информацию, — сказал Инквизитор. — Я видел Гордеева сегодня ночью. Он сейчас в Москве, в офисе Ночного Дозора, ждет моего допроса… вместе с сыном.

Произнося последние слова, он внимательно наблюдал за Темными. Азиз и Тайпан остались бесстрастными, но трое остальных едва уловимо изменились в лице.

Дело в сыне.

Вот из-за кого восемнадцать Иных навсегда ушли сегодня в Сумрак. А Тайпан и его громилы отчего-то предпочли не приближаться.

— В штабе у Гесера, — переспросил Тайпан, — это не ошибка?

— Нет, я узнал кабинет, из которого шел видеозвонок, — объяснил Артем.

Локи присвистнул. Темные зашептались.

— Мы требуем его ареста и суда, — сказал их глава. — При допросе должен присутствовать

наш представитель.

— Это решать суду.

— Я сообщу Завулону. — Тайпан оставался непроницаем — но Артем уже понял главное и решил, что встречу можно заканчивать.

— На здоровье. Но я запрещаю вам сводить с семьей Гордеевых счеты, — сказал он ледяным голосом. — Если нападете на след Нелли — сообщайте мне. На этом попрощаемся.

— Не могу тебе ничего обещать, бывший Светлый, — в тон ему отвечал Тайпан. Он повернулся спиной к Инквизитору и сделал жест своим: уходим.

Все пятеро удалились в сторону Вознесенского проспекта.

Инквизитор остался на месте. Он стоял, опершись на чугунные перила, и смотрел вслед пятерке Темных. Своим обострившимся зрением он видел сквозь Сумрак, как в квартале от него пять силуэтов постояли кружком, совещаясь, и разошлись в разные стороны. Артем ждал.

Один из силуэтов — точеная изящная фигурка с темно-синей аурой в розовых лепестках — сделал круг по району и торопливо побежал обратно. Темноволосая девушка в очках, похожая на старшеклассницу-отличницу.

— Здравствуй, Агата, — прошептал он.

Вместо ответа девушка прильнула к Артему, как кошка, и принялась покрывать его лицо поцелуями.

— Как я скучала, как скучала по тебе, любимый…

* * *

А где-то на залитом дождем Вознесенском проспекте Тайпан извлек из складок плаща смартфон и принял звонок. Номер не определился, но Темный маг знал, кто звонит.

— Я слушаю.

— Привет, дружочек, — сказал насмешливо Дориан, — как там наш Инквизитор — еще не посадил тебя на костер за все твои грехи?

Тайпан мысленно выругался.

— Говори, что нужно, у меня мало времени.

— Обиделся… большие мальчики не должны обижаться на шутки, запомни, змей.

— Это все? Мне некогда болтать.

— Терпение, мой милый обижака… У меня есть новость. Я, кажется, знаю, где наши потеряльцы.

Взвыл в трубке ветер — и Дориан повысил голос, чтобы собеседник услышал его:

— Вообрази себе полотно железной дороги.

Поезда носятся, хлещет дождь, и темно, как в крысиной норе. Но среди камней и вонючего мусора лежит нечто прекрасное. Стальной робот, размером с твоего бездельника Азиза, дергается и вертит башкой в агонии; у него один глаз — злющий, краснющий, — но встать малыш не может: поезд оторвал ему лапки. Представил?

— Что за чушь ты несешь? — зашипел Тайпан.

— Чушь висит у тебя промеж ног, дружочек. Да, местный Дневной Дозор использовал робота. Разве не умно? Его не видно в Сумраке, он не боится многих заклятий… его подсадили к подозрительной Светлой пассажирке в сочинский поезд. Она отправила Самоделкина в металлолом — но он успел передать сигнал тревоги. А когда связь с ним пропала, мы с дозорными забеспокоились и бросились спасать нашего малыша.

— Хочешь сказать, это была Герда?

— Больше некому.

— Но мы же сразу оцепили вокзал.

— Этот поезд шел с другого вокзала!

— Есть информация, что на Ладожском была всего лишь Светлая с похожими приметами.

— Дружочек, если есть хоть крошечный шанс, что это она, — я не отстану.

Тайпан закатил глаза к небу:

— Ладно, это не важно. Мальчишки в поезде все равно нет.

— Как нет?

— Он в Москве, с отцом.

— Ты уверен? Кто тебе сказал?

— Не важно. Я приказываю — перевозим штаб в Москву. Питерские дозорные продолжат поиски на месте.

Дориан некоторое время молчал. Было слышно, как в трубке завывает ветер.

— Я пойду за поездом и за девкой, — сказал он мрачно. — Гелла поможет мне. Это личное, пойми.

«Черт бы тебя драл», — хотел ответить Тайпан. Он ненавидел в подчиненных непослушание. Но, во-первых, Дориан хоть формально и признал его старшинство — все равно действовал сам по себе. А во-вторых… почему бы нет. Пусть делает что хочет. Он любит странные забавы с женщинами — живыми и мертвыми, но это его дело. Тайпан за него не в ответе. А если Светлые прибьют Дориана — тоже не беда. Присутствие этого психопата поблизости нервировало.

— Удачи тебе, дружочек, — сказал шеф Особого отдела Дневного Дозора, отключая смартфон.

* * *

Москва, Алтуфьевское шоссе
20 сентября 2015, 08:30

— Что *они* будут делать, если схватят Нелли? — спросила Валентина.

Матвей не ответил. Он смотрел в окно мчавшегося на север автомобиля — шоссе по случаю утра воскресенья было почти пустым.

— Что, если они уже взяли ее? — продолжала девушка, включая поворотник и перестраиваясь в правый ряд для поворота на МКАД.

— Если до нее доберется Дориан… то остается надеяться, что она успеет убить себя. Но если б она покончила с собой — я бы почувствовал.

— А мальчик?

— Я погибну, но спасу его. Он мой сын.

— Погибнуть всегда успеешь. Если за этим стоит Завулон — то и Гесер не останется в стороне.

— На Гесера я не надеюсь.

— Зря. Вся твоя жизнь от рождения, возможно, идет по его плану — а ты об этом даже не догадываешься.

— Возможно, вся наша жизнь — чей-то художественный вымысел.

— Я серьезно, Кот.

— И что мне делать, Валя? Ждать возвращения Гесера?

— Мы не можем помочь тебе открыто. С тех пор как Артем Локшин рулит в Инквизиции, мы под колпаком. Не забывай: он четыре года возглавлял наш Особый отдел до меня, пока не решил, что Свет ему не подходит, — и прекрасно знает Дозор изнутри. Поэтому никаких резких движений. Есть мой отдел, это мои ребята, «лужниковские». Остальных к нашему делу не привлекаем. Во-первых, в Дозоре могут быть информаторы…

— Шпионы Темных? Хорошая шутка.

— Шпионы Инквизиции. Ее методы теперь тоньше и в то же время наглей. Во-вторых, мы пока сами до конца не понимаем, с чем имеем дело. Твой мальчик может быть опасен как для них, так и для нас.

Матвей хотел возразить — но встретил спокойный взгляд Вали и осекся. Она была кругом права.

— Жаль, Артем ушел от нас, — задумчиво проговорила Светлая, — он один стоил десятка опытных оперативников. Но есть ты, есть я, есть Марина. Солдат из нее не самый сильный, однако ее шестое чувство, интуиция, феноменально

развито. Еще трое бойцов, все хорошие стрелки и искусные маги четвертого-третьего уровня. К несчастью, один из моих ребят, Геннадий, погиб этой весной… при обстоятельствах, не исключающих убийство. Он вырос только до пятого уровня, зато был великолепным стрелком, лучшим из всех. После его смерти мы все стали осторожными до тошноты.

— Что насчет Темных? У них тоже есть Особый отдел?

— Разумеется, и сильнее нашего. Есть разные точки зрения на мотивы Завулона, приведшего тогда в «Лужники» именно нас. Но нет сомнений — если бы мы все были сейчас в его лагере, перевес сил Тьмы стал бы подавляющим. Скифу удалось испортить этот план, но смотри: самый сильный из нас, Локшин, предал Свет. Другие наиболее крепкие бойцы оказались у Завулона. Гена погиб. Теперь они наступают, мы защищаемся. Ты слышал о Тайпане?

— Очень мало.

— Маг-перевертыш первого уровня. Любимчик Завулона… В конце девяностых в Москве бесследно исчезали молодые здоровые ребята и девушки. Знаешь, есть способы быстро накачать Иного Силой и поднять его уровень. Но нужно много

жертв. Скиф потратил годы на это расследование — но концов не нашел.

— По-твоему, Завулон так подставился ради этого парня?

— Это версия. Живых свидетелей мы не обнаружили, а мертвые не слишком разговорчивы. Правая рука Тайпана — Азиз. Живая машина для боя. Его, конечно, тоже прокачали — до второго уровня. Я помню «Лесную сказку» и этих мальчишек. Они не были гениями ума и физической силы. Им помогли. Теперь ни ты, ни я не сможем противостоять в бою ни Тайпану, ни Азизу. Разве что Скиф или сам Гесер…

— Кого еще стоит остерегаться?

— Компьютер, — скомандовала Валя, — досье шестнадцать.

На приборной панели вспыхнул экран, развернулось досье — фото и немного текста. Гордеев вгляделся в холодное отстраненное лицо Тайпана, затем — в бесстрастное, будто каменное лицо гиганта Азиза. Следующим на экране возник рыжеволосый молодой Иной с легкой надменной усмешкой на устах.

— Локи, — прокомментировала Валя, — хороший стрелок и разведчик. Четвертый уровень.

Миловидная юная брюнетка в очках. Она

смущенно улыбалась, опустив лицо — словно опоздавшая на урок студентка.

— Агата, пятый уровень. Была бы хорошей девочкой, но сильно испугалась тогда, в «Лужниках», и страх предопределил ее путь во Тьму. Толку Тайпану от нее мало, если только на шухере поставить. Или шпионить ее пошлет.

Еще один кряжистый, широкоплечий парень. Бритый налысо — от этого плечи и мускулистая шея казались еще больше.

— У этого кличка Мясник. Третий уровень.

«Физическая мощь в довесок к магической силе, — подумал Кот. — То, чего в девяностые годы не хватило Тайному Дозору Гантрама».

Эффектная длинноногая брюнетка в джинсах и пушистой курточке. На вид — тусовщица по столичным ночным клубам. Хищный взгляд, накачанные силиконом губы, порочная искусственная красота.

— Багира, перевертыш. Тоже третий уровень.

Последней на экране появилась худенькая и невзрачная девушка в мешковатом сером свитере. Широкие азиатские скулы, невыразительный рот, отсутствующий взгляд раскосых глаз. Встреть Матвей такую на улице — прошел бы мимо, не обратив внимания.

— Гелла, третий уровень. Так, с первого взгляда, и не скажешь. Большой мастер маскировки. Даже ауру может сфальсифицировать.

Валентина вздохнула:

— Как видишь, расклад не в нашу пользу. К тому же я уверена, Артем подкинет проблем. Впрочем, если вернется Скиф, все изменится… Приехали. Где тебя высадить?

— На автостанции. Спасибо, что подвезла.

— Не за что. Возьми-ка вот это. Будем держать связь через него.

На ладони у дозорной лежал старенький кнопочный мобильник.

— Купила на днях в интернете. Канал защищен, насколько это возможно. Номер с сим-карты, которой я еще ни разу не пользовалась. Понимаю — все равно небезопасно, но нам нужна связь. Не звони, пока не уедете подальше от Москвы. Сама отвечать не буду — передам аппарат кому-то из моих ребят, Айрату или Софи. В крайнем случае просто включи и набери мой номер — мы тебя запеленгуем.

Вскоре Матвей стоял на пороге неприметного строения на окраине поселка Беляниново. Обшитый вагонкой дом в облупившейся зеленой краске, с пыльными окнами и заросшим крапи-

вой садом казался необитаемым. Он находился на широкой улице неподалеку от автостанции, но по странной причине им за десяток лет не заинтересовались ни цыгане, ни пронырливые бомжи, ни такие же пронырливые торговцы недвижимостью.

Кот долго прислушивался, но в доме было тихо, лишь поскрипывал под ветром старенький ставень. Пахло пылью и грибами. Издали долетал городской шум — и рассеивался в зеленых кронах ирги. Теперь, когда питерская квартира была разгромлена, а крымский дом — слишком далеко, идти Матвею оставалось только сюда. Столичный адрес его родителей был известен Дневному Дозору с января 1998 года, к тому же сообщать старикам тревожные новости Кот не хотел. Бывая по делам в Москве, он чаще останавливался не у них, а в этом тихом доме за МКАДом.

Он включил фонарь на смартфоне и прошел в кухню, отодвинул в сторону давно отключенную от газа плиту. Убрал коврик и ссохшиеся листы картона. Откинул металлическую крышку — массивную, как танковый люк. Луч выхватил из темноты ступени, ведущие в погреб. Там на бетонном полу стояло несколько ящиков, прикрытых клетчатой пленкой. Матвей быстро

спустился вниз, сдвинул крышку одного из них.

Пачки наличных денег в разных валютах. Завернутый в мешковину дробовик, патроны, четыре пистолета в промасленной бумаге, несколько гранат. Скромная заначка на случай апокалипсиса.

В луче фонаря плавали пылинки. Что-то яркое, цветное, сверкнуло справа, и Матвей обернулся. У стены, завернутые в рогожу, стояли три японских меча. Когда-то он забрал их из московской квартиры Нелли, сразу после ее побега.

Кот бережно взял в руки один из мечей, коснулся гравировки, выполненной на ножнах японскими иероглифами: «Добро, сделанное тайно, вознаграждается явно». Потянул клинок из ножен. Чистое белое лезвие сверкнуло перед его лицом — и воздух заполнил едва слышный нетерпеливый звон металла.

* * *

Санкт-Петербург, улица Декабристов
20 сентября 2015, 08:42

Сквозь пелену облаков пробился бледный луч солнца, вспорол влажную дымку над Мойкой, скользнул по окнам просторных апартаментов

на последнем этаже недавно отремонтированного дома. На кухне вокруг стола в расслабленных позах застыла семья из четырех человек: отец, мать, бабушка и маленькая дочь. Когда в доме появились странные гости, семья только села завтракать — и погрузилась в сонное оцепенение среди чашек с остывающим кофе и тарелок с омлетом.

Солнечный луч скользил дальше, через детскую и гостиную — в большую спальню. Именно ради спальни двое Иных и побеспокоили незнакомую семью в первом попавшемся доме. В разметанной постели устало откинулся на подушках Артем. На плечо Инквизитора прилегла Агата, она ласково водила ладонью по его груди.

— Я считала: одиннадцать дней без тебя, — сказала она. — Знаешь, я вся извелась. Ты вроде бы всегда где-то рядом — но в то же время так далеко.

Луч солнца коснулся ее миловидного, почти детского личика, вспыхнул и погас в линзах очков, и Артем заметил — у стекол нежно-малиновый оттенок. Эта гламурная деталь отчего-то вызвала в нем раздражение, и он отстранился:

— Послушай, мышонок… у меня целый ворох дел, я же говорил тебе. У нас был уговор — я даю

тебе двадцать минут для твоих развлечений, а ты рассказываешь мне все, что знаешь о мальчишке Гордеевых. Двадцать минут давно вышли.

— Не развлечений, — пролепетала девушка, — я хотела побыть с моим любимым мужчиной.

— Время, — нетерпеливо перебил Локшин, — время убегает, и вместе с ним убегает убийца восемнадцати Иных.

Агата кивнула (качнулось каштановое каре волос) и робко улыбнулась:

— Но ты не спал всю ночь, мой хороший… Хочешь, я сварю тебе кофе по-вьетнамски?

Артем сел, растер лицо ладонями. Он наблюдал, как девушка соскользнула с кровати и встала перед ним, словно давая полюбоваться своим изящным телом. Из одежды на Агате были только красные чулки в сетку да строгие очки в роговой оправе. Девушка нагнулась, чтобы поднять с пола использованный презерватив, намеренно повернувшись к нему маленькими упругими ягодицами, и Артем увидел лиловые следы, оставшиеся от его пальцев. Он нечасто спал с Агатой, но каждый раз вспоминался потом со смущением. Она сама просила его быть с ней жестким. Девушка знала, что в постели ему нравится превращаться в грубое животное, и знала, что он

стыдится этого. Если бы Валентина тогда, в Париже, впустила его в свою постель, он никогда бы больше не вернулся к Агате — смешной девчонке, трогательно лупоглазой, как персонаж аниме. Рядом с Валентиной он стал бы другим. Стал бы выше духом. О, Валентину он носил бы на руках.

Еще будешь носить. Ты же нравился ей. Любовь улыбается тому, кто умеет ждать.

Агата подплыла к Артему вплотную, чтобы ее острые грудки с клубничными сосками были на уровне его взгляда. И он почувствовал, как в нем вновь пробуждается желание. Маленькая гейша умела соблазнять. Но все это — ее робкая услужливость, бесконечные восхищенные взгляды и грудь на изготовку — раздражало его.

Уймись. Это просто влюбленная девчонка, только и всего.

— Не надо кофе, мышонок, не надо ничего, — сказал он сквозь зубы, — я пришел за информацией.

— За информацией, — Агата поникла, — но, Артем… я расскажу тебе то, что знаю, — и ты сразу уйдешь от меня.

Локшин усадил ее рядом, подбирая подходящие слова — но не подобрал ни одного, и маленькая Темная волшебница снова залепетала:

— Если бы ты только мог почувствовать, что я чувствую. Если бы ты видел сны, которые я вижу о нас… Ты помнишь, как мы познакомились тем летом в «Лесной сказке»?

— Нет.

— Нас всех собрали в лагере, ничего не объяснили. А чтобы мы не боялись, вожатые придумывали нам развлечения, игры, концерт самодеятельности. Не вспомнил?

— Нет, — повторил Артем.

— Я пела под гитару. Я уже тогда была страшно влюблена в тебя, как и половина девчонок из отряда. Влюбилась впервые, и сразу безнадежно, навсегда, навечно. Наши имена оба начинаются на букву «А», мне казалось — это знак. Я не могла уснуть до самого утра, лежала и грезила о тебе. Когда вожатый предложил выступать на концерте, я сразу подумала, что спою свою самую любимую песню для тебя. Я буду петь сердцем, думала я, — и ты услышишь, ты поймешь.

Она вдруг тихо пропела — тонким и ломким, но очень красивым голосом:

Свет

Твоего окна

Для меня погас, стало вдруг темно,

И стало все равно —

Есть он или нет, тот волшебный цвет…

Свет

Твоего окна —

Свет моей любви,

Боль моей любви.

Ты отпусти меня, ты отпусти меня

И больше не зови, не зови, не зови…

…Осень, осень, лес остыл и листья сбросил,

И лихой ветер гонит их за мной…[1]

«Возможно, все так и было», — подумал Локшин. И маленькая девчонка из Смоленска, что поднялась на сцену, испуганно сверкая очками, — с гитарой, из-за которой такую малявку было еле видно. Возможно, эта девочка и пела песню о несчастной любви, отчаянно глядя прямо на него, сидевшего в первом ряду, очень может быть. Но когда Агата снова спросила, помнит ли он, Артем снова нашел для нее лишь одно слово:

— Нет.

---

[1] Примечания: 1

«Осень», группа «Лицей», автор слов — Алексей Макаревич.

Агата опустила голову. По ее щеке скатилась дрожащая прозрачная капля, впиталась в белую ткань простыни.

Начинается!

— Давай без соплей, — сказал он, сдерживаясь.

— Это их сын, — тихо заговорила Агата, проглотив слезы, — они зовут его Огонек, хотя настоящее имя Ярослав. Ему двенадцать лет. Гордеевы где-то скрывались с момента его рождения или даже дольше. Тайпан придумал, как их выманить… есть один Темный, которого они очень боятся и мечтают убить.

— И он отвечает им взаимностью.

Агата кивнула, глядя в сторону.

— Как его имя?

— Дориан. Многие знают его под кличкой Сет. Когда-то он числился в Дневном Дозоре, но съехал с катушек, убил много Светлых и теперь в розыске. Тайпан рассчитал правильно. Ради сведения счетов с ним они не могли не выбраться из своего убежища — и сына там оставить одного тоже не могли. Они слишком боятся.

— Чего?

— Пророчества. Им пообещали какую-то катастрофу из-за их любви. Мне даже жалко их, знаешь, хоть они и враги… им нельзя было быть

вместе, как и нам с тобой, — но они так любили друг друга, что рискнули. Тайпан почему-то очень заинтересовался этой историей. Где-то раскопал Дориана. Сам Тайпан очень боится. Никогда не видела, чтобы он был таким опасливым. Он отправил на смерть толпу дозорных, а сам спрятался в сторонке и наблюдал. Думаю, сейчас он ломает голову над тем, что случилось. Мы все были уверены, что мать и сын Гордеевы в момент взрыва были дома. Портал она вызвать не может, слишком слаба. Да мы бы заметили портал.

— А что говорит об этом Завулон?

Агата коротко пожала голыми плечиками. Правильно, откуда ей знать.

Можно взять в заложники Гордеева-старшего и его сына, и тогда его женушка вынуждена будет выйти на связь. А впрочем, далась тебе эта Герда. Никуда она теперь не денется. Вот их мальчик куда интереснее… надо немедленно двигать в Москву.

— Спасибо. — Он поднялся с кровати. — Ты мне очень помогла.

Агата порывисто обняла его, покрывая поцелуями живот и бедра, — она принялась ласкать его нежно и страстно, как в последний раз.

— Ну хватит!

Получилось слишком грубо. Он хотел только удержать девчонку — но оттолкнул резко и сильно, так что Агата полетела на пол. Ее очки слетели и разбились о стену. По паркету рассыпались осколки.

Первым порывом Артема было поднять ее и попросить прощения. Вместо этого он принялся торопливо одеваться.

— Ты ведь совсем не любишь меня, — прошептала Агата сквозь слезы, собирая осколки в ладонь. Без очков ее лицо стало беззащитным и детским.

— Сколько раз можно повторять? Я тебя не люблю. Никогда не любил. Никогда не полюблю.

Агата вздрагивала, как от пощечин. Слова ранили гораздо больнее, чем его рука.

— И все же спишь со мной, — тихо проговорила девушка, изучая остановившимся взором цветочный узор на стене. Ее ладонь сжала острое стекло, и на паркете расплылись горячие капли крови.

Артем стал белее мела, но не ответил. Зажег портал — и ушел через него, оставив после себя терпкий запах одеколона:

— Если будет новая информация — ты знаешь, как со мной связаться.

Агата вздохнула и провела ладонью над гор-

стью битого стекла. Сумрак вздохнул в ответ — и через минуту ее очки с едва заметным малиновым отливом были как новые. Девушка вытерла кровь о край простыни, вернула очки на носик — и с легким упреком сказала тающему посреди спальни контуру портала:

— Я все равно люблю тебя, Артем Локшин, мой единственный мужчина. И буду любить до самой смерти… и после смерти тоже.

Глава 5

Московская область, Химкинский округ,
недалеко от станции «Фирсановка»
20 сентября 2015, 10:21

— Где ты?

Матвей не тратил время на приветы и экивоки. Нелли мысленно похвалила его.

— Рейс «Санкт-Петербург — Адлер», стоим где-то в лесу между Малино и Фирсановкой. Похоже, поезд дальше не пойдет.

— Огонек в норме?

— Да. Если не считать того, что он теперь Иной.

Несколько секунд молчания.

— Светлый или Темный?

— Светлый, но…

— Что такое?

Как в старом рассказе Брэдбери. Питер Хорн вовсе не собирался становиться отцом голубой

пирамидки…

— Сам увидишь.

— Жди, я близко.

В трубке загудело. Нелли сложила смартфон-книжку и вернула Полине.

— Он где-то рядом. Идет сюда.

Лина метнулась к окну и уставилась на желтеющую березовую рощу, словно оттуда должен был немедленно выйти Матвей.

— Скорее всего звонок уже отследили, — продолжала Нелли, — бери девочку и уходи.

— Но ты звонила с моего телефона, — возразила Полина.

— Это не важно.

— По-моему, ты преувеличиваешь опасность.

— Соединить современную технику и магию совсем не сложно, техника порой даже удобнее магии. Если у них есть запись голоса Матвея — а я уверена, что есть, — не так уж трудно одновременно отслеживать несколько тысяч звонков между Питером и Москвой и выделить его по образцу. Затем определить место, откуда сделан звонок. Все становится еще проще, если им известен его номер, тут даже магия не нужна — лишь доступ к сети оператора.

— Вряд ли Темные ближе к нам, чем он, —

неуверенно сказала Полина.

— А кто же остановил поезд? — спросила девочка.

— Не только наш поезд. Все стоят…

Состав не двигался уже минут сорок. За это время не прошло ни одного встречного поезда. Пассажиры нетерпеливо бродили по вагону, толпились у окон, разглядывая белеющий за перелеском московский пригород. Проводник раздраженно покричал в мобильный телефон — и надолго ушел. Теплилась надежда, что поезда встали из-за какой-нибудь аварии. Впрочем, и аварию можно подстроить… В любом случае ехать до вокзала Нелли не собиралась — на вокзале их будут ждать.

Она встала, погладила Огонька по плечу. Сын лежал на верхней полке, завернувшись в одеяло, и смотрел в стену.

«Как он там?» — взглядом спросила Линка.

— Он же Светлый? — шепотом спросила Полина.

Как и у всех недавно инициированных Светлых, аура мальчика была жемчужно-белой, с тонкими радужными переливами. Такая же, только с рыжеватыми вкрапинами, была у Лины. Но время от времени по ауре Огонька прокаты-

вались странные мутные волны, словно темные рыбины проплывали под солнечной рябью пруда. И еще — аура Огонька была тусклой, как у больного.

— Ярик, — тихо позвала Нелли.

— Надо ехать на юг, — отчетливо проговорил он, — на юг.

Женщины переглянулись.

— Мы и едем на юг, сын. Как ты себя чувствуешь?

Огонек не ответил.

— Вот что, Полина, — Нелли растирала виски, чувствуя приближение головной боли, — бери девочку и идите.

— Ты же с ней связана «нитью».

— Ох, вылетело из головы… Значит, уходи одна.

— Я не оставлю вас.

— Уходи, пожалуйста!

— Уйти — и всю жизнь потом мучиться чувством вины? Я не согласна.

* * *

Мотоцикл Кота с ревом сорвался с места. Светлый маг проверил и заправил его и теперь думал только о кратчайшем маршруте. Умница Нелли,

выдержала паузу и позвонила именно сейчас. Продержалась до утра и подобралась к Москве как можно ближе. Верхушка Дневного Дозора (как, впрочем, и Ночного) уже дает показания Инквизиции — и открыто лезть в это дело не станет. Если только кто-то из «тайной канцелярии»…

Матвей взглянул на дисплей навигатора. От окраины города Химки, где он ждал Нелли, до Фирсановки выходило около двадцати километров — или тридцать минут по Ленинградскому шоссе.

Ты можешь успеть за десять.

Двигатель взревел.

* * *

Дориан уже видел застывший на путях поезд, когда в кармане его сюртука завибрировал смартфон. Гелла, помощница Тайпана. Худенькая восточная девчушка с неприметным лицом. Мгновение он раздумывал, стоит ли тратить время на болтовню, но все же взял трубку.

— Идущий на смерть приветствует тебя, королева вокзальных туалетов.

— Мы нашли Герду. Она сделала звонок с железной дороги…

— Из адлерского поезда, — зевнул он, — я сей-

час стою и смотрю на него. Спасибо, детка, что остановила движение по всей дороге. Скакать с вагона на вагон, как Индиана Джонс, и заглядывать на лету в окна было бы утомительно.

— Не за что. Эта сука едва меня не застрелила вчера на вокзале. Найди ее.

Дориан расхохотался:

— Мстительная девчонка! Она ведь пощадила тебя.

— Слушай, она звонила своему мужу. Он уже едет к ней на выручку, так что поторопись.

— Благодарю. Хочешь, принесу тебе в подарок какую-нибудь ее часть?

— Оставь себе, затейник. Отключаюсь — Светлые тоже могут слушать.

— Пока-пока… пока…

Дориан поцеловал экран смартфона, кинул его в карман и, небрежно помахивая тростью, направился к поезду. Из окон на него с удивлением смотрели пассажиры. Темный маг с улыбкой помахал им рукой — и вдруг одним прыжком, как саранча, взлетел на крышу последнего вагона.

* * *

Нелли вздрогнула и невидящим взором посмотрела куда-то в пустоту.

— Что с тобой?

По Сумраку прокатилась первая, едва ощутимая волна холодного трепета. Словно где-то вдали расколотили гроздь стеклянных колокольцев.

— Он здесь.

— Кто? Твой муж? — Полина посмотрела на часы.

— Мой враг…

Нелли осторожно отодвинула занавеску на окне.

Не будь такой наивной. Дориан не покажется до самого последнего момента.

— Значит, Матвей не успел.

— Нелли, я боюсь, — со слезами в голосе сказала Лина.

Умру я — умрет и девочка. Мы связаны…

Наверное, так чувствует себя стайка рыб, когда где-то поблизости в темной толще моря появляется акула и начинает нарезать круги. Полина просканировала Сумрак — и увидела лишь каменную насыпь с редкой порослью синего мха. Поезд казался прозрачным длинным бараком: повсюду в нем сидели, лежали, стояли люди, многоцветье их аур мешало обзору. Рельсы походили на две тускло мерцающие спицы из серебра, убегавшие в никуда из ниоткуда.

Поздно спасаться бегством.

Огонек впервые за утро сбросил одеяло и сел на полке, свесив вниз тонкие ноги в измятых джинсах. Его взгляд лихорадочно шарил по купе.

— Я слышу хищного зверя, — сказал мальчик, — этот зверь убивает не ради еды. Он убивает ради забавы.

Нелли странно посмотрела на сына, словно не узнавая.

— Поставим защиту, — предложила Полина, — объединим силы.

— Силой его не остановить. Огонек, ты как себя чувствуешь?

— Все колодцы высохли, вода уходит, — непонятно ответил он, — нам надо продержаться, пока не придет отец, верно?

— Верно. Но у нас всего два патрона, а наша магия для него — семечки.

Нелли наклонила голову, прислушиваясь. На грани слышимости по Сумраку катилась волна сухого стрекота, словно гигантское насекомое потирало когтистые лапы.

Ему нужен всего миг для атаки, он может в любой момент вынырнуть здесь со второго слоя Сумрака, который нам всем недоступен.

— В бою с ним не совладать… но мы можем

попробовать обмануть его.

Все с надеждой посмотрели на Нелли.

— Огонек, Лина, идите сюда. Сейчас я покажу вам, что такое Круг Силы.

* * *

Москва-Сити, 52-й этаж башни «Эволюция»,
Московское бюро Инквизиции
20 сентября 2015, 10:22

Артем сам налил себе кофе (секретаря у него никогда не было), включил компьютер и оба дисплея. Нашел зелено-голубые окошки скайпа и ударил по клавишам, разворачивая их на полные экраны. Бросил в микрофон:

— Завулон. Гесер.

Шеф Дневного Дозора ответил быстро, словно ждал звонка. Там, где он находился, была звездная ночь. Темный стоял на берегу моря, кутаясь в соболиный мех, глядя на дрейфующий в черных волнах айсберг. В руке у него был стакан с чем-то похожим на виски, в глубоких глазах вспыхивали инфернальные отблески ледяного огня.

— Здравствуй, Артем, — сказал он безразлично, словно говорил с прохожим, спросившим на улице время.

Завулон смотрел сверху вниз, с расстояния в несколько метров, и явно держал связь не через девайс. «Инфопортал, — подумал Инквизитор. — Перебросил прямо из офиса».

— Путешествуешь?

— Имею я право на небольшой отпуск? — ответил вопросом на вопрос Завулон.

Северный полюс, разве есть на свете лучшее место для отпуска, мог бы сказать Артем — но промолчал.

Мигнул второй экран, и на нем проявился Гесер. Он, казалось, недавно проснулся. На Светлом маге был пушистый домашний халат, на столе из красного дерева стояла огромная чашка дымящегося чая, пашотница с вареным яйцом и блюдце с меренгами. За его спиной в стеклянном шкафу — множество книг с истертыми корешками. Еще несколько книг лежали стопками на столе. Гесер оторвал взор от одной из них и снял серебряные очки для чтения.

Так выглядят удалившиеся на пенсию крупные государственные мужи, коротающие век на ведомственной даче, задумчиво листая страницы прошлого под чаек с коньяком.

— Приветствую вас, господа, — сказал Гесер — как показалось Артему, со скрытой иронией.

Они оба ждали этого разговора. И оба ни в грош не ставят тебя. Ты для них — наглый мальчишка, случайно получивший власть.

— Буду говорить прямо, — начал Инквизитор, — я знаю, что произошло в Петербурге, и знаю, что вы оба хотите заполучить мальчишку Гордеевых. Я не хочу искать правых и виноватых. Мне нужна от вас лишь встречная откровенность. Расскажите, зачем он вам понадобился, — и я все спущу на тормозах.

— В мире всегда что-то происходит, — Завулон сделал медленный глоток из стакана, — и в каждом молодом парнишке при желании можно найти что-то интересное.

— Хорошо сказано, — согласился Гесер, — ты вспомни себя в его возрасте, Инквизитор.

— Вот именно, Инквизитор! Вы обязаны дать мне ответ, обязаны помогать. Ваши парни превратили целый город в арену боевых действий.

— Наши парни не сделали ничего предосудительного, — все так же невозмутимо отвечал Завулон, и его словам аккомпанировали ритмичные звуки прибоя. — Гордеевы и Дориан — вне закона, это признано обоими Дозорами, а мы лишь пытаемся восстановить порядок. Как мы можем тебе помочь? Мы тоже ищем наруши-

телей. Ты Инквизитор, у тебя силы и средства покруче наших.

Он говорил правильные вещи, но от этого гнев в сердце Артема только разгорался. Иногда он чувствовал себя в этом городе единственным Иным, которому нужен мир и законность. Но это никогда его не печалило — скорее, мотивировало работать.

— Не надейтесь заговорить мне зубы, — сказал он. — В этот раз разозлили вы меня по-настоящему. Все эти ваши Тайные Дозоры, Особые отделы… вы думаете, я слеп? Думаете, я не понимаю, что творится?

Гесер тихо рассмеялся, отпил из своей огромной кружки:

— Я помню, каким ты был способным мальчиком, Артем. Зря ты променял Ночной Дозор на Инквизицию. Не твое это, не твое. Одной Силы — ее у тебя в достатке, признаю, — мало для того, чтобы делать то, что ты пытаешься делать.

— А что я пытаюсь делать, по-вашему? — озадаченно спросил Артем.

— Пытаешься держать в ладонях чаши весов, — ответил за коллегу Завулон.

— При этом сам хочешь казаться единственным святым в мире грешников. Так тебе это видится,

и это самое печальное, — вздохнул Гесер.

Артем не нашелся с ответом.

— Ну неужели ты думал, что мы оценим твою прямоту — и исповедаемся о своих планах? Тебе, молокососу, вообразившему себя Великим Инквизитором?

— Да еще и предателю, — вставил Завулон.

— Уход в Инквизицию — не предательство, — возразил Гесер.

— В его случае — предательство, и ты сам так думаешь.

Великие маги не видели друг друга, но могли слышать через микрофон Артема. Мысленно Инквизитор вылил на себя ушат ледяной воды — чтобы не дать бешенству взять верх над рассудком. Ничего он от них не добьется. Два древних волхва плели сети интриг еще в Средние века, и то, что ему кажется сейчас выходящим из ряда вон событием, возможностью оставить свой след в истории, — для них лишь очередной эпизод древнего противостояния. Он ударил по клавише, отключив звук и изображение у Светлого.

— Завулон… Гесер нас сейчас не видит и не слышит. Я задам всего один вопрос. Ты можешь сколько угодно смеяться надо мной, но лгать не смей. За ложь я найду способ покарать любого.

Скажи, это интрига Гесера?

— Все-таки решил поискать правых и виноватых? — осклабился Темный. — Быстро же ты спекся. Нет, я не стану тебе помогать. Прости.

Но в самый этот миг Завулон едва заметно опустил голову, словно кивнул, и быстро посмотрел в глаза Артему.

Инквизитор почувствовал бегущий по спине холодок. Теперь он отключил Завулона и задал тот же вопрос его сопернику.

— Ты считаешь, — сказал Гесер, — я не воспользуюсь шансом свалить все на старого врага? Ты наивнее, чем я думал, мальчик.

Это прозвучало почти как оскорбление, но теперь Артем отбросил эмоции и внимательно наблюдал за Светлым. Долгая комическая прелюдия закончилась, и наступил короткий миг действия. Завулон сделал свой ход. А что же Гесер?

Светлый маг только развел руками, снова глотнул чая, улыбнулся, положил ладонь на книгу, лежавшую перед ним.

Внезапно Артем понял, что стоит на пороге какой-то большой тайны, на той грани, что до сих пор отделяла его, талантливого, но молодого Иного, от Великих. Вот-вот в руке окажется ключ,

только не упусти. Он впился взглядом в книгу, пытаясь прочесть название — но ладонь Гесера скрывала его.

* * *

Пальцы Агаты дрожали. Она сидела на заднем сиденье автомобиля, летящего по трассе «М-11» в Москву, и быстро набивала на смартфоне текст, бесконечно исправляя его перед отправкой, чтобы придать как можно больше убедительности.

«Артем, мой единственный на свете мужчина! Ты не представляешь, на что я способна для тебя, только попроси. Только позови — я брошу все и приду к тебе навсегда. Я буду Инквизитором, если захочешь. Пусть друзья посчитают меня подлым предателем — с каким же счастьем я променяю их всех на возможность быть рядом с тобой!

Я стала Темной только оттого, что очень испугалась увидеть убийство тогда, на стадионе. Но мой уровень Силы во Тьме не растет, я все более уверяюсь — то была лишь жестокая шутка Сумрака надо мной. Жалеть себя — низко, предавать даже в мыслях свой Дозор — низко, но это сильнее меня. Стань я того же цвета, что и ты, окажись мы тогда вместе у Гесера в команде — кто знает, как могла бы повернуться наша с

тобой история? Ты — и сейчас мой единственный шанс уйти с этой страшной дороги.

Открою тебе самую сокровенную из тайн: я не такая, как все остальные в отделе у Тайпана. Они словно роботы, машины, созданные идти к какой-то мрачной ужасной цели, убивая все живое. Я одна среди них сохранила возможность чувствовать, возможность плакать и смеяться — и все благодаря тебе, моя любовь, моя жизнь. Я вся — одно горячее чувство к тебе. В разлуке я умираю каждую минуту. Однажды ты поймешь, что такую любовь надо ценить, как величайшее сокровище во Вселенной. Однажды ты будешь со мной».

— Что ты там стучишь пальцами все время? — спросил с переднего сиденья Локи. Он сжимал руль, сонно глядя на серую ленту шоссе перед собой. Стрелка спидометра танцевала вокруг деления 200 километров в час.

— Так, — Агата изобразила зевок, — в интернете гуляю.

— Смотри, догуляешься. О деле надо думать, а не о Фейсбуке.

— Вот и займись делом, — огрызнулась девушка, — веди машину и не кряхти.

* * *

Кот выжимал из мотоцикла максимум скорости. Он летел через городки и промзоны, проскакивая на красный, срезая напрямик сквозь парки и скверы. За спиной у него покачивались два меча — изящный японский клинок Нелли и его собственный двуручный меч, тайно изготовленный несколько лет назад. Плечи оттягивал рюкзак с оружием.

Матвея переполняла Сила, накопленная за долгое время бездействия и ожидания.

Взметнув фонтан пыли и ворох желтых листьев, он пролетел очередной перекресток и увидел перед собой станцию «Фирсановка». Семафор под мостом тлел алым огнем, словно глаз дракона. На всех путях стояли поезда, их было пять или шесть; рядом по платформе бесцельно бродили пассажиры. Из-за кирпичного здания удивленно выглядывала серебристая сигарообразная физиономия «Сапсана».

Все встало. Дорога в Москву закрыта.

Матвей нажал на газ и полетел по усыпанной листвой тропке направо, в сторону Питера, через полоску смешанного леса. Вскоре он увидел за частоколом деревьев еще один пассажирский

состав… над одним из вагонов быстро вздувался пламенно-дымный шар. По ушам ударила запоздалая звуковая волна.

Вагон качнулся на рельсах, весь в брызгах разбитых стекол.

«Может быть, еще не поздно», — успел подумать Матвей, снимая пистолет с предохранителя.

* * *

Двумя минутами ранее Дориан пришел за Нелли.

Окно в купе треснуло и разлетелось с грохотом — словно мир взорвался дождем осколков.

Ей казалось, что она успевает, но не хватило каких-то секунд. Четверо Светлых — двое взрослых и двое маленьких — взялись за руки в Круге Силы. Нелли не надеялась справиться с Дорианом путем поединка — она решила всю собранную энергию вложить в «сферу невнимания» и ускользнуть из поезда. Тем временем должен был появиться Матвей и взять их под защиту.

Они не успели.

Сначала Дориан оказался быстрее Кота. Теперь Дориан опередил ее.

От удара содрогнулся вагон. Лина закричала и попыталась вырвать руку, разрушив Круг, — но

Нелли не позволила ей. Сила троих Иных втекала в нее, словно горячий поток воды, словно искрящаяся радуга.

А мир потускнел, будто в воздухе разлили чернила. Там, где только что было окно, возникло бледное красивое лицо, обрамленное длинными волосами цвета воронова крыла.

— Вот так встреча! — воскликнул Дориан. — А я так скучал по тебе, киска.

Он протиснулся внутрь — неожиданно огромный в своем старомодном сером сюртуке, и, казалось, заполнил собою половину купе; сел на корточки на столике, свесив руки, как обезьяна; его элегантные туфли давили стекло в мелкую пыль, в сгустившемся мраке светились два бледных фонаря — выкаченные глаза голодного тролля. В ноздри ударила густая смесь ароматов дорогого парфюма и французского крема; из-под них пробивался тяжелый запах гнилой требухи.

Несмотря на ужас происходящего, Нелли чувствовала пьянящее головокружение, словно от наркотика. Это Сила. Сила!

Хватит, остановись. Детям и Полине еще бежать отсюда, оставь им энергии.

А ты примешь бой.

— Сколько лет, сколько зим, — сказала она, — я

уж думала — ты просто боишься меня.

Дориан расхохотался — и взмахнул тростью. Нелли смогла распахнуть дверь купе и вытолкнуть детей в коридор. Она выхватила револьвер — но не успела даже снять с предохранителя. Удар трости вышиб пистолет из ее руки.

Краем глаза она успела заметить, что Полина лежит на полу в коридоре и пытается встать.

Нелли попыталась выскочить из купе следом за ней, но Дориан двигался быстрее. С веселым смехом он схватил Светлую волшебницу за руку и сжал, сдавил ее, ломая пальцы.

— Мама! — крикнул Огонек.

— Мама! — хихикая, повторил Темный.

Нелли видела — Ярик помог Полине подняться на ноги.

— Бегите, — только и успела бросить она.

Правую руку пронизывали электрические разряды боли. Дориан с улыбкой выкручивал кисть, с явственным щелкающим звуком ломались одна за другой кости. Закапала кровь — и ноздри Темного мага хищно затрепетали, почуяв ее. Нелли лихорадочно обшаривала левой рукой карманы, попутно обдумывая, какое колдовство могло бы помочь. У нее имелся хороший запас Силы, его хватило бы на одно сильное заклятие — но хихи-

кающее чудовище, рассевшееся на столике среди битой посуды, было многократно сильнее. «Не такой уж он и страшный, — мелькнуло у нее. — Скорее, мерзкий. Но сколько же в нем Силы… как много людей погибло, чтобы напитать его этой жуткой мощью?»

Пальцы наткнулись на пузырек с «Шанелью», подарком Матвея. Нелли вспомнила, как покатился по земле лжегаишник на Невском проспекте.

Дориан снова замахнулся тростью.

За миг до того, как трость начала движение вниз, Нелли вскинула флакон и брызнула духами в глаза Темному.

Всю накопленную Силу она вложила в «маат», заклятие убеждения.

— Это азотная кислота, мразь!

Темный не успел закрыть лицо.

Он не издал ни звука. Отпустил руку Нелли и провалился в Сумрак. Женщина последовала за ним.

Она ожидала ужасных воплей — но Дориан ни звуком не показал, что ему больно.

— Хитрая маленькая сучка, — сказал он с уважением.

Трясущиеся руки Темного ползали по его лицу,

ногти расцарапывали кожу; Сумрак хищно заурчал, загудел, впитывая разлетавшийся во все стороны кровавый фейерверк.

— Наслаждайся. Это тебе за мою мать, — бросила Нелли, отступая назад. Искалеченная рука кровоточила, пульсируя болью. Она обернулась и увидела, что Полина отступает по коридору, прикрывая собой детей.

— Бежим, — шепнула Нелли, — так быстро, как не бегали никогда в жизни.

Ее слова прервал тихий смех.

Дориан не собирался отпускать их. Пусть лицо его горело болью, а глаза заливала кровь — в Сумраке он по-прежнему прекрасно видел их всех.

Он вскинул руку, и горячий огненный шар понесся к четверке оцепеневших в ужасе Светлых.

* * *

«История Ордена тамплиеров».

Это Артем разглядел вполне достоверно.

Так называлась книга, на которую положил руку Гесер. Толстый белый том с алым крестом и большими черными буквами. Книга лежала среди многих других перед главой Ночного Дозора, но он коснулся именно ее.

Это движение могло быть знаком… и могло

быть ничем.

— Что читаешь? — спросил Инквизитор.

— Так, разное… Знаешь изречение: «Книги — это корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению». И еще говорят: «Мы то, что мы читаем», слышал? — Гесер с любопытством посмотрел на него, и Артем вновь ощутил себя полным дураком.

Он вернул связь с Завулоном и теперь смотрел поочередно на обоих магов, слушая, как вздыхает прибой на берегу моря — там, где находился вечный соперник Гесера.

Звякнул коммуникатор — и Артем вздрогнул, быстро взглянул на экран.

«Артем, мой единственный на свете мужчина!..»

Всего лишь Агата.

Он удалил ее сообщение, не читая.

— Если вы не против, господа, — сказал Великий Светлый, — я бы хотел вернуться к своему отдыху.

— Я тоже, — сказал Великий Темный.

— Минуту, — слабым голосом ответил Инквизитор, — еще одну минуту…

Они оба могут просто играть тобой. Интриги

и многоходовки — развлечения Великих перед лицом вечности.

Артем почему-то вспомнил Карла Ивановича — старенького Инквизитора на пенсии. Тот поселился в соседнем доме где-то в начале нулевых годов и иногда перебрасывался с маленьким Иным парой фраз.

— Все они сто́ят друг друга, — со вздохом говорил Карл Иванович. Он встретил мальчика у булочной (Артем шел из школы), и теперь они сидели вместе на скамейке и кормили голубей свежим хлебом. На голове у него был неизменный серый берет, видавший виды. Старик бормотал ворчливо: — Светлые, Темные — они могли бы жить в мире, прекрасно дополняя друг друга. Нет же — в них сидит извечное неизлечимое стремление сражаться и уничтожать. Так мало тех, кто понимает гибельность этого пути. И ничтожно мало тех, кто пытается изменить мир к лучшему.

— О чем задумался, Инквизитор? — спросил Гесер.

О том, кто из вас на самом деле солгал мне. И с какой целью.

Смартфон на столе перед Артемом снова завибрировал. Включилось приложение «Л-Инк»: на

экране появилась карта и мигающая тревожная точка севернее города Химки.

Это Герда. Заканчивай с ними — и туда.

— Итак, господа, вот моя к вам настоятельная просьба, — быстро сказал он, — что бы ни случилось в дальнейшем, вы не должны вмешиваться. Иначе к вам обоим будут применены личные санкции. — И, не дожидаясь ответов, скомандовал компьютеру: — Конец связи.

Экраны погасли.

* * *

Когда Матвей добрался до вагона, в котором находилась его семья, облако огня уже превратилось в черный гриб дыма. В воздухе повисли, медленно опускаясь, серые комья пепла. Раненый Дориан заметил приближение сильного Светлого мага — и, не принимая боя, канул во тьму. Кот не преследовал его.

Навстречу Матвею шла, прихрамывая, Нелли. У нее на плече повисла Иная с тонкой аурой, похожей на полосу бледного света, одежда на ней сгорела и висела оплавленными клочьями. Кот не сразу понял, что перед ним женщина. Изо рта ее, из носа, из глаз и ушей — отовсюду сочилась кровь. На обгорелом черепе тлели остатки свет-

лых волос.

— Где Ярик? — спросил Светлый маг, но тут же увидел — сын шел следом, прижимая к себе плачущую рыжеволосую девочку.

— Слава Свету, — выдохнул Матвей.

— Это Полина, — вытирая слезы, сказала Нелли, — она приняла весь удар на себя. Я ничего не успела сделать. Когда он ударил, я побежала к детям, чтобы прикрыть их, а она выступила вперед и, кажется, поставила «щит мага»… ты можешь помочь ей?

Матвей убрал оружие, бережно взял тонкую руку в черных струпьях — и покачал головой. Пульс не прощупывался. Аура погасла.

— Она уже далеко, — проговорил Кот печально.

— Полина, не умирай, — плакала девочка, — пожалуйста, Полина…

Нелли осторожно уложила Светлую волшебницу, спасшую их жизни, на ковер из листьев и травы, закрыла ее синие глаза.

Но ведь не так уж плохо одной на свете. Спокойно. И куда нам, Иным, торопиться?

— Спасибо, — прошептала Нелли, — спасибо тебе, Полина.

— Надо уходить, — напомнил Матвей, — твой

телефонный звонок слушали многие.

Светлая волшебница кивнула.

Матвей взял за руки детей и быстро повел их через рощу, Огоньку и Лине пришлось бежать, чтобы поспевать за ним. Нелли шла следом, спотыкаясь от усталости, — она отдала остатки Силы, пытаясь спасти Полину, но смогла только облегчить ее страдания.

Она прижимала к груди ноющую искалеченную кисть правой руки. Углубившись в рощу, оглянулась — и припала к земле.

Над телом Полины стоял темноволосый Иной в черной кожанке и внимательно разглядывал труп. На груди мужчины сверкнул сапфировый амулет.

Нелли узнала серую ауру Инквизитора.

Часть 2
Под колпаком у инквизиции

Глава 1

Колумбия, департамент Путумайо,
к востоку от Пуэрто-Кайседо
16 сентября 2015

День первый.

Тропическое пекло. Скиф вышел на перекресток земляных дорог и отер со лба соленые горошины пота. Рукав куртки пропитался влагой насквозь, белые волосы потемнели и прилипли к вискам. Сколько градусов в тени — сорок? Пятьдесят? Солнце дышало горячим белым жаром на джунгли, наполненные птичьим гомоном, визгом обезьян и пулеметным треском цикад. Скифу не удалось найти машину, и пришлось подниматься в горы пешком. Использовать портал маг не хотел из осторожности. Выброс Силы *они* почувствуют.

Деревня Эль Седраль напоминала кубики грязного рафинада, рассыпанные великаном на

склоне холма. Две дюжины квадратных домишек, крокодиловая ферма за высоким забором-сеткой, ржавеющая бензоколонка и магазин-бар. Провожаемый взглядами разлегшихся на обочине жирных копьеголовых змей, Скиф ступил на единственную пыльную улицу. Солнце наконец стало клониться к горизонту — но духота не отступала. Горячий воздух плавился и стекал под ноги, как кисель, и в нем колебались покрытые засохшей плесенью стены хижин. В окне мелькнуло испуганное женское лицо и исчезло. Неприятное место. Сквозь Сумрак Скиф видел давящую грязно-бурую ауру, повисшую над деревней.

Здесь убивали людей. Много, много людей. Все пропиталось смертью.

Стойка бара, она же прилавок магазина, была похожа на помойку: груда выцветших пакетиков жвачки, пыльные бутылки с почти кипящим пивом «Tres Cordilleras», стружка вяленой рыбы в истрепанном полиэтилене. Продавец — рябой, как стиральная доска, дочерна загорелый мужчина в засаленной майке, — встретил пришельца равнодушно-презрительным взглядом. К губе его прилип огрызок сигары.

— Добрый вечер, сеньор, — начал Скиф, — не продадите бутылку воды?

Засаленный долго смотрел на черную повязку, прикрывавшую выбитый глаз гостя, задумчиво жевал сигару. Молчаливое разглядывание затянулось до неприличия. Наконец он снисходительно пробормотал нечто слабо членораздельное, вроде бы «десять американских долларов».

В сухой траве изнуренно стрекотали цикады.

— Это всего лишь вода, — заметил Скиф миролюбиво, — за глаза хватит тысячи песо[2].

Колумбиец вынул сигару изо рта, сплюнул в пыль длинной коричневой струей:

— Десять американских долларов, одноглазый.

Скиф уронил на прилавок десятку, взял из ящика теплую бутылочку колы и сделал глоток. Пот катился за шиворот горячими жемчужинами. Светлый маг бросил быстрый взгляд на пыльную ленту проселочной дороги, исчезавшую в зеленой стене тропического леса:

— Далеко отсюда до дома Агуачика?

В рябом лице его собеседника что-то дрогнуло. Он выплюнул окурок и отступил на шаг.

— Я хорошо заплачу. — Скиф выудил из кармана ком смятых долларовых купюр, но продавец словно не заметил их. Его черные глаза сверк-

---

[2] Примечания: 2
Около 30 американских центов.

нули недобрым блеском, а рука нырнула под прилавок.

Скиф снес прилавок ударом ноги и за мгновение скрутил колумбийца. Тот успел поднять пистолет, но Светлый маг перехватил его руку и заломил за спину.

— Ты сдохнешь в муках, гринго! — известил засаленный. — Ты будешь умолять убить тебя, но я выпущу твои кишки и буду любоваться, как ты корчишься в пыли…

Сколько экспрессии! Скиф пинком отбросил пистолет в сторону и продолжал выкручивать руку негостеприимного поселянина, пока его запястье не хрустнуло. Над деревней разнесся протяжный вой.

— Как идти к Агуачику?

Неразборчивые проклятия.

Использовать магию для смягчения неприветливого мужчины Скиф не хотел — *они* могли услышать. Вместо этого он выудил из рюкзака бронзовую фигурку искусной работы, купленную днем ранее в Боготе: горбатый орангутанг, осклабивший зубы в безумной ухмылке.

— Ты скажешь мне, где Агуачик. Ты ведь понимаешь, зачем я пришел. Мне нужен колдун.

Колумбиец молча скрипел зубами.

— Твой хозяин не слишком умен, — продолжал Скиф скучно, словно обсуждал налоговую декларацию, — во-первых, отрядил такого дуролома, как ты, встречать чужаков. Во-вторых, вот вопрос: кому нужен дурацкий магазин в полумертвой деревне? Кого можно провести таким идиотским прикрытием? Ты предан Агуачику, потому что боишься. Но тебе стоит бояться не его, а меня. Видишь эту обезьяну?

Орангутан весело скалился рядами острых зубов.

— Я тоже колдун. Но убить тебя — мало чести. Я извлеку душу из твоего грязного тела, помещу в этого бронзового зверя — и буду возить с собой по миру для своего удовольствия.

Колумбиец перестал дышать.

— Ты проживешь внутри нее долгие годы — может быть, десятки лет. Ты быстро сойдешь с ума от невозможности двигаться и говорить. Ты будешь бесконечно кричать внутри него — и каждый миг проклинать себя за то, что не захотел показать дорогу страннику…

— Иди через лес по тропе, — вращая белками глаз, перебил рябой, — до синей скалы, похожей на череп… там увидишь… пожалуйста, я хочу жить!

— Далеко?

— Не больше мили!

Светлый разжал захват, и колумбиец пал на колени, прижимая к груди сломанную руку. В черных глазах плескались ужас и ненависть. Ответом был невозмутимый взгляд единственного синего глаза Скифа.

— Что бы ты ни думал обо мне — я добрый колдун. Доброта советует оставить тебя в живых, доброта шепчет: даже такой подлой и грязной скотине, как ты, можно дать шанс. Уходи отсюда немедленно, отправляйся в столицу и стань честным человеком. Обещаю: тебя ждет спокойная сытая жизнь. Это — награда за то, что ты указал мне сегодня путь.

— Спасибо… спасибо, сеньор…

Скиф заметил на столе старенький кнопочный мобильник, смахнул на пол, наступил тяжелым каблуком, до хруста.

— А если ты солгал, я найду тебя — и сделаю то, что обещал.

В сумерках джунгли напоминали сине-зеленую стену. Скиф спрятал пистолет засаленного человека в свой рюкзак, быстро дошел до застывшего месива из листвы и стволов бамбука. Здесь он резко обернулся — и метнул нож. У входа в бар-ма-

газин упал в пыль рябой колумбиец, сжимавший в здоровой руке винтовку. Лезвие вошло в его кадык — и кровь брызгами оросила желтую землю, словно первые капли долгожданного дождя.

Дремавшие на солнцепеке змеи проснулись от запаха крови; блестящими лентами заскользили к умирающему.

Скиф почти бежал через джунгли, смахивая пот. В полумраке шелестели лианы, неподалеку тревожно перекрикивались вечерние птицы. Здесь пахло затхлой водой и прелым деревом. Он шагал по едва заметной тропе среди высокой травы, отгоняя палкой пестрых коралловых аспидов.

Рябой не обманул. У синей скалы над ручьем стояла приземистая хижина из бревен, крытых пальмовым листом. Лужок вдоль русла оградили под выпас, под хилым навесом скучал привязанный ослик, в загоне сонно мемекали козы. У дверей хижины в лучах закатного солнца сверкнул серебряным бампером новенький «Тойота Ленд Крузер». В знойной первобытной глуши он казался неуместным, как залетный космический корабль.

Больше скрываться не имело смысла. Скиф нашел свою тень и упал в Сумрак. О, как здесь

было прохладно! Агуачик сразу почувствовал его. Мрачное пятно ауры в хижине шевельнулось и поплыло к двери; на пороге показалась невысокая кряжистая фигура. Он двигался степенно, без страха — хозяин этих диких мест. Гортанно выкрикнул что-то, поднимая посох.

Темный.

Не растрачиваясь на предисловия, Скиф выхватил из-за спины меч — и тот засиял во мраке, как факел белого пламени:

— Где она?

Колдун был довольно силен — третий или четвертый уровень; он пытался бороться, но Скиф действовал быстро и жестоко; вскоре Темный лежал на земле, хрипел и лопотал что-то невнятное, путая испанский язык и местное индейское наречие.

— Где она? — холодно повторил Светлый.

Колдун взглядом указал в глубь двора. Волоча его за шиворот, Скиф выбрался из Сумрака и нашел под голубой сенью пальм покосившийся сарайчик. Двое парней в потных майках и штанах цвета хаки, оглядываясь, бежали через луг к лесу — Светлый сбил их с ног «прессом» и погрузил в сон.

Рывок — дверь сарая слетела с петель. Меч ярче

вспыхнул в руке Скифа, и в его белом сиянии предстала крошечная каморка с деревянной постелью, накрытой тряпьем. В железной миске на полу лежали объедки. В углу каморки — смрадная дыра, отхожее место, обсиженное мухами.

Косматое существо забилось в угол, глядя на пришельца большими черными глазами — которые он не видел столько лет, но сразу же узнал. Зазвенела ржавая цепь, и он увидел тонкую, уродливо обтянутую кожей кость. Ступня на ноге существа была обрублена, и гнойную рану покрывали алые струпья.

— Что ты сделал с ней? — сквозь зубы, тщетно пытаясь остановить лавину гнева, проговорил Скиф. Он не заметил, как принялся избивать Агуачика, его руки двигались сами по себе, нанося колдуну удар за ударом. — Что ты сделал с девочкой, больной ублюдок?

Темный что-то выкрикивал тонким бабьим голосом, прикрывая лицо руками.

— Здравствуй, друг, — сказало существо по-русски.

* * *

День второй.

— Мама верила, что мы с ней станем очень бо-

гатыми людьми. Она любила меня и заботилась как могла, но так мечтала о богатстве, что забыла об осторожности. Нашлись люди, которые тоже захотели сделать деньги на моем даре.

Девушка лежала на кровати колдуна в его хижине и смотрела в потолок. Солнечный свет пробивался сквозь щели в стене. Скиф раздел ее донага и аккуратно обрабатывал пахучим травяным раствором большие и маленькие язвы по всему телу; он шептал исцеляющее заклятье, вкладывая в него большой запас Силы. Свинцовая бледность ушла из лица пленницы Агуачика, глаза заблестели тихим светом. Маг повел широкой ладонью — и сухие струпья осыпались на пол, как пепел.

— Когда мне исполнилось шестнадцать, мама договорилась с какими-то приезжими людьми, — продолжала девушка. — Они не были Иными, да и мама тоже — она вообще плохо понимала природу Сумрака. Она лишь знала, что я умею предсказывать будущее. Мы прилетели на Кубу, в город Тринидад. Там нас разлучили — и я больше ее никогда не видела. Мы и сейчас на Кубе?

— Нет, Яна. Мы в Колумбии, на границе с Эквадором.

Скиф отдал ей чистую хлопчатобумажную ру-

башку из своего рюкзака. Грязное тряпье он сжег. Хижина колдуна только снаружи выглядела убого. Внутри нашлась комфортабельная комната с двуспальной чистой кроватью, телевизором и душевой. Насос гонял в оцинкованный бак воду из ручья. В углу урчал маленький холодильник, набитый продуктами. Кондиционера не нашлось, но Светлый дозорный сам снизил температуру в комнате до комфортных двадцати двух градусов. Девушка не сводила с него черных миндалевидных глаз и продолжала говорить, говорить, говорить.

— Я не видела, куда меня везли. Не знала, что происходит. Ничего не понимала и все время плакала. Я привыкла, что всегда и везде мама решает за меня.

— Почему ты не остановила мать? Разве не могла увидеть будущее?

— Наверное, могла… но нужно знать, куда заглядывать. Если бы ты мог предсказывать будущее, ты бы смотрел в каждый новый день?

— Да. Я бы смотрел.

— Тогда будущее стало бы настоящим.

— Я выбирал бы настоящее для себя.

— Истина в том, что на самом деле будущего нет. Прошлого тоже. Есть только настоящее.

— Есть судьба, — он почему-то едва заметно улыбнулся, — путь, который можно выбрать.

— Всякий и так хозяин своей судьбе, — опустила ресницы Яна, — но люди ленивы.

— Не все.

— Я не заглядывала в новый день. Знать все наперед быстро надоедает. Моя судьба была горькой. Я перепугалась и не могла даже связно мыслить… скажи, какой сейчас год?

— Две тысячи пятнадцатый.

— Значит, мне уже… двадцать девять лет. Меня несколько раз перепродавали, пока я не попала к Агуачику. Здесь грязь и глушь — но это витрина. Так легче торговать… услугами. К индейскому шаману, хранителю древних традиций, живущему в лесу среди духов, прилетали серьезные люди со всей Латинской Америки. Он заставлял меня предсказывать их будущее. Сначала я боролась, плакала и звала маму, но потом смирилась. Попыталась бежать — в наказание мне отрубили ногу. Поначалу они насиловали меня — я смирилась и с этим. Ко всему можно привыкнуть. Агуачик тоже приходил ко мне, особенно по ночам, когда был пьян, — спокойно рассказывала Яна, — его возбуждало то, что я такая — грязная, голодная и больная, похожая на животное. Его

никто никогда не любил — и он не умеет любить. Только наслаждается унижением и болью того, кто слабей его. Не позволяй ему делать это снова, Андрей.

Он замер с бутылкой кукурузного пива в руке:

— Ты знаешь мое имя?

— Я помню. Тебя и твоих друзей… Кота, Рысь, Герду… Еще в Москве, давно. Я ждала тебя в этом ужасном месте много лет.

— Ты знала, что я приду? — спросил он и тут же отругал себя за недогадливость.

— Знала. Заглянула в свое будущее и увидела твое лицо. Много-много сотен дней в аду, каждое утро на рассвете и на закате я думала о тебе. Ждала. Вот почему я не сошла с ума и не умерла здесь.

Когда стемнело, Скиф уложил Агуачика и двоих его помощников в кузов внедорожника. Колдуна он лишил Силы и обездвижил всех троих. Весь день они провалялись на жаре в каморке Яны, обливаясь потом и гадя под себя. Он отвез их в Эль Седраль и поднял на стену крокодиловой фермы, на решетчатый помост, с которого рабочие кормили пресмыкающихся мясом, бросая куски через прутья.

Маг погрузил деревню в глубокий сон «Мор-

феем», и только серо-зеленые туши рептилий угрожающе двигались внизу в фиолетовом вечернем полусвете — словно голодные духи ночи. Сухая трава и песок шуршали под их короткими мощными лапами. Темнота принесла прохладу — и Эль Седраль безмятежно спал в тихом жужжании цикад. В сиреневом небе одно за другим загорались яркие тропические созвездия, и банановые деревья сонно шелестели длинными листьями у заброшенной бензоколонки.

Скиф вернул колдуну и его помощникам возможность говорить и немного двигаться — чтобы болевой шок не сразу убил их. Затем по одному перекинул их через решетку, бесстрастно выслушивая раздирающие воздух вопли и мольбы о пощаде. Крокодилы, почуяв запах мяса, пришли в возбуждение. Они карабкались на пятнистые, усеянные шипами спины и головы друг друга, широко разевая пасти. Оторвав кусок, они защелкивали челюсти — и при этом, казалось, улыбались. Одряхлевшие потомки драконов, которым люди уготовили стать портмоне и дамскими сумками, наконец могли поквитаться с тюремщиками.

Агуачика Скиф отправил вниз последним. Было уже далеко за полночь, но луна и звезды давали

яркий, словно волшебный свет. Скиф спустился по лесенке вниз, добрался до колонки и с наслаждением вымыл руки холодной чистой водой. Он чувствовал себя легко и возвышенно, как чувствовал всегда после важного доброго дела.

Убедившись, что жители Эль Седраля по-прежнему крепко спят, он с легким сердцем повел автомобиль по тропе через джунгли — туда, где ждала спасенная им девушка.

* * *

День третий.

Яна с болезненным весельем разглядывала принесенные Скифом продукты: шоколад, манговый сок в пакете, мясные и рыбные консервы, чипсы, американскую ореховую пасту. Она долго вертела в руках «сникерс», затем бережно надорвала упаковку и быстро съела батончик, затем еще один и еще; с жадностью выпила несколько глотков сока.

— Андрей, — спросила она, запинаясь, — кто-нибудь ждет тебя дома?

— Что?

— Кто-нибудь заботится о тебе? Скучает, когда ты далеко?

Скиф с удивлением смотрел на нее.

— Не хочешь говорить? — Яна отвернулась. — Прости, я бываю ужасно глупой.

— Ты не глупая.

— Глупая. — Она закрыла лицо руками.

— Хорошо, глупая, — согласился маг.

«Она молодая и сильная», — размышлял Скиф, глядя на побелевшие шрамы на коже Яны. Ее темные волосы уже стали гуще, на щеках проступил румянец, в глазах появился живой блеск. Скоро она будет готова к путешествию домой. И проживет еще десять веков… если будет скрывать свой дар.

Скиф мгновенно вскипятил и мгновенно остудил воду в закопченном котелке, поставил его на табурет у кровати, достал чистый кусок марли. За маленьким квадратным окном тихо шептались пальмовые листья: с утра накрапывал дождь, он принес с собой сонную свежесть и запах незнакомых цветов.

— Столько лет я видела тебя во сне, — глаза предсказательницы намокли, — каждую ночь, год за годом. Я так ждала… Ты моя ожившая мечта, понимаешь? Ты выше любой мечты. Ты ангел, что с сияющим мечом спустился за мной в ад и убил демонов. Но мне ужасно тяжело… Вся в грязи, мне вовек не отмыться… Я для тебя останусь

лишь одним из многих случайных лиц на пути. Но я… для меня ты…

— Помолчи, Яна, — сказал он, пожалуй, слегка грубо, — вытяни руки и ноги — и полежи спокойно.

Она всхлипнула, послушно выполнила приказание. Слезы оставили влажные дорожки на щеках.

— Прости, — беззвучно шевельнулись губы Яны.

Маг вытер руки о полотенце, откинул край простыни и внимательно оглядел безобразную культю.

— Болит?

— Чешется.

— Придется потерпеть. Сейчас будет немного больно.

— Я потерплю.

Он прошептал длинное замысловатое заклятье, и воздух под его руками наполнился голубым мерцанием. Сумрак лакал Силу жадно, словно запыхавшийся от бега волк. Скиф припас для этого момента три наполненных энергией индейских амулета из разноцветной смальты — и позволил Сумраку выпить из них все.

Яна вскрикнула и закусила губу, комкая про-

стыню.

Кость ее обрубленной ноги вытягивалась с тихим отчетливым треском. Новая плоть нарастала на ней полосками мышц в алой сеточке капилляров, в тонкой пленочной обертке младенческой кожи. Появились первые очертания растущей стопы.

— Потерпи еще немного, девочка.

— Сделаю все, что ты скажешь, — шептала Яна.

Скиф вытирал бегущие по ее щекам слезы. Он мог бы сказать ей, что она ошибается, что он далеко не ангел; а сама она — чище многих аристократок, но он никогда не умел подобрать правильных слов для таких речей.

* * *

День четвертый догорел и погас в кобальтовом небе над зеленым морем джунглей.

Скиф взял из костра полыхающую ветку и направился к сарайчику, где Агуачик держал девушку.

— Постой! — воскликнула Яна. — Дай мне!

Девушка подбежала, выхватила ветку и бросила ее на крытую соломой крышу. Пламя мгновенно охватило хибарку. Они стояли и смотрели

плечом к плечу, как рассохшиеся доски и стебли бамбука с треском рассыпались, обращаясь в угли и пепел.

Яна подхватила пук горящей травы и бросила его в окно дома колдуна. Вскоре из него повалил густой белый дым, языки пламени лизнули стену. Девушка всхлипнула и принялась, прихрамывая, таскать из костра горящие ветки и кидать их в дверной проем. Яна кричала что-то сквозь слезы, но Скиф не разобрал ни слова.

Животные из загона куда-то исчезли. Светлый маг завел внедорожник, усадил рядом плачущую девушку; они направились в Эль Седраль… и нашли деревеньку обезлюдевшей. Жители бежали из нее, как козы Агуачика, даже крокодиловая ферма опустела. Ветер гонял по пыльной улице сухие комья травы. Жизнь ушла из этого места, осталась лишь оболочка, похожая на грязный гниющий труп.

Когда они выехали на дорогу, ведущую к Пуэрто-Кайседо, Скиф остановил машину, вышел на обочину и поднял руку ладонью вверх.

Эль Седраль молча ждал.

Ты ангел, что с сияющим мечом спустился за мной в ад и убил демонов.

Белые нити колдовского огня задрожали в ноч-

ном воздухе у его пальцев; разлетелись сеткой по опустевшей деревне, воспламеняя дома, ржавую бензоколонку и магазин-бар. С гулом и треском вспыхнуло пламя, жадно загудело, набирая силу. Раскормленные черные змеи с шипением извивались в этом гигантском костре. Едкий дым заволакивал звезды, растекался над городком плотным саваном. К восходу солнца от этого неприятного места останутся лишь тлеющие угли да горки костей.

* * *

День седьмой.

Настало время для самого трудного.

Они лежали на постели в номере отеля «Марриотт» в Кито. Город приглушенно гудел за стеной клаксонами автомобилей, голосами тысяч людей, урчанием моторов, звоном колоколов — и Яна завороженно слушала эти звуки, наклонив голову, словно ночная птица, разбуженная в полдень. Для нее все это было как сон о чужой, подзабытой жизни. Полуденное солнце просачивалось в комнату сквозь жалюзи, в его лучах плыли редкие пылинки, а на стене уютно гудел кондиционер. Скиф сказал себе: пора. Нельзя больше оттягивать это.

Но нужные слова отчего-то пропали. Он знал, что последует за его просьбой, и жалел Яну.

— Можно спросить? — прошептала девушка.

— Смотря о чем.

Она вытянула тонкую руку и коснулась стоявшего у изголовья меча. Скрытый в Сумраке, от ее прикосновения он стал видим: истертые ножны из дубленой кожи вепря, тяжелая серебряная рукоять с рубиновым глазом в навершии.

— Этим мечом ты прорубил дорогу ко мне?

— Другого у меня нет.

— Да благословит Свет это оружие, — сказала Яна.

— Убивает не клинок, — мрачно усмехнулся Скиф, — убивает рука. Смертью мы останавливаем смерть.

— Я никогда не смогла бы никого убить, — девушка поникла, обхватив себя руками за узкие плечи, и голос ее напоминал плачущий родник в лесу, — даже Агуачика, этого зверя. Даже если бы захотела — я не способна.

Скиф сел у нее за спиной, положил тяжелые загорелые ладони на ее белые бедра. Рядом с маленькой провидицей он казался огромным, как минотавр.

— Если бы всем было даровано умение уби-

вать, — он старался говорить мягко, — мир уже утонул бы в крови. Ты рождена не для боя и даже не для пророчеств, как бы важны они ни были. Посмотри на себя, — маг указал на зеркало, — ты пришла в этот мир, чтобы дарить любовь.

Она робко улыбнулась, но тонкие пальцы ее рук трепетали:

— Я не хочу быть бессильным агнцем на заклание для каждого встречного злодея.

— Теперь есть кому тебя защитить.

— Я должна стать другой. Должна уметь постоять за себя. Ты научишь меня смертью останавливать смерть?

Светлый маг подумал мгновение.

— Мое искусство боя — не то, что подошло бы тебе. Но я отведу тебя к тем, кто научит. Для начала нужен другой клинок, полегче.

Черные глаза предсказательницы тепло заблестели. Она снова провела рукой по мечу Скифа, словно лаская:

— Твой меч восхитителен. Он — будто часть тебя.

— Это иллюзия. У магического клинка есть воля и даже имя.

— Как у Иного? Ты дал его?

— Нет. Его нарекли именем Бальмунг в давние

времена.

— Бальмунг… красивое имя.

— Много веков назад он принадлежал Светлому рыцарю Зигфриду. Пока этот меч был в его руке — он был непобедим.

Яна откинула свои густые и длинные черные волосы, прильнула губами к губам Скифа, взобралась к нему на колени и принялась ласкать его шею, и мускулистую грудь, и перехваченное черной повязкой, испещренное шрамами лицо. Они снова занялись любовью, а когда закончили, долго лежали без слов, прикрыв глаза.

Ты должен наконец поговорить с ней. Давно пора возвращаться домой! Больше нельзя тянуть. Твое сердце стало слишком мягким.

— Послушай, девочка. Нам нужно…

— Что, милый? — Яна нежно коснулась его щеки.

— Твой дар предвиденья… Я хочу попросить тебя…

Лицо девушки застыло. Улыбка исчезла. Яна рывком села на кровати, одним движением убрала свои волосы, словно прятала их от Скифа.

— Я догадывалась. Ты пришел к Агуачику не ради меня.

— Яна…

Она повернулась к нему. Ее тонкие пальцы дрожали, как в лихорадке, губы побелели.

— Ты приехал в Колумбию не затем, чтобы спасти пропавшую девочку. Тебе нужно предсказание… всем на свете от меня нужен только этот проклятый дар.

Скиф молча подождал, пока она выплачется, затем ласково провел ладонью по ее узкой, покрытой мелкими шрамами спине:

— Чтобы найти тебя, я проехал тысячи километров, заплатил сотни тысяч долларов и убил много, очень много людей и Иных. Я не приму отказа, Яна.

— Прости, Андрей, — она опустила голову, — я забылась. Прости, пожалуйста… Ты имеешь право…

— Тс-с, — он положил палец на ее губы, — не надо.

Яна кивнула. Скиф мягко сказал:

— У нас мало времени. Я дал тебе несколько дней, чтобы прийти в себя, но ждать больше нельзя. Если ты не поможешь, случится большая беда.

— Я готова… готова…

— Ничего не бойся, слышишь?

— Слышу тебя.

Он наклонился к девушке и поцеловал в губы, она с жаром ответила.

Много лет у Скифа не было женщины. Много лет он был воином, тайным сыщиком, ночным оперативником. Он убивал, допрашивал, пускался в погоню, сражался — и снова убивал. И был один на свете.

И вдруг это время закончилось. Почему именно встреча с Яной изменила все? Он не знал, и времени подумать уже не оставалось. Внезапно Скиф ощутил под солнечным сплетением подзабытый холодок страха.

Он заставил себя думать о деле:

— Яна.

— Да, да, я готова, готова…

— Постарайся вспомнить. Много лет назад, в ресторане «Глубокий Сумрак» в Москве, ты предсказывала судьбу двух Светлых Иных — Кота и Герды.

…Головокружительно, до легкой тошноты, быстро — и глубоко-глубоко в темноту и холод. Вселенная свернулась в черный клубок, развернулась и рассыпалась на тысячу бархатных лоскутков. Сумрак больше не вздыхал вечным ледяным прибоем, он пел бесчисленным хором голосов где-то в страшном далеке. Время ста-

ло видимым, оно казалось широкой радужной рекой, и с ней происходили неуловимые стремительные метаморфозы: вот ее русло распалось на множество ручейков, те стали миллионом тонких водяных нитей всех цветов и оттенков, пронизавших пространство во всех направлениях. Мгновение — и все это великолепие исчезло, осталось лишь пение ветра.

Лишь холод бесконечной пустоты в высоте.

Лишь город внизу, город у моря. Над ним — горбатые спины гор и средневековый замок с зубчатыми башнями. С горы, на которой находилась крепость, медленно катилась вниз черная лавина. Зрелище было таким ужасным, что Скиф не удержался от крика. Он чувствовал, как Яна сползает в обморок, и подхватил ее на руки. Внизу навстречу волне Тьмы по широкой улице шагала тонкая фигурка, облитая белым сиянием. Подросток, совсем еще мальчик. Следом, положив ладонь на его плечо, шел высокий мужчина в коконе ауры серого света. В руке его мерцал золотой жезл, наполненный Силой. Вокруг бурлило какое-то жуткое месиво; и вдруг зрение Скифа словно вошло в фокус: он увидел — все пространство вокруг горы было заполнено бесчисленными сражающимися Иными, Светлыми и Темными, и

потоки их Силы сходились, пытаясь уничтожить друг друга, как поющие лед и пламя, — и смешивались, как кипящая нефть с молоком. Взлетали и падали бледные клинки, и падали отсеченные руки и головы, сотни и сотни Иных умирали в агонии, кровь лилась горячей рекой — а мальчик и его серый проводник шагали в крови навстречу Темному цунами, и Яна снова соскальзывала в забытье — но Скиф без счета вливал в нее энергию, удерживая предсказательницу на поверхности. Досмотри до конца. Во имя Света, дотерпи. Мы должны знать.

Волна Тьмы исчезла из поля зрения — но она по-прежнему была где-то рядом, сея смерть в городе. И вот, когда мальчик и его провожатый оказались у самой крепостной стены, на них черным ураганом обрушилась сверху непредставимая, страшная мощь. Мужчина вскинул руку в жесте обороны — но что мог он противопоставить живой Темной стихии?

Свет и Тьма сплелись в стремительном вихре, и Скиф перестал видеть и понимать что-либо. Дальше была только искрящаяся круговерть из черных и белых снежинок…

…Когда Яна пришла в себя, он тихо спросил:

— Это то, что ты увидела тогда, в «Глубоком

Сумраке»?

— Да. Но я отключилась еще в начале.

— При чем же здесь Герда и Кот?

— Разве ты не видел их? Они были там, оба.

Скиф не помнил. Впрочем, это было не важно. Ясно, что дело в мальчике.

— Яна, как все это связано с их сыном?

Девушка непонимающе посмотрела на него.

— Их сын приведет Тьму? — продолжал Скиф.

Яна покачала головой:

— Ты же видел, он Светлый.

— Кто шел за ним?

— Я не знаю.

Скиф спрыгнул с кровати на пол, принялся одеваться. Яна последовала за ним, все еще бледная от пережитого ужаса:

— Ты возьмешь меня с собой?

Он обернулся:

— Туда? В этот кошмар?

Яна поникла. Скиф обнял ее и, наклонившись, поцеловал в лоб:

— Отвезу тебя в безопасное место, там ты будешь ждать.

— Поклянись, что будешь осторожен. Ради меня.

— Клянусь.

Девушка робко улыбнулась:

— Я так хочу тебе помочь, Андрей…

— Ты уже помогла, девочка. Я узнал город из твоего кошмара.

Глава 2

Москва, гостиница «Свиссотель Красные Холмы»,
ресторан «City Space» на 34-м этаже
23 сентября 2015, 20:45

Миротворческий угар Артема Локшина породил странные начинания. Одно из них — регулярные трехсторонние встречи руководителей Дозоров и Инквизиции. Гесер и Завулон лишь в первый раз явились лично, из любопытства, а затем присылали ассистентов. Местом саммитов (Завулон назвал их чаепитиями) Артем избрал панорамный ресторан отеля «Красные Холмы», откуда открывался вид на Кремль и весь центр Москвы. Правом созыва встречи обладал любой из Дозоров; сегодня им воспользовался Ночной.

Ресторан, похожий на летающую тарелку, севшую на крышу небоскреба, был почти пуст. За овальным столом в тусклом мерцании электри-

ческих свечей собрались четверо: начальники Особых отделов обоих Дозоров, глава столичного бюро Инквизиции Натан Кролевский и его первый помощник Локшин. Лица бледными масками выступали из темноты. В пустом зале гулко цокали каблуки официанток, рекрутированных из младших дозорных. Натан Иванович, бодрый жилистый старик, один казался невозмутимым. Он потребовал ужин из пяти блюд — и с удовольствием ел пасту с беконом, запивая «Вальполичеллой»; прочие участники «чаепития» обстреливали друг друга взглядами исподлобья, как волки перед дракой. Воспаленный от бессонницы взгляд Артема то и дело возвращался к золотым волосам и голубым глазам Валентины; если бы взглядом можно было жечь, девушка давно превратилась бы в горсть углей.

— Господа, — Валентина откашлялась, — спасибо, что согласились прийти на встречу. Угощайтесь, пожалуйста, сегодня все за наш счет.

Тайпан с ненавистью смотрел на яблочную пастилу, китайские чайнички и разноцветные эклеры. Официантка (симпатичная ведьма) поставила перед ним его любимую «Кровавую Мэри» и бесшумно исчезла. Артем взял обеими руками пиалу с зеленым чаем и сделал глоток.

Он молился, чтобы никто не заметил, как дрожат его пальцы.

От одного звука ее голоса у него начинала кружиться голова.

— Ночной Дозор, — продолжала Валентина, нервно теребя косу, — считает необходимым изменить подход к кризисным ситуациям. История вокруг Гордеевых вскрыла большие проблемы во взаимодействии…

— Стоп-стоп, — оборвал Тайпан, — если ты позвала нас сюда бессмысленно точить лясы — я ухожу. У меня много дел.

Валентина скользнула взглядом по Артему и посмотрела на Кролевского, беззвучно умоляя о помощи. Старик повернулся к Тайпану:

— Вместе противостоять кризисам — идея здравая.

— Зачем эти полумеры? — сверкнул змеиной ухмылкой Темный. — Давайте сольем два Дозора в один — и станем надзирать сами за собой!

Кролевский допил вино и вернул беспомощный взгляд Вале: справляйся сама, девочка. От возбуждения та слегка покраснела… Артем скрипнул зубами.

— Не доводи до абсурда, Тайпан, — пошла в контратаку Светлая, — нам здесь и сейчас, в при-

сутствии Инквизиции, необходимо договориться — и остановить войну в самом начале.

— Даже так? — поднял бровь Кролевский. — Вы готовы воевать из-за мальчишки Гордеевых? Да что в нем такого?

Новая молниеносная перестрелка взглядами — словно каждый за столом пытался прочесть что-то в умах собеседников. Только старший Инквизитор оставался бесстрастным. Он уже насладился ужином и перешел к «Мартелю».

— Войны не будет, Натан Иванович, — сказала Валентина.

Ты целовал эти белые пальцы, — подумал Артем в бреду, — *ты вдыхал запах этих волос. Это было совсем недавно, словно вчера.*

— Явной войны? — спросил он чуть хрипло. — Или тайной? Прекращалась ли война Дозоров хоть на день?

— Мы чтим Великий Договор, — наклонила голову девушка, по-прежнему не глядя на него.

— Искусство лгать — вот ваше главное оружие, — сказал Темный.

— Не тебе учить меня быть правдивой.

— Почему бы и нет? Я чист перед законом.

— Твоя грязь надежно спрятана под плащом, змей.

Глаза Тайпана зло блеснули:

— Тебе не удастся меня спровоцировать, свистулька. Если это все — я покидаю вас, господа.

— Еще минуту, — остановил его Локшин, — никто так и не понес наказания за события в Петербурге. Натан Иванович, чего мы стоим как карательная машина, если убийцы остаются на свободе? Нужно довести дело до конца.

— Начни с этой голубоглазой кошечки, — Тайпан ткнул длинным изогнутым пальцем в сторону Вали, — накажи ее хорошенько, судья. Докажи делом свою объективность.

Артем приготовил резкий ответ, но Кролевский прервал его:

— Детали еще не ясны, но с виновной стороной мы определились, разве нет? Выходцы из Ночного Дозора заварили эту кашу, убили множество Иных. Теперь дело за малым — найти их и свершить правосудие.

— То, что случилось в Питере, — личный конфликт, — терпеливо сказала Валентина. — Ночной Дозор к нему непричастен.

— Или по-прежнему искусен в сокрытии интриг? — тихо спросил Локшин.

Валентина впервые прямо взглянула на него — с мягким укором.

— Артем большой умница, — Натан Иванович краем глаза наблюдал за молодыми Иными, — он видит вас, дозорных каверзников, насквозь, как рентген. Он найдет виновных, я верю. И наказание будет жестким. Если волков не рассадить по клеткам — они разорвут друг друга.

Смартфон на столе перед Валентиной замерцал. Девушка извинилась, отошла в сторону и принялась тихо разговаривать, прикрывая рот рукой, чтобы никто не мог прочесть по губам. Ночной город раскинулся под ней мерцающим электрическим океаном, цветными волнами светового прибоя беззвучно подкатывался к ее ногам. Она была королевой Света — и свет ласкал ее даже в ночи. Артем замершим взглядом смотрел на плавный изгиб ее спины под белым свитером, на тугую длинную косу.

Она говорит с мужчиной. Конечно же, с мужчиной — и он, возможно, сейчас назначает ей свидание. Какой-то ублюдок будет прижимать ее к себе, вдыхать ее медовый запах, пьянея, теряя голову… А для нее ты — злой мальчишка, к которому в руки свалилась Сила. Разве это правда? Разве я злой? Нет, нет, о нет. Разве отстаивание буквы Закона, борьба за равенство и мир — это зло? Да есть ли кто-то добрее меня в этом безум-

ном городе?

— Простите еще раз, — сказала девушка, вернувшись за стол, — срочный звонок.

— Интриги, интриги, — демонстративно зевнул Тайпан, — скверный учитель из Гесера, ой, скверный — так и передай ему.

Валя с укоризной посмотрела на него:

— Не превращай серьезную встречу в цирк.

— Ты тянешь время, чтобы убийцы и преступники Гордеевы успели убежать подальше. Ты с ними заодно!

— Прошу тебя, Дима, хватит, — устало сказала Светлая волшебница, — нам нужно скоординировать действия…

«Дима, — вспомнил Артем. — Настоящее имя этого седого уродца в глухом плаще, этого молодого старика — Дмитрий. Нет — не может он быть Димой, он всю жизнь был Тайпаном, ядовитым скользким змеем».

— Ничего нам не нужно. — Темный поднялся, брезгливо тряхнув рукой. — Мы, Дневной Дозор, соблюдали Договор с самого начала. Еще тогда, в «Лужниках», мы действовали в рамках закона — у нас есть право на майский шабаш. Мы распустили свой Тайный Дозор. Мы годами хранили мир. Наши парни в Питере никого не собирались

убивать — но были убиты. Я призываю Инквизицию вмешаться наконец!

Кролевский задумчиво смотрел на огонь свечи сквозь бокал коньяка.

— Вот мои условия, — продолжал Тайпан, — отдайте на наш суд Гордеевых — и возместите наши потери. Баланс должен быть восстановлен, баланс — краеугольный камень мира. Если мы не получим компенсацию… возьмем все сами. Кровь за кровь.

Он коротко кивнул Инквизиторам и вдруг словно провалился сквозь пол. Быстрая тень, как летучая мышь, мелькнула над отражениями огней на глади реки. «Кровавая Мэри» осталась нетронутой.

* * *

Тульская область, город Ефремов, кафе «Южный полюс»

23 сентября 2015, 21:38

Матвей остановил автомобиль напротив кафе, заглушил мотор и опустил стекло. Посидел, вслушиваясь в шелест старых лип, ронявших на асфальт сухие листья. Улица казалась пустой. В бледном свете фонарей бесновалась мошкара.

За стеклянной стеной почти не было посетителей, лишь пара пожилых мужчин у стойки бара под телевизором. Кот изучил ауры — обычные пенсионеры из соседнего дома: зашли выпить по стакану пива под футбол.

— Вылезайте, — приказал Матвей, — на улице не задерживаться.

Защелкали дверцы. Нелли с детьми, как быстрые тени, пронеслись через парковку и скользнули в двери «Южного полюса».

— Я буду блинчики со сгущенкой, — защебетала Лина, едва оказалась внутри, — и тирамису. И чизбургер. И еще шоколадные маффины. И салат с рукколой и анчоусами.

Огонек проглотил слюну:

— Я тоже буду чизбургер. И жареную картошку.

Несколько дней они провели в первой попавшейся пустой квартире в городе Щелково на востоке от Москвы. В столицу заехать так и не решились. Матвею понадобилось двое суток, чтобы полностью вылечить переломанную во многих местах руку Нелли. Все эти дни беглецы питались тем, что можно было купить в скромном продуктовом киоске у подъезда, и только теперь, когда они были за триста километров к югу от столицы,

Кот разрешил зайти в кафе.

В первую же ночь в Щелково он проснулся от едва различимого шороха в коридоре. Подсвеченный циферблат часов показывал без десяти четыре. За тревожным стуком собственного сердца он различил тихий металлический щелчок замка. Выхватив из-под подушки пистолет, Кот бесшумно шагнул в коридор… и увидел стоявшего у дверей квартиры сына: босиком, в джинсах и футболке.

— Куда собрался? — шепотом спросил Матвей.

Огонек посмотрел сквозь него и приложил к губам палец: тс-с.

— Ярик, ты далеко?

Он не услышал, а скорее почувствовал: в комнате проснулась Нелли и привычно нашаривает у изголовья рукоять катаны. В памяти снова вспыхнула давняя новогодняя ночь в Крыму и стук ворона в окно.

— Надо идти, пап, — сообщил мальчик едва слышно, — нет времени. Прости.

— Куда?

— На юг.

— Посреди ночи?

— Некогда спорить, — странным скрипучим голосом сказал Огонек, — ты поймешь. Потом.

Матвей взял сына за плечи и хорошенько встряхнул. Только тогда тот проснулся и спросил растерянно:

— Уже утро? Почему я здесь?

История повторилась и на следующую ночь. В своем странном полубреду-полусне Ярик был довольно разговорчив, он часто повторял слова «на юг». Матвей и Нелли уже решили возвращаться в Крым, и спорить с сомнамбулой не пришлось. На юг? Наверное, пережившему потрясение мальчику во снах является их дом под Севастополем. Что ж, успокоим его, пообещаем добраться туда как можно скорей. Через несколько дней Нелли сможет отпустить Лину. Можно оставить ее в Краснодаре или Ростове. Отыщем кого-нибудь из местных Светлых и попросим отвести девочку в местный Дозор. Там помогут. Родители ее уже, наверное, с ума сходят. Прокладывать порталы Кот только учился — и ходил через них лишь в одиночку. Отправлять порталом целую компанию на большое расстояние он счел рискованным. Нашел машину (неприметный синий «Форд Фьюжн») — и они двинулись на юг по трассе М-4 «Дон».

Чизбургеров и блинчиков в кафе не оказалось. Зато были картофельные драники, уха и мари-

нованные огурцы. Официантка приняла заказ, устало улыбнулась корчившей рожицы Лине и скрылась на кухне.

— Огонек, тебе полегчало? — отхлебнув кофе, спросила Нелли.

— Мне здесь не нравится, — буркнул он, — давайте быстрей поедим и поедем дальше.

— Поедим и поедем.

— И не будем нигде задерживаться.

— Не будем. Ты чувствуешь что-нибудь?

— Я чувствую страх.

Все четверо замерли, глядя в окно на стоявшую у порога сырую осеннюю ночь. Кот прислушался к своим ощущениям, осмотрелся в Сумраке… ничего. Словно пытаться разглядеть что-нибудь в темной комнате без окон. На парковке преданно поблескивал рыжими подфарниками «Фьюжн». Пенсионеры в дальнем конце зала заказали еще пива; в телевизоре судья назначил штрафной и принялся выравнивать «стенку» из футболистов.

— В Крыму тебе станет легче? — спросил Матвей.

— Не знаю, пап. Вы хотели, чтобы я стал Иным? Я стал им. Простите, если разочаровал.

— Но мы не хотели…

— Знаю. Вы всегда боялись, что я буду какой-то

не такой.

— Втяни колючки, сын, — остановила Нелли, — мы все равно любим тебя, каким бы ты ни был. Даже стань ты Высшим вампиром — все равно остался бы для нас нашим Огоньком.

Мальчик вздохнул и как будто очнулся от напряженного размышления; он быстро потерся щекой о плечо матери. Она осторожно погладила его по голове: такой жест был верхом ласки, что сын себе позволял в последний год. Кажется, это называется сепарация. Как же быстро растут дети. Давно ли Ярик сидел у нее на коленях, беспечно болтая ногами?

Официантка долго не возвращалась. Наконец вместо нее появилась другая, она принялась протирать столы, поглядывая в телевизор.

— Не быстро же тут обслуживают, — прошептала Нелли.

— Я сейчас с голоду умру! — проинформировала Лина.

Кто-то забил гол, и пенсионеры в дальнем углу разочарованно загудели.

Огонек невозмутимо листал книгу на планшете.

— Что читаешь? — спросил отец.

— Стругацкие. «Волны гасят ветер».

— Фантастика?

— Угу… Знаешь, иногда я думаю — было бы здорово, если б все колдовство и Сумрак оказались просто выдумкой. Фантастической историей. Как спокойно мы жили бы без всего этого.

— Большинство так и живут, ничего не зная.

— Счастливые люди.

— Их мир ограничен и сер, а жизнь коротка.

— Смотрел «Матрицу», пап? «Неведенье есть благословение».

— Ну почему ты такой ворчун и скептик, Огонек?

— Я хочу быть обычным ребенком, разве это много?

— Ты и есть обычный ребенок. С необычными способностями.

— За обычными детьми не гоняются головорезы.

— Иногда гоняются. Например, за детьми миллионеров, чтобы потребовать выкуп.

Официантка принесла тарелки с драниками, расставила их на столе, в середину стола водрузила кувшин морса.

— Приятного аппетита, — сказала она: тонкая блондинка в небрежно повязанном чистом переднике. Передник был ей не по размеру, слишком

большой.

«Заказ принимала другая официантка, — вспомнил Матвей. — Это, возможно, ничего и не значит, но…»

— Простите, а где та девушка?

— Анжела? Ее смена кончилась.

Лина хотела наброситься на еду, но Нелли поймала ее за руку: подожди.

Официантка неловко повернулась, и морс из стакана выплеснулся на рукав куртки Огонька.

— Ох, я такая неловкая, — девушка присела на корточки, схватила салфетку, — секунду, я все вытру.

— Не надо, — остановила Нелли, — мы сами. Идите.

— Я только приложу салфетку.

Повинуясь безотчетному порыву, Кот достал мобильник Валентины, нашел единственный номер в записной книжке — и нажал вызов.

— Девушка, не нужно, — в голосе Нелли появились стальные нотки.

— Хозяин накажет, если узнает, что я не вытерла. — Девушка взяла Огонька за рукав.

— Нелли, не дай ей… — Матвей не успел договорить. Сумрак словно взорвался. Тело официантки неуловимо расплылось, закрутилось цветастым

вихрем, превращаясь в подобие воронки, — и вдруг втянуло в себя остолбеневшего от удивления Огонька. Миловидное личико блондинки исчезло — и в краткий миг Нелли успела увидеть знакомые узкие глаза и черные волосы юной Темной колдуньи, которую она пощадила на Ладожском вокзале. Девчонка усмехнулась и подмигнула ей. В следующее мгновение лицо ее стерло вихрем — и воронка рухнула в Сумрак.

Но раньше произошло две вещи: во-первых, дверь кафе распахнулась, и на пороге показались несколько Темных. Во-вторых, Матвей, словно в прорубь, нырнул через стол в Сумрак — за тающим следом воронки. Мобильник он бросил на стол.

Валентина поймет, что случилась беда, — и найдет их. Если успеет.

— Дневной Дозор! — прогремел голос — Никому не двигаться!

Взмах ресниц — и Темные уже заполнили кафе. Лина испуганно пискнула, стакан морса выскользнул из ее пальцев и вдребезги разбился об пол.

* * *

Москва-Сити, 52-й этаж башни «Эволюция»,
Московское бюро Инквизиции
23 сентября 2015, 22:16

— Напрасно ты так строг к Вале, Артем, — вздохнул Кролевский, — она стремится сделать карьеру в Дозоре. В этом нет ничего предосудительного. Хочешь коньяку?

Он достал из стола бутылку и стаканы.

Локшин покачал головой:

— Я не делаю разницы между ней и Тайпаном.

— Но зачем этот холод? Они же оба когда-то были твоими товарищами.

Кролевский зажег сигару, сел в кресло, подслеповато сощурив глаза под густыми бровями, словно старый пес у камина. Он явно был не прочь почесать языком. Артем стоял у окна, глядя на ночной город внизу. Он чувствовал неизъяснимое нервное напряжение, словно где-то внутри звенела туго натянутая струна. С самого начала в этой истории что-то пошло не так, и с каждым днем дела портились.

— Мне не нужна дружба с Иными, — сказал он, сложив на груди руки, — мне нужен контроль

над ними.

— Добрые отношения с дозорными полезней для нашего дела, — возразил Натан Иванович.

— Добро в нашем мире наказуемо. Впрочем, зло не счастливей добра. Мой выбор — нейтралитет.

— А мне иногда кажется, — старик сделал глоток коньяка, — что ты неравнодушен к Вале.

Силуэт Артема на фоне ночного города замер.

— Да и что с того, — продолжал Кролевский, — кто я такой, чтобы запрещать вам чувства. Из чувства к женщине рождаются только лучшие порывы, испортить их можно лишь гнусностью характера. Это же не о тебе? Если любишь — действуй. Можешь даже покинуть Инквизицию, если работа мешает чувствам. Слова не скажу, клянусь. Валя — восхитительная девушка.

— Ошибаетесь, Натан Иванович. Я презираю сантименты.

— За дурака-то меня не держи, — улыбнулся глава Московского бюро, — я все вижу — ты влюблен, и ты пристрастен.

Он налил себе еще коньяка.

— Беспристрастность, — подавив эмоции, проговорил молодой Инквизитор, — это идеал, коего нельзя достичь, к нему можно только стремиться. Я избрал удел судьи. И я не отступлюсь от него.

— Даже ради любви?

Артем лишь раздраженно повел плечами в ответ.

— Когда-то давно я тоже был влюблен, можешь себе представить, — меланхолично сообщил Натан Иванович, делая глоток из стакана. Локшин ждал продолжения, но шеф ничего не добавил. Он печально смотрел на пламя светильника — одинокий, ссутулившийся, как старый ворон. Тогда Артем заговорил вновь, и город под его ногами стрелял в хмурое небо электрической дробью огней.

— Я не даю преференций ни Свету, ни Тьме. Я заставил себя забыть, что был когда-то Светлым, я теперь Серый, как и вы. Равенство. Спокойствие. Мир! Добрый, радостный мир. Долгая счастливая жизнь. Ради этого я готов на все — и пусть обе стороны меня ненавидят и проклинают. Фанатик? Да, я фанатик. Но я не делаю ничего для себя, я абсолютный альтруист. Моя любовь — для всех Иных в этом мире, а не для кого-то одного. И к Светлой целительнице, и к Темному вампиру.

Кролевский подошел к нему и встал рядом, положив на плечо руку:

— Артем, любовь к Дозорам не входит в наши служебные обязанности. Мы — администрато-

ры. Плотина, что удерживает мир от кровавой бойни. Мы не должны пытаться изменить Свет и Тьму, заставить их полюбить друг друга. Они всегда будут порознь, в этом есть важный смысл, диалектика. Мы стражи, а не лекари.

— Нет, Натан Иванович, мы не просто сторожа. Мы особая порода среди Иных. Иные среди Иных. Наша миссия очень важна. Вот увидите, я докажу вам.

— Но, мальчик мой, никто из нас не может любовь к одному подменить любовью для всех. Это разные чувства, в чем-то даже противоположные: стремление обладать кем-то, с душой и телом, — и абстрактное стремление отдать всего себя другим.

— Уж простите, но для абсолютного альтруиста ваши слова звучат смешно…

А где-то далеко внизу, на одной из ярко освещенных ночных улиц, Валя села в белую «Хонду», и Марина завела двигатель.

— В офис? Или домой?

— На работу, — устало ответила начальник Особого отдела, — ночь только началась.

— Ты что, плакала, Валюш?

— Пустяки… дождь…

— Он был там?

Валентина кивнула, глядя вниз, на носки своих белых туфелек.

— Валя, — тихо проговорила Марина, — можно вопрос? Ты любишь Артема или нет?

Дождь барабанил о стекло «Хонды» — а в салоне было тепло и пахло тонкими духами. Сквозь влажный туман алым глазом мигал светофор. Машина тронулась с места, рассекая бескрайнюю лужу, словно корабль по реке.

Марина не дождалась ответа. Валя молча смотрела на бегущие по стеклу струи дождя.

* * *

Тульская область, город Ефремов,
кафе «Южный полюс»
23 сентября 2015, 22:22

…Лина испуганно пискнула, стакан морса выскользнул из ее пальцев и вдребезги разбился об пол.

Нелли, уже изготовившаяся прыгнуть следом за Матвеем в Сумрак, не оборачиваясь, наугад, ударила «фризом» по банде Темных. Время растянулось, как резиновая перчатка. Звон разбитого стакана отвлек внимание нападавших лишь на долю секунды — но благодаря ему «фриз» застал

их врасплох. Все они застыли в причудливых позах.

— Вау, — прошептала Лина в восторге.

Кот провалился на второй слой Сумрака, раздираемый пополам желанием помочь Нелли (он не знал, что она успела воспользоваться «фризом») и страхом за Огонька. Он нырнул в ледяной холод, сквозь лениво шевелящиеся щупальца синего мха, и еще ниже — туда, где разлился серый полусвет. Аура Темной волшебницы казалась призрачно мерцающим фонариком, быстро удаляющимся прочь через холодный пустырь с чахлыми кустиками и редкими маленькими строениями — таким на этом слое был пейзаж городка. Матвей рвался за ней, но быстро понял, что не успевает.

Воровка обладала удивительным телом — оно легко меняло форму. Очутившись на втором слое, Темная вырастила длиннейшие ноги и теперь быстро удалялась прочь, прижимая к себе кричащего в ужасе мальчика. Его вопль таял в Сумраке кроваво-алыми фантомными нитями. Чудовище на ходу обернулось, бросило на Матвея презрительно-ехидный взгляд и понеслось вперед с невероятной скоростью.

Аура Темной гасла в сером тумане, только ра-

дужный отсвет ауры Огонька теплился вдалеке. Еще секунда — и он будет недосягаем. Матвей начал задыхаться на бегу.

Она ниже тебя уровнем — у нее третий. Нужно только догнать.

Бить огнем, «прессом», использовать Силу было нельзя — Огонек мог погибнуть. Оставался единственный способ, и воспользоваться им можно было лишь раз.

Ведьма удалялась от кафе на север. Она бежала по прямой.

По прямой, не виляя и не сворачивая.

Матвей быстро рассчитал траекторию, зажег в воздухе портал — и прыгнул вперед.

Он вывалился прямо перед Темной, вцепился в ее ноги, и все трое Иных покатились по земле. Кот вырвал Огонька из объятий чудовища и рванулся наверх — на первый слой.

Тонкие, длинные, невероятно сильные руки вцепились в его тело, скрутили, утягивая вниз.

Матвей вызвал «белый клинок» — и отсек их.

Чудовище лишь рассмеялось: отрубленные руки снова срастались с телом.

Она как пластилин.

Кот отбросил сына в сторону, и тот упал ничком на синий мох. Руки колдуньи ветвились,

обращались в многочисленные щупальца — они, словно змеи, опутывали Матвея, и тот крутнулся на месте, наматывая их на себя, как водоросли, — нельзя было дать чудовищу возможность снова схватить Огонька.

— Уходи, Ярик! Поднимайся.

Мальчик с трудом встал на четвереньки. Его лицо было белее бумаги. Новичкам смертельно опасно находиться в Сумраке так долго — а Огонек побывал даже на втором слое, пусть и недолго.

— Отец, — слово выпало изо рта мальчика и рассыпалось прозрачными льдинками, — где ты…

— Поднимайся наверх! Уходи, слышишь?

Взгляд Огонька сфокусировался, стал осмысленней:

— А как же ты?

— Уходи, я сказал! Найди мать!

Чудовище запеленало Светлого мага десятком щупалец цвета протухшего мяса, его пасть находилась прямо над ухом Матвея, и тот слышал его смрадное дыхание.

Мальчик встал на ноги и потянулся вверх, он стал словно прозрачным, и через несколько секунд от него остался лишь колеблющийся

бесплотный отпечаток, след ауры — щупальца Темной колдуньи хлестнули по нему и тут же опали разочарованно.

Кот ударил огнем, и тварь зашипела, но не выпустила его. Он смог лишь выпростать одну руку. Ею он ухватил Темную за толстое склизкое бревно, в которое превратилась ее шея, и сжал изо всех сил.

Огонек выпал из Сумрака на холодную мокрую траву. Некоторое время он лежал на спине, тяжело дыша. Тело было налито слабостью, словно он голодал несколько дней. Затем мальчик сел и огляделся… Он находился в лесу, среди высоких сосен. Лишь луна ярко светила с неба — если б не она, мальчик ничего бы не увидел. За спиной раздался хруст ветки, и Огонек обернулся. Неясная тень приближалась из мрака. Мальчик хотел убежать, но сил хватило только заползти за ствол ближайшего дерева и прижаться к нему спиной.

— Я вижу тебя, Ярослав Гордеев, — сказал низкий мужской голос, — иди ко мне.

* * *

Санкт-Петербург, улица Савушкина, д. 127
23 сентября 2015, 23:55

— Отпусти меня, — прохрипел Лесник, — я должен идти на работу.

Он стоял на цыпочках посередине гостиной в своей квартире, не в силах пошевелить и пальцем: невзрачный невысокий мужчина с тонкими русыми волосами и жидкой бородкой. Вокруг его шеи была туго затянута петля, веревка поднималась к толстому крюку под потолком. Разбитая люстра лежала в углу комнаты — и комната была освещена лишь неверным светом настольной лампы.

— На работу, — кивнул Артем, — в Дозор, в аналитический отдел.

В его пальцах блеснул узкий кинжал, похожий на спицу.

— Какого дьявола, — сипел пленник, — в чем моя вина перед Инквизицией?

— Ни в чем. Ты невинен перед нами.

— Но тогда…

— Я хочу, чтобы ты рассказал о своей вине перед Ночным Дозором.

Лицо Лесника приобрело оттенок грязного асфальта.

— Я ничего не сделал Дозору.

— Покопайся в памяти. Спешить мне некуда.

— Ты бредишь. Я даже не оперативник! Обыч-

ный офисный планктон, что называется… Работа, дом, жена, «Игра престолов» по телику. Тьма вас всех побери — зачем мне эти нервотрепки?

Лесник беспокойно переступил на цыпочках. С кончика носа свисала дрожащая капля:

— У тебя ничего нет на меня. И не может быть. Иначе мы говорили бы в другом месте.

— Это должно быть очень страшно, когда Инквизитор не присылает запрос в офис на рабочую почту, а является через портал прямо к тебе домой?

Светлый аналитик облизнул сухие губы.

— Я ничего не делал, — повторил он.

— Конечно, не делал. Всего одна маленькая ложь, которую тебя просили сообщить Гордееву. Приехать в Москву и встретиться с кем-то, не так ли?

— Откуда… откуда ты узнал?

Ноги Лесника задрожали, и веревка натянулась.

— А ты думал, никто не узнает? — Локшин развел руками, клинок тускло блеснул в свете лампы. — И таких недалеких парней набирают в дозорные аналитики? Что тебе пообещали за предательство, колись?

Лесник зашипел. Губы его извивались, как

черви на сковороде, — он пытался сотворить атакующее заклинание, но тщетно: Артем лишил его возможности прибегнуть к магии.

— Деньги, дорогие тачки, бриллианты, — гадал Инквизитор, — ну что, ну какая материальная глупость может увлечь Иного третьего уровня? Нет, никогда не поверю. Рассказывай сам. Или придется вскрывать твою память, а это крайне болезненная процедура. Давай. Скажи, и я отпущу тебя.

— Вероника, — на глазах Светлого задрожали слезы, — я люблю ее со школы.

Артем рассмеялся:

— Ты предал соратника ради любви к женщине?

— Издеваешься, Серый, — прорычал Лесник. — Никакая магия не может заставить полюбить.

— К несчастью, ты прав, — задумчиво сказал Инквизитор, — и что же тогда?

— Ночь с Вероникой.

— Ты получил ее?

— Она была со мной. Но наутро… ее как подменили.

— А тебе одной ночи показалось мало, сладострастник. Что ты знаешь о настоящей любви? Когда ждешь годами, когда живешь лишь надеж-

дой, когда один только благосклонный взгляд — уже награда. Такие, как ты, вгоняют меня в депрессию. Вы становитесь Иными, магами с бесконечными возможностями для самосовершенствования, — но остаетесь слабейшими из людей.

Светлый всхлипнул:

— Вероника не хочет быть со мной.

— Естественно — ведь она не любит тебя.

— Я просил не о любви! — закричал Лесник, и веревка вновь натянулась.

— О любви не надо просить, ее нужно искать. И кто же обманул тебя? Кто соблазнил?

Светлый маг, всхлипывая, вращал багровым от напряжения лицом.

— Успокойся, — проговорил Артем, — будет закрытое расследование. Никто не узнает. Все, что мне нужно, — это имя. Я лишь хочу, чтобы такие вещи не повторялись, понимаешь?

Лесник молчал, с ужасом глядя на него.

— Разве ты не торопишься на работу в свой Дозор? — устало спросил Артем, развязывая веревку. — Тебя там уже ищут, наверное. Ну, извини, пришлось немного напугать тебя. А ты как думал? Инквизиторские методы.

Светлый упал на пол, растирая шею.

— Назови имя — и ты свободен.

— Имя… Тайпан.

Луч холодного серого света вырвался из клинка Локшина и мгновенно испепелил Лесника. Артем взял на кухне веник, смел с пола кучу пепла в пластиковый пакет. Вышел с пакетом на улицу, закурил и постоял у края дороги, вдыхая неописуемую смесь табачного дыма и свежего балтийского ветра. Убивать аналитика не было особых причин — но он мог растрепать всем и каждому о встрече с Инквизитором и его странном интересе к Гордееву. Локшин пересек улицу Савушкина и долго шел мимо супермаркета и строящегося жилого дома до Большой Невки. Чертыхаясь, пробрался через глиняные барханы и крапивные джунгли к берегу. Здесь он высыпал пепел в воду, а пакет сжег.

* * *

Тульская область, город Ефремов,
кафе «Южный полюс»
23 сентября 2015, 22:38

— Бежим! — Нелли взяла Лину за руку.

Темные — их было шестеро — преградили дорогу к дверям кафе, но, замороженные «фризом»,

не представляли угрозы. Заклятие обездвижило и старичков, смотревших футбол у стойки, и бармена с бокалом пива в руке. Через его край медленно стекала тонкая струйка пены.

— А как же Огонек? — спросила Лина.

— Отец его вытащит. Подождем в машине. Будем наготове.

Они подошли к застывшим бандитам, примериваясь протиснуться между двумя из них, как вдруг произошло нечто неслыханное. Один из Темных зашевелился — сначала медленно, как во сне, затем все быстрей. Его лицо стало красным от натуги, затем с пальца сорвалось подвешенное заклятье, и теперь в движение пришли уже все шестеро.

— Куда собралась? — прорычал Темный.

— Быстро, Линка! — Нелли ударила «прессом» в стеклянную стену кафе, и та рухнула с грохотом и звоном. Светлые метнулись к машине — но преследователи уже пришли в себя.

Один за другим они выбегали на улицу. Нелли взмахнула мечом, и один из Темных осел со стоном на асфальт, но пятеро его соратников вскинули стволы и навели их на женщину:

— Последнее предупреждение! Брось оружие и подними руки!

Светлая Иная медленно отступала к «Форду» лицом к нападавшим, выставив меч. Лина сопела позади, вцепившись в полу ее куртки. Помощи ждать было неоткуда. На асфальте хрипел умирающий Темный — Нелли рассекла мечом его сонную артерию.

Где же Матвей? Почему он так долго?

— Бросай железку, — уже спокойно, уверенно сказал главарь Темных.

Что-то ударило его в лицо — и отбросило назад. Мужчина упал на ступени крыльца, содрогаясь в конвульсиях. Остальные с ужасом смотрели на застрявший в его глазнице метательный нож.

Еще раз свистнуло в воздухе — и второй бандит повалился, обливаясь кровью. Нож вошел в горло.

Нелли успела спрятаться за автомобилем, когда Темные открыли огонь. Они палили во все стороны, и некоторые пытались попасть в Светлую, но без успеха. Прикрывая собой Лину, Нелли достала револьвер и двумя выстрелами точно, как в тире, уложила еще двоих нападавших.

Последний из банды уронил на асфальт меч и бросился наутек. Он бежал, как заяц, виляя из стороны в сторону, и Нелли долго прицеливалась ему вслед. Выстрелить она не успела — метатель-

ный нож вошел точно между лопаток парня, и тот с криком рухнул в пыль.

— Доброй ночи, — прозвучал мелодичный голос из темноты. В нем чувствовался едва уловимый акцент. — Вы не ранены?

— Все в порядке! — крикнула Нелли, убирая оружие. — Выходите.

— Сколько их было?

— Шестеро. Все мертвы.

Она выступила из мрака, словно соткалась из воздуха. Среднего роста, изящная, очень красивая брюнетка с вьющимися волосами и веселыми карими глазами. Светлая — третий или четвертый уровень, заметно сильнее Нелли. Лина тихо ахнула. Потертая кожаная куртка, плетеная сумка через плечо, янтарный амулет на золотой цепочке в ложбинке между грудей. Обтягивающие джинсы, плавные кошачьи движения. Девушка словно явилась из шестидесятых годов прошлого века. Только вместо гитары на плече — перевязь с метательными ножами.

— Меня зовут Софи. — Одной рукой девушка ласково коснулась щеки Лины; во второй оставался серебряный нож с утолщенным на конце лезвием. — Валя передала мне телефон для экстренной связи с Котом. А где же он сам? И ваш

чудо-мальчик?

* * *

Кот сжимал горло Темной колдуньи, но ее плоть продавливалась сквозь пальцы, как глина. Он не знал, что делать. Здесь были бессильны клинки, «пресс» и «тройное лезвие». Матвей не слыхал о подобной магии. Оставался пистолет — но скрученный щупальцами Светлый не мог дотянуться до него.

Колдунья выпростала откуда-то из плеча кошмарное, искаженное трансформацией лицо и расхохоталась, беззвучно разевая рот (в этот момент у нее не было легких, чтобы издавать звуки).

Она почти непобедима.

Почти.

Кот вцепился в чудовище… и провалился на второй уровень Сумрака.

Здесь было холоднее и тише. Они сражались в сиянии трех лун, в полной тишине — если не считать хриплого дыхания Матвея и шороха взрывающих мерзлую землю тел.

Лицо чудовища увеличилось в размерах. Хохочущая пасть распахнулась, усеянная множеством длинных желтых зубов. Они вытягивались на

глазах. Кот невольно замер, завороженный этим зрелищем. Сколько же Силы, должно быть, отнимает такое колдовство.

У тебя мало времени!

Он стряхнул оцепенение, сжал колдунью в крепких объятиях и буквально вдавил себя вместе с ней на третий слой Сумрака.

Теперь они боролись на сером мелком песке в окружении странных каменных идолов, выветренных изваяний богов из далеких времен.

Пасть колдуньи вырастала из ее тела, словно челюсти Чужого в фантастическом фильме, — и с хрустом впилась в его плечо. Матвей зашипел от пронзившей тело боли, но не разжал объятий.

Темная вдруг жалобно вскрикнула.

Ее уровень Силы позволял опускаться на второй слой Сумрака — но на третьем она оказалась лишь потому, что Кот буквально втащил ее сюда.

Пасть исчезла. Черты чудовища быстро оплывали, стягивались — и вот уже руки Матвея сжимали горло худой темноволосой девушки в мешковатом свитере; она смотрела на Светлого с ужасом и мольбой.

— Отпусти, — шевельнулись ее губы.

Матвей вспомнил, как он бежал за ней, как

она обернулась и посмотрела на него с издевкой — жуткий монстр, укравший его ребенка, — и не разжал пальцев.

Спустя несколько минут все было кончено.

Он поднимался наверх, глядя на размытый силуэт с угасающей аурой, оставшийся в центре странного круга изваяний, похожего на место древних жертвоприношений.

Второй уровень.

Первый.

Кот вынырнул в ночном лесу — и сразу упал в траву, часто работая легкими. После ледяного Сумрака лесной воздух казался теплым. Неподалеку горел костер. Разговаривали двое. Матвей прислушался — один из голосов принадлежал его сыну.

Размеренно дыша, он двинулся на свет. Рука уже нашаривала в кармане амулет с запасом Силы на случай нового боя.

Зажмурился, глядя на огонь.

— Все в порядке, пап, — слабым, но спокойным голосом сообщил Огонек, — иди к нам. Познакомься, это Айрат.

Рядом с сыном на бревне у костра сидел молодой темноволосый Иной. Светлый. Через его плечо был перекинут тугой лук, из-за спины

выглядывал колчан с пучком оперенных стрел. Парень улыбался сразу и приветливо и хитро.

— Мы давно знакомы, — сказал Матвей, — как поживаешь, Айрат?

Глава 3

Московское бюро Инквизиции
24 сентября 2015, 4:22

Артем не спал две ночи подряд. Усталость он выгонял лошадиными дозами кофеина и маленькими капсулами в золотистой оболочке. Чудо-порошок, проясняющий мысли, делающий мир легким и прозрачным, а ум звеняще-чистым, как горный ручей. Аналитический конвейер требовал вопросов — чтобы расшелушить их и высыпать на ладонь ядрышки ответов. Вопросы, вопросы…

Запросы. Проверь базу запросов.

— Машина, подъем, — позвал Локшин, падая в кресло перед компьютером.

Экран тускло забрезжил в темноте.

— Подними в нашей базе все запросы от Гесера, поиск по слову «тамплиеры».

На экране возникло изображение крутящихся

песочных часов: даже мощный компьютер не мог быстро переварить базу запросов, сделанную Дозорами за годы существования цифрового архива. Библиотеку начали формировать в девяностые годы, по инициативе Пражского бюро Инквизиции. Начинание охотно подхватили бюро в других столицах — и вскоре Дозоры ежедневно пользовались общей электронной копилкой знаний.

Википедия для Иных. Можно сказать — Инопедия?

Теперь не было нужды каждый раз лететь в римский музей Монтемартини или нью-йоркский музей Гуггенхайма и испрашивать дозволения местной Инквизиции полистать страницы средневековых манускриптов: достаточно было войти на закрытый сайт, сделать запрос — и отсканированная книга у тебя на экране. Если, конечно, она не входила в список засекреченных.

— ЗАПРОСЫ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ, — бесстрастно сообщила машина. Ее мертвый голос из динамика странно звучал в просторном пустом кабинете.

— Запросы на эту тему в базе Ночного Дозора, — попросил Артем.

Этот путь был уже не совсем легальным. Гесер не знал, что у Инквизиции есть доступ к его внут-

ренней компьютерной сети.

В этот раз песочные часы крутились недолго.

— ЗАПРОСЫ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ.

Что, если Гесер в разговоре с тобой просто положил на стол случайную книгу?

— Машина, — сказал Артем глухо, — подними все запросы Дневного Дозора, поиск по слову «тамплиеры».

Песочные часы крутятся… крутятся…

Ничего. Ноль. Артем выбрался из-за стола, прошелся по кабинету, ероша волосы ладонями. Бросился на кушетку, подумал о сне. В моменты обостренного восприятия реальности (такие, как сейчас) он боялся своих снов. На самом дне подсознания, куда не заглядывал свет, в тюрьме его духа дремало что-то пугающее, непредставимое, запертое там навсегда. Лучше лихорадочная бессонница, чем пробудить это.

Он разлепил веки, нашарил на полу планшет, принялся листать статьи о тамплиерах. Орден Бедных Рыцарей Иерусалимского Храма — один из самых богатых и влиятельных рыцарских орденов в Средние века. Бедные богатые рыцари… основан на Святой земле в 1191 году… при разгроме ордена в начале XIV века его члены подверглись арестам, пыткам и казням от рук

французского короля Филиппа IV и инквизиции.

История не была сильным местом Артема.

Конечно, это не та инквизиция, что сейчас… или та?

Последний Великий магистр ордена Жак де Моле провел в тюрьме семь лет. Сожжен на костре в Париже 18 марта 1314 года. Легенда о проклятии: согласно хронисту Жоффруа Парижскому, Жак де Моле, взойдя на костер, вызвал на Божий суд французского короля Филиппа IV, его советника, хранителя печати Гийома де Ногарэ и папу Климента V. По легенде, уже на костре тамплиер обещал всем троим, что они переживут его не более чем на год. Климент V умер 20 апреля 1314 года, Филипп IV — 29 ноября 1314 года. По поводу причин их смерти до настоящего времени существуют различные версии…

От чтения Артема потянуло в сон.

— Машина, — позвал он, прикрыв веки, — история запросов от Гесера, ключевые слова «де Моле».

— ЗАПРОСЫ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ.

«Конечно, не обнаружены», — сквозь дрему подумал Инквизитор. Было бы неосторожно выдавать, что ты интересуешься такими тайнами. Хотя откуда им знать, что мы держим их под

колпаком так плотно? Лишь для очистки совести он повторил свой вопрос в отношении Завулона.

В этот раз машина долго молчала.

— НАЙДЕН ОДИН ЗАПРОС.

Артем уже стоял перед компьютером, впившись в экран взглядом.

Экран мигнул, и на черном поле появилась одинокая зеленая строчка.

23 НОЯБРЯ 1997 ГОДА. ТЕМА «ПОТОМКИ ЖАКА ДЕ МОЛЕ».

СТАТУС: ОТКАЗАНО В ДОСТУПЕ.

— Что значит отказано? Завулону?

— ДАННЫЕ ЗАКРЫТЫ.

— Машина, машина, — он пощелкал пальцами, лихорадочно размышляя, — сделай-ка запрос в Пражское бюро от моего имени. Тема «Потомки Жака де Моле».

Компьютер на секунду задумался и выдал:

— В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО.

— Мне? Ты ведь указала, что запрос исходит от меня, железка?

— ВАМ ОТКАЗАНО. ДАННЫЕ ЗАКРЫТЫ.

Локшин подошел к кофе-машине, сделал чашку крепкого «американо». Бросил в рот четыре золотистые капсулы, запил их, посидел у компьютера, слушая, как в венах вскипает адреналин.

Отказ вызвал почти детское ощущение обиды и несправедливости. Инквизитору его ранга — отказ? Когда они начнут воспринимать его всерьез? Что для этого надо совершить? Предотвратить апокалипсис? Достать пражским и бернским бонзам Инквизиции билеты на Чемпионат мира по футболу 2018 года?

Потомки. Какие могут быть потомки у католического монаха, дававшего обед безбрачия?

— Машина, что у нас есть по тамплиерам?

— ЗАПРОС НЕ ПОНЯТ.

Он забарабанил пальцами по столу:

— Свидетельства по процессу Жака де Моле!

— МНОГО ЛИТЕРАТУРЫ, — терпеливо отозвалась машина, — ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ…

— Не надо романов. Документы, летописи? Ну, что он там хотел найти, Завулон?

Машина красноречиво молчала.

— Гриф «секретно», — прошептал Локшин, допивая кофе. Москва за окном лежала в сыром тумане, сквозь который просвечивали редкие огни квартир да яркая полоса Кутузовского проспекта. Осень растеклась по городу, как потоп, и казалось, пощадила лишь несколько островков суши.

— ПРЕДПОЛОЖУ, — сказал бесстрастный меха-

нический голос. — ЕСТЬ СВИДЕТЕЛИ.

— Живые? — недоверчиво покосился на машину Артем.

— ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ШВЕЙЦАРСКОЙ ТЮРЬМЕ. САМЫМ СТАРЫМ БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ.

— У тебя есть списки?

— НЕТ. ЭТО ГИПОТЕЗА.

— Меня туда пустят?

— ВАШ УРОВЕНЬ ДОПУСКА ПОЗВОЛЯЕТ…

— Спасибо, железка. — Локшин не дослушал; он бросил на стол чашку и принялся одеваться. Спустя минуту он уже стоял посреди кабинета перед тлеющим прямоугольником портала.

Столица Швейцарии встретила его тишиной и пустыми улицами: здесь была середина ночи. Локшин добрался до здания Трибунала на Мюнстерплатц. В бледно-голубых лучах луны над городом высилась готическая ракета Бернского собора. На углу площади робко журчал фонтан под статуей Моисея, обнявшего каменные скрижали. Артем не без труда отыскал такси и попросил отвезти его в гостиницу. Таксист определил его как человека небедного и доставил в «Дворец Бельвью». Инквизитор отдал за номер шестьсот швейцарских франков и провел несколько часов, сидя у окна с видом на старин-

ный город. Спать не хотелось. Перед рассветом он выпил еще одну чашку крепкого кофе и принял четыре золотистые капсулы. Сигарета в пальцах мелко дрожала. Он стоял на пороге какой-то мрачной тайны, к которой прикасались до него лишь Великие.

Это твой шанс. Не упусти его.

Когда часы на башне собора пробили восемь утра, Артем направился в город.

Он сухо поздоровался с привратником на входе в Трибунал — тот лишь просканировал его ауру и без вопросов впустил собрата-Инквизитора в большое мрачное здание. Гость из Москвы прошел прямо в тюрьму («КАЗЕМАТЫ — МИНУС ПЕРВЫЙ ЭТАЖ» — сообщал указатель при входе), стараясь никому больше не попадаться на глаза. Впрочем, никому не было до него дела. Все здесь свершалось со швейцарской флегматичностью и свойственным правосудию равнодушием.

Смотрителем тюрьмы оказался Инквизитор четвертого уровня по имени Иоганн Попп. Он был невысокого росточка, с шишковатым голым черепом, густыми седыми усами и алым грушевидным носом, выдававшим в нем адепта Бахуса. Вид надзирателя поразил Артема.

Неужто этот пьяный гном один присматрива-

ет за всей тюрьмой?

— Заключенные бóльшую часть времени спят, — пояснил смотритель скрипучим голосом, — и бежать из тюрьмы практически невозможно.

— Но как вы… — смутился Артем.

— А, все спрашивают одно и то же. Пожалуйста, присаживайтесь, юноша. Откуда вы к нам? Москва? Интересно, интересно… желаете чаю? Кофе? Что ж, нет так нет.

— Скажите, герр Попп…

— Можно просто Иоганн. Мы оба Инквизиторы, махнем рукой на формальности.

— Делаем одно дело, — поддакнул Локшин.

— Важное дело. Не напоминай я себе об этом каждый день, давно бы сбежал с этой скучнейшей службы, — старичок приветственно поднял большую чашку исходящего паром кофе — и ноздри московского гостя уловили в его запахе коньячные нотки.

— Отчего же, Иоганн? Это место, — молодой Инквизитор обвел взором сводчатый каменный зал с гобеленами, — выглядит весьма уютным.

Попп не ответил. Он мелко покачивал уродливым черепом и тихо смеялся, опустив голову к чашке — так что его пышный ус пропитался ко-

фе. Взгляд выцветших маленьких глаз медленно ощупывал Артема.

Локшин почувствовал бегущий вдоль хребта неприятный холодок. Он решил не откладывать дело в долгий ящик:

— Я расследую преступление, совершенное в России. Массовое убийство.

— Убийство, вот как.

— Есть обстоятельства, указывающие на то, что мотивы преступников могут уходить глубоко в прошлое.

— Как любопытно, — глаза Иоганна тускло блеснули.

«Сколько ему может быть лет, — подумал Артем. — Редкий Иной позволяет себе опуститься до физических кондиций такого глубокого старика. О чем это может говорить? Герр Попп так стар душой, что уже не может корчить из себя молодого? Или это обманка для посетителя — маскировка, чтобы проверить молодого коллегу? И если тот проверку не пройдет — его сошлют вниз, в каменный мешок?»

— Знаете, сколько лет этому зданию? — спросил швейцарец, продолжая криво улыбаться. — Его возвели в середине тринадцатого века. Рубили скалу. Несколько раз перестраивали, понятное

дело, углубляли подземелья, но основная часть оставалась нетронутой. Строили очень надежно. Чтобы никто не мог бежать.

— И как? Бывали побеги?

— Нечасто. В последний раз — во время Второй мировой войны. Магические замки куда прочнее обычных, но техника быстро уходит вперед, иногда мы не успеваем за ней. И вот один молодой немецкий политик, соратник Гитлера, решил, что перевеса в войне можно достичь с помощью одного из наших заключенных… М-да… С большим трудом мы разыскали беглеца в Сталинграде в сорок третьем году — и вернули на место.

— Любопытная история.

— Понимаете, Артем, я хочу быть уверенным, что вы сюда явились не с целью помочь кому-то удрать.

— О! — русский Инквизитор вскинул руки к каменному потолку.

Иоганн допил кофе. Улыбка исчезла с его лица.

— Не считайте это паранойей. Взгляните на ваш профайл моими глазами. Покинуть ряды Светлых, устроиться в Инквизицию и проработать в ней несколько лет — и все только затем, чтобы втереться в доверие и получить доступ в этот замок. Сочинить историю о загадочном

преступлении или просто подобрать подходящее, спуститься в подвал — и вуаля. Стукнете по голове бедного старого Поппа, выпустите на свет божий какого-нибудь средневекового пожирателя душ. Здесь видели и не такое… И не пытайтесь доказывать чистоту своих намерений, на слово тут никому не верят.

— Что же мне сделать, поклясться Тьмой и Светом?

— Клятвы тоже можно обойти, есть разные хитрости. Мне придется гарантировать вашу лояльность самому. Вы готовы?

— Вполне. — Артем и так был сама лояльность.

— Подпишите, пожалуйста, отказ от претензий, — Иоганн бросил через стол бумагу и ручку, — простая формальность.

Артем подмахнул отказ. Текст был стандартным. Отчего-то это место уже не казалось московскому следователю таким уютным и спокойным. Влажные каменные стены начинали действовать на нервы. Каким образом Иоганн так быстро выяснил его биографию?

Просканировал ауру и сверил ее с отпечатком в базе «Л-Инк». Не вставая с места. Не забывай, где ты находишься.

Значит, в ближайшее время о его визите сюда

узнает руководство на всех уровнях.

— Как это будет? Свяжете мне руки? Лишите Силы?

— Зачем же так с братом-Инквизитором. Обычный «поводок», чтобы вы не учудили чего-нибудь странного.

«Поводок»… Артем что-то слышал об этом заклятии. Ладно, ради великой тайны он готов и на это. Зачем же отказ от претензий?

— Не будем терять времени. — Иоганн приглашающим жестом указал на маленькую стальную дверь в глубине зала. Артем вдруг понял, что до этого момента даже не замечал ее. Швейцарец провел магнитной картой в щели на стене, затем погремел связкой ключей, и дверца без звука отворилась.

— Не ударьтесь головой. Когда строили эту тюрьму, люди и Иные были ниже ростом, вы знали?

Артем нагнулся, проходя сквозь дверной проем, и очутился в мрачном каменном коридоре. Значит, Иоганн помнит, какими были люди восемьсот лет назад… Что ж, может быть, он просто хорошо изучил историю, и только.

— Так кто из заключенных вам нужен?

— Я не знаю его имени. Свидетель по делу Жака

де Моле.

Попытка попасть пальцем в небо. Локшин ждал, что швейцарец немедленно выставит его вон или станет долго задавать наводящие вопросы, но Иоганн бесстрастно кивнул, словно сразу понял, о ком идет речь.

— Значит, в самый низ. Готовы, коллега?

— Я к вашим услугам.

— Оружие оставьте вон там, на столике.

Артем мог поклясться, что никакого столика у стены еще минуту назад не было. Он положил на него жезл, пистолет, несколько амулетов и богато инкрустированные ножны с коротким английским мечом — подарком шефа. Иоганн окинул этот арсенал равнодушным взглядом.

— Закройте глаза и расслабьтесь.

Локшин заколебался. Его предчувствия молчали, но перспектива оказаться, пусть ненадолго, в полной власти неприятного старика вызвала неожиданно сильное отвращение.

Ты в бернском Трибунале, среди своих коллег. В конце концов, какое зло может причинить безобидный старик?

Локшин глубоко вздохнул и раскрылся.

Дрожание Сумрака. Словно что-то быстро коснулось его шеи.

— А? — Артем открыл глаза.

— Уже все, юноша. — Иоганн странно улыбался. Глаза его снова блестели. «Как у хищного зверя», — подумал Артем. — Идемте вниз. Займемся нашим делом.

Еще одна маленькая дверь. И еще одна — больше и толще, на стальных петлях, сделанная из цельного куска гранита. Такую не высадить и огнедышащему дракону. Длинная и узкая винтовая лестница. Локшин шел впереди, нащупывая ступени в полумраке, Иоганн — позади, сжимая в руке конец невидимого поводка.

Сердце Артема колотилось у горла, спина взмокла, как в бане. Ощущение потери свободной воли было кошмаром. В сочетании с подземельем это напоминало похороны заживо. Он никогда не страдал клаустрофобией, но сейчас спуск в каменный колодец с древним странным Иным за спиной вызвал чувство, близкое к панике. В животе ворочался ледяной шар тошноты. Иоганн заметил его страх и сказал с усмешкой:

— Не тряситесь так, молодой Инквизитор. Я даю вам гарантию, что сегодня же вы выйдете из всех этих дверей и отправитесь по своим делам целым и невредимым.

Отчего-то его слова мало успокоили Артема.

Тем временем они прошли через стальные решетчатые ворота (звон ключей, щелканье замков) и оказались в длинной слабо освещенной галерее. Воздух здесь был сырым и пах селитрой. Артем вспомнил рассказ Эдгара По «Бочонок Амонтильядо» и поежился. Добавить по углам человеческих костей — и будет готовая декорация для той истории.

— Где же собственно камеры? — спросил он, чтобы разрушить тишину.

— Перед вами. — Иоганн щелкнул пальцами, и под потолком вспыхнул шар тускло-серого света. В его сиянии Артем увидел два ряда дверей, обросших мхом настолько, что они сливались со стенами. В центре каждой двери находилось маленькое зарешеченное оконце. Привлеченные шумом и светом, к дверям потянулись заключенные. Они глухо шептали что-то — их голоса за годы молчания утратили звучность, грязные пальцы протискивались между прутьями решетки — к живым, свободным, беспечным Иным, спустившимся в преисподнюю; выцветшие бельма сквозь слои катаракты таращились на Артема и его проводника — запомнить это зрелище, чтобы лелеять его в памяти долгие месяцы и годы до следующего события в холодной сырой пустоте,

мало отличимой от смерти.

— Здесь мы держим осужденных за не самые тяжкие преступления, — проговорил Иоганн тоном усталого экскурсовода, — расчленители, растлители, маньяки… Иные, чей разум поврежден и не поддается лечению. Да и кто захочет возиться с опасными безумцами? Любая бешеная собака более достойна жалости и милосердия, чем эти создания.

— Отчего их не казнят, если их преступления столь ужасны? — Артем сохранял внешнее хладнокровие. Он уже успел на этой работе насмотреться всякого.

— Они же больны. Казнить больного — морально ли это?

— В самом деле.

— Кроме того, законодательство все время меняется. Сегодня кого-то из них развоплотили бы без разговоров на месте преступления — для того Дозоры и патрулируют наши улицы, не правда ли? А пятьдесят или триста лет назад закон был мягче. К тому же здесь у нас изгои из самых разных уголков Европы. И в каждом уголке свои порядки. Идемте дальше.

Они миновали еще одни решетчатые ворота и оказались на узкой каменной площадке внутри

сооружения, которое напомнило Артему крепостную башню. Сверху сочился бледный свет. К затянутому паутиной потолку цепями крепилась конструкция, похожая на строительную люльку. Иоганн ступил на нее первым и жестом пригласил молодого коллегу следовать за собой.

— Готовы увидеть настоящих злодеев?

Артем подавил в себе желание бежать прочь и шагнул в люльку. Заскрежетали цепи, и конструкция медленно опустилась в темноту. Освещенная площадка осталась далеко наверху, и теперь путь озарял лишь фонарь в руке тюремщика.

— Сколько же здесь заключенных? — спросил Локшин, глядя вниз, в черную бесконечность.

Его голос гулким эхом загулял между мокрых стен, отразился и исчез высоко вверху.

— Около восьми сотен. Примерно по одному на каждый год существования тюрьмы.

— И вы в одиночку присматриваете за всеми?

— Конечно. От меня не требуется многого.

Старик со своей странной улыбкой легонько потянул за «поводок», и Артем почувствовал лютый ужас. Он был бессильной игрушкой в руках этого Иного. Он мигнул — и вдруг полупьяный старичок исчез. На его месте стоял рогатый демон, окутанный черным пламенем, глумливая

тварь с длинным дрожащим языком и горящими мертвым огнем глазами. Локшин отшатнулся и едва не упал во тьму.

— Осторожней, юноша!

Демона не было. Старенький седоусый Иной крепко держал Артема за рукав.

— Что случилось? Вам дурно?

— Ничего. Голова закружилась…

Иоганн усмехнулся, мотнул красным носом-грушей:

— Это все смрад веков. Селитра, плесень. Надышались, может померещиться всякое.

Люлька остановилась. На этом уровне не было площадки, и Иным пришлось прыгать вперед — в темный коридор без единой точки света. Артем с колотящимся сердцем оглянулся назад:

— Так это не дно? Ниже есть что-то еще?

— Есть, — кивнул провожатый, — но вам лучше там не бывать.

— Почему?

— То, что заперто там, — вне вашего понимания.

В руке у Поппа ярким пламенем горел факел. Откуда он взялся? В его свете Артем разглядел новую каменную галерею. Под потолком с писком заметались летучие мыши. Двери в камеры здесь

были изготовлены из прочного камня, обтянутого толстой металлической сеткой. При появлении посетителей некоторые из них задрожали, сотрясаемые изнутри. Снова зашипели, забубнили неразборчиво голоса узников.

— Здесь мы держим особо опасных негодяев, — сообщил Иоганн, — жертвы их трудно исчислить. В этой камере — черный колдун из Мюнстера. Для создания философского камня он собирался использовать кровь тысячи девственниц. Его остановили на четвертой сотне.

Иоганн откинул заслонку на двери, и в свете факела Артем увидел квадратное стеклянное окошко. Оно было покрыто царапинами, словно какой-то зверь долго терзал его когтями изнутри. За их хаотичным узором мелькнуло белое, как сыр, лицо, водянистый глаз и длинная прядь седых волос.

— По соседству — ведьма из Праги. Она держала ресторан у Карлова моста и кормила гостей человеческим мясом. Ее заведение пользовалось популярностью много лет… А здесь — один Иной из России, ваш соотечественник. Из свежеприбывших, всего лет двадцать у нас. Считает себя воплощением Бога на земле и не раз пытался учинить апокалипсис. Впрочем, вам нужен кто-то из

старичков, это дальше…

Они сделали поворот, спустились по еще одной лестнице, распугивая пауков, — и показалась новая галерея с каменными дверями. Заслонка в центре одной из них была сорвана, осколки стекла сверкнули на полу в лучах факела. Когда Артем проходил мимо, сквозь окошко протиснулась иссиня-белая тонкая рука, и длинные грязные ногти рассекли воздух у самого лица молодого Инквизитора. Он отшатнулся в ужасе — и рука исчезла.

— Смерть! — заливаясь счастливым смехом, прокричал голос из камеры. — Мое имя — смерть! Я трахнул смерть! Вы не запрете смерть в тюрьму, грязные похотливые свиньи!

Он говорил на английском языке. Дверь затряслась от бешеных ударов. Мелькнула голая грудь, затем худая шея в складках морщин и выкаченный белый глаз:

— Последние дни рода человеческого сочтены! Насладитесь телами друг друга — пока еще можете!

Иоганн тихо рассмеялся, прошептал заклятье — и окошечко на двери исчезло, словно его и не было.

— Уже во второй раз стекло разбил. Силен,

шельмец. Пусть сидит без окна, значит… А нам сюда. Здесь самые старенькие, даже я не всех помню. Вам кого-то из французов?

— Да, — сипло ответил Артем.

— Не люблю французов, — сообщил зачем-то тюремщик и зазвенел ключами. Дверь камеры открылась с грохотом и скрипом. Рвались мелкие корешки и паутина, разбегались в стороны насекомые. Иоганн взмахнул рукой, пропуская гостя вперед: — Не бойтесь, юноша, этот не буйный… Максимилиан, просыпайтесь. Тут кое-кто хочет вас видеть.

Локшин осторожно вошел. Камера была небольшой — три на четыре метра холодных гранитных глыб. Ни одного окна или другого отверстия, откуда мог бы проникнуть хоть лучик света. К стене крепилась каменная лавка, на ней лежала груда грязного тряпья, затянутая паутиной. При звуках голосов она задрожала — и на вошедших уставились два блестящих глаза. Аура узника была блеклой, едва видимой, словно он был почти мертв. Артем даже не смог бы определить, Темный перед ним или Светлый. Из мешанины тряпок и спутанных волос долетел хриплый шепот на французском:

— Кто… кто здесь?

— Здесь следователь, — сказал Артем, стараясь придать голосу твердость, — осведомите правосудие, и я попытаюсь облегчить вашу судьбу.

— Мою судьбу? — простонал Максимилиан. — У меня есть судьба?

Не отрывая испуганного взгляда от тюремщика, он забился в угол камеры, звеня кандалами:

— Пусть он уйдет!

Артем уверился, что Иоганн был не просто надзирателем. Он был частью наказания.

— Я подожду за дверью, — со своей неизменной ухмылочкой сказал старик, отступая во тьму. Факел остался в стене, воткнутым между сочащихся влагой камней. — Даю вам десять минут.

— Максимилиан, прошу вас помочь в важном деле. Вы помните, как был разгромлен Орден тамплиеров? Вы были тогда в Париже?

— Тамплиеров… — зазвенели в углу кандалы. — О Господи, всемогущий Боже. Это было как будто вчера! Меня арестовали после смерти короля Луи Сварливого.

— Отлично. Не могли бы вы…

Но заключенный не дослушал Артема. Он бросился к нему на четвереньках и вцепился в полу его куртки:

— Небо услышало мои мольбы! О, бездна! Я

даже не знаю, где я.

— Вы в Берне, в тюрьме Инквизиции.

— В Берне! Как я сюда попал? Меня арестовали в Марселе. Скажите хотя бы, какой сейчас год? Что произошло в мире, пока меня тут гноят? Вы выглядите здоровым и молодым, на вас странная одежда, у вас чужеземный акцент — столько событий! Я никого не видел очень давно — никого, кроме этого омерзительного чудовища за дверью!

Артем, уже собиравшийся рассказать Максимилиану что-нибудь, прикусил язык. Здесь не полагалось сообщать заключенным о том, что творится за стенами замка, и он не хотел нарушать правила.

— Я, право, не знаю…

Узник затрясся перед ним — облепленный рваньем и длинными грязными волосами живой скелет. Лишь в его черных глазах разгоралось с каждой минутой ужасное пламя.

— Это ад, уверяю вас, мессир! Лишь способность впадать в сон помогает мне не сойти с ума! О, отчего я Иной, а не обычный человек. Я давно бы нашел способ убить себя. Но здесь это невозможно! Мне ничего не надо от вас, только поведайте, что там, на воле? Живо ли человечество? Или

погибло в бесконечных войнах? Вы — настоящий или только сновиденье?

— Я настоящий, — пробормотал Артем, сраженный этим напором.

— Слава небесам!.. — Максимилиан осторожно коснулся его ладони и отдернул пальцы.

— Пожалуйста, это очень важно, — снова начал Инквизитор, — расскажите о Жаке де Моле. Какова была истинная причина его ареста?

— Нет! Сперва вы расскажите мне! — вскричал узник.

— Я расскажу вам все, что пожелаете, но сначала дайте показания. Вы можете помочь следствию.

— Вы расскажете? Обещаете? — Лицо заключенного вспыхнуло детской радостью.

— Обещаю.

— Я помню, помню… — Максимилиан облизнул покрытые коркой струпьев губы. — Все здесь, со мной, моя проклятая память хранит все. Конечно, мы были молоды и наивны. Мы хотели осчастливить весь мир. Мы всегда знали, что мы сильней Тьмы.

Теперь Артем понял, что перед ним Светлый.

— Мы знали, что можно навсегда прекратить войны, вражду и смерть. Мы всегда были силь-

ней, хоть и меньше числом. Жак де Моле был величайшим из магистров Света. Тьму мы победили, о да, победили — по крайней мере во Франции. Но потом, сразу же, — он рассмеялся: словно по камням рассыпались битые стекла, — схватились друг с другом. Король и Папа, они тоже были Светлыми магистрами — о да, — пока не сменили масть на серую.

Артем ждал, пока он отсмеется своим странным смехом.

— Так почему Орден тамплиеров был запрещен?

— За еретические проповеди! За лобызание ботинка сатаны! — сквозь смех Максимилиана прорвались рыдания.

— Я знаком с официальной версией истории, — нетерпеливо сказал Артем.

— Конечно же, это ложь! Все ложь! Жак де Моле нашел Сердце Сумрака. И не просто нашел — он заключил его в каменный кубок!

— Что это такое?

— Так вам неизвестно, мессир Инквизитор! Значит, его до сих пор не нашли! Ах-ха-ха-ха! У-у-у-у!

Заключенный повалился на пол, загремел цепями. Теперь слезы текли из его глаз в три ручья.

— Что за Сердце Сумрака? — вскричал Артем. —

Вы можете сказать наконец?

— Столько лет, столько лет! А сколько прошло лет? Может быть, и не было ничего, был только сон? И ты — только мой сон. Я сплю! Все сон — проснись, проснись!

Несчастный бросился к стене, прильнул к холодным камням, заскреб по ним длинными ногтями.

— Что там, наверху? — спросил он тихо.

— Вы не ответили на мои вопросы.

— Ваши вопросы?

— Да, вы можете объяснить, что это такое — Сердце Сумрака?

— Сердце… Святой Грааль, который так долго искали, — вот что… оно исполнит желание, любое желание, но не спеши радоваться. Ты должен просить у Грааля, стоя рука об руку с Жаком де Моле. Жак тоже просил, сгорая на костре, — и Сердце Сумрака услышало его смертный крик даже вдали. Он проклял тех, кто его предал, — и проклятье настигло каждого. Светлый магистр убил множество Светлых… смерть за смерть, кровь за кровь… мы сами убили свою победу.

— Где теперь эта чаша?

— Кто знает? Де Моле мертв, и потомков у него не осталось. Если бы были наследники! Необхо-

дима их кровь, хоть немного крови, да, нужна кровь… всегда — кровь.

Он задрожал, затрясся, словно в лихорадке, кандалы зазвенели печально — и эхом застучал ключ в замке. На пороге камеры появился Иоганн Попп.

— Наворковались, птенчики?

— Умоляю, — Максимилиан схватил за руку Артема, — вы обещали сказать, что там, в мире? Кто правит людьми? Состоялось ли второе пришествие Христа? Жива ли Франция? Я ничего не знаю, прошу вас…

— Я должен идти, — пробормотал Артем, — простите.

— Постойте! Вы солгали мне!

Узник сполз по стене, держась за горло, будто задыхался:

— Вы бесчестный мерзавец!

— Простите.

— Низкий негодяй! Проклинаю вас!

Локшин вышел в коридор, пытаясь разобраться в хаосе мыслей. Дверь захлопнулась с лязгом, и вопли несчастного Максимилиана затихли. В этот момент что-то произошло. Перед тем как двинуться обратно к выходу из башни, Иоганн снова слегка натянул «поводок». Погруженный

в свои мысли Артем ничего не успел разглядеть или понять. В следующее мгновение они уже стояли на краю шахты и смотрели на сочащийся сверху свет.

— Что это… было? — спросил Локшин, и голос его звучал хрипло и глухо, словно перед этим долго надрывался криком.

— Ничего, — Иоганн быстро коснулся его горла, и голос молодого Инквизитора снова стал прежним, — вам стало дурно, и я принес вас сюда. Здесь воздух чуть свежей. А теперь наверх, у меня еще много дел!

Артем никогда не смог бы описать, что он испытал в подземной галерее, оставшись наедине с тюремщиком. Иоганн сделал с ним нечто ужасное. Как-то воспользовался его телом. В ушах стояло эхо криков и довольного уханья омерзительного демона. С Локшина как будто содрали живьем кожу, пропустили его несколько раз через мясорубку, а потом собрали снова и стерли память об этом. Обрывки образов один страшнее и омерзительнее другого заметались в памяти и растаяли как дым. Ничего более дикого не случалось с ним в жизни… но он не мог бы с уверенностью сказать, что это действительно было. Как краткий, поразительно реальный кош-

марный сон, в котором долгие часы были смяты в мгновения. Иоганн поднимался наверх без единого слова, глядя в сторону, словно потерял к гостю всякий интерес. Локшин сдерживал ужас, от которого его сердце готово было разорваться. Вся полость рта его, до глубин горла, зудела и чесалась. Что Попп делал с его ртом? Он вспомнил, что «поводок», лишающий его воли, все еще на шее (о Свет и Тьма, а если этот извращенец творит такое со всеми, кто приходит сюда? Со всеми, кто ему понравился? Что, пожалуешься на него? Но ты сам подписал отказ от претензий), — и лишь молча сжимал зубы, пока не оказался наверху, и последняя дверь в ад не закрылась за спиной.

— Вы не боитесь, что кто-нибудь вернется сюда и отомстит? — спросил он глухо, когда Иоганн снял «поводок».

— Кто отомстит? За что? — удивленно спросил старичок своим обычным скрипучим голосом. Он включил электрочайник и достал из шкафчика пыльную бутылку виски. — Не желаете рюмочку на дорожку, юноша?

Артем схватил свои вещи и выбежал прочь. Последние обрывки воспоминаний о странном инциденте с Поппом растаяли в его сознании.

Когда он оказался на площади — замер от изум-

ления. Над спящим городом дышало ледяным паром звездное небо. Он провел в подземелье весь день.

* * *

Гостиница «Добрая белка», окрестности Воронежа
25 сентября 2015, 00:46

Огонек спал.

Сон ему не нравился; в нем вдруг стало холодно и одиноко, словно он снова был маленьким и беспомощным — а мама, которая всегда была рядом, вдруг ушла куда-то, не сказав ни слова. Он осознал, что стоит посреди незнакомой заваленной хламом комнаты и смотрит на свои ладони. В воздухе висел кислый запах рвоты.

Меня стошнило. Вывернуло наизнанку. И я даже не проснулся?

Мама тоже не проснулась. Она лежала на кровати напротив и даже не пошевелилась. И Линка. Они все еще здесь?

Но он чувствовал — в комнате было пусто.

Надо идти. А лучше бежать.

Он смутно вспомнил: нечто подобное происходило с ним теперь едва ли не каждую ночь — и

это странным образом казалось нормальным. Отец всегда успевал остановить его и уложить в кровать, но на следующую ночь все повторялось.

— Ярик, — тихо позвал из темноты папа, — Ярик, беги…

Ш-ш-ш-шу…

Что это за звук? Ведь так шуршал прибой в его раннем детстве?

– Было бы здорово скатать снеговика!

— Когда-нибудь съездим в Москву к бабушке и дедушке. Там этого снега…

Огонек толкнул плечом дверь и побежал сквозь ночь.

— Ярик…

Папа звал в Сумраке. Голос его казался слабым, безнадежно печальным, он доносился словно сквозь плотное облако.

Юг — это место, где всегда тепло.

На юг! На юг, скорей!

Огонек бежал по длинному черно-синему коридору, и справа мелькала в окнах луна. Она бежала с ним наперегонки.

Огонек свернул за угол и сбежал вниз по лестнице, надеясь, что выйдет на свежий воздух, но оказался в новом коридоре; он снова бежал и снова свернул, пока не стукнулся коленом обо

что-то твердое. Боль привела в чувство. Растерев колено, он вытянул во мраке руку и понял, что перед ним ящик, а возможно, и несколько ящиков, а в них… он ощупал странный гладкий предмет и, приглядевшись, не сразу понял, что держит в руках человеческий череп. Зубы оцарапали ладонь. Рядом в ящике он нащупал что-то гладкое, липкое. И запах… здесь пахло тухлым мясом.

Дрожа, мальчик отполз на четвереньках назад. Все это, должно быть, лишь неприятный сон. Ну конечно, это сон, надо выбраться наверх, надо проснуться! Он вскочил и побежал обратно по коридору и по лестнице — и по новому коридору к желтому теплому свету вдали. К человеческим голосам, к живым людям!

Огонек добежал до конца коридора… и замер, вжавшись в холодную крашеную стену. Голоса были незнакомыми. Он боялся повернуть и увидеть, что ждет за углом. Длинные суетливые тени двигались перед ним на полу в прямоугольнике света, голоса звучали приглушенно, словно сквозь плотную ткань.

Ты не спишь. Все это по правде.

От этой мысли стало совсем холодно и тоскливо — Огонек помнил, что ему надо спешить, бежать на юг, туда, где еще продолжается лето…

…где всегда тепло…

…подальше от неприветливого севера, по которому бродят Темные охотники.

Но он был не в силах даже повернуть за угол. Что-то страшное творилось там.

Смелее, нельзя быть таким трусишкой.

Превозмогая ужас, будто двигая тяжелый камень, мальчик сделал шаг вперед.

— Мама…

Крик умер на губах.

Перед ним была просторная комната с белыми кафельными стенами и незнакомыми приборами из блестящего металла. На застеленном пленкой столе лежала мама, очень бледная и очень красивая. Рядом с ней быстро делали что-то трое мужчин и одна женщина в белых халатах и масках, скрывающих лица. На глазах у Огонька маму раздели до трусиков, расчертили фломастером живот и грудь. Пахло йодом и почему-то теплым мясом. Все это время мужчины беспрестанно бормотали что-то нечленораздельное, один раз рассмеялись, от чего у мальчика по всему телу дыбом встали волосы.

Волна ужаса, смешанного со стыдом, была такой внезапной и оглушающей, что Огонек не мог пошевелиться. Он замер, задыхаясь, в дверном

проеме, как насекомое, угодившее в пятно смолы. «Все-таки это сон, — промелькнуло в голове. — Это не может быть правдой!»

А на полу была кровь, густая и липкая, — и люди в белых халатах ходили по ней, оставляя на белом кафеле красные отпечатки.

Вдруг мама открыла глаза и посмотрела на Огонька пронзительно-голубыми глазами.

Ярик! Беги!!

Он не услышал, а почувствовал ее мысль — и она ударила его, как вспышка света в глаза, обожгла электрическим хлыстом.

Разве не то же самое прошептал ему минуту назад голос отца в Сумраке?

Беги, спасайся!!

Огонек всхлипнул, как потерявшийся котенок, — и теперь его заметили. Один из мужчин схватил со стола тонкий медицинский нож. В ту же секунду откуда-то появился мальчик с холодным взглядом, он остановил руку мужчины и шагнул к Огоньку. «Гарик, — вспомнил тот. — Его зовут Гарик…»

…Гостиницу «Добрая белка» они обнаружили случайно. Объезжали Воронеж узкой лесной дорогой, и Матвей остановил машину, разглядывая кирпичный трехэтажный дом на берегу живо-

писного пруда. Он провел за рулем целый день и задумывался о ночлеге (маленький «Фьюжн» они оставили в Тульской области и пересели в минивэн «Ниссан», в котором свободно разместился весь отряд, теперь состоявший из шестерых Иных). Оставаться ночью на дороге не хотелось. Мотелей вдоль трассы «Дон» было множество, но их многолюдье не нравилось Нелли. На саму трассу старались выезжать как можно реже, опасаясь камер и поисковых заклятий. Софи заметила на доме у пруда вывеску «Гостиница» и предложила заночевать здесь. Айрат поддержал подругу:

— Завтра лес кончится, и будут только холмы и степь до самого Черного моря. Давайте сегодня ляжем пораньше, встанем на рассвете и долетим до Краснодара. Мы с Софи проводим вас к паромной переправе в Крым.

— Место выглядит тихим, — сказала Нелли, — не могут же Темные стеречь вообще все дороги и гостиницы.

Матвей долго колебался, но решил, что за стенами ночевать безопаснее, чем в лесу. Он обошел «Добрую белку» кругом и не заметил ничего подозрительного. В доме жили люди, они приезжали и уезжали, Сумрак здесь пестрил отпечатками многих и многих аур — как и в любой гостинице.

На стоянке под навесом стояли два автомобиля — «Вольво» и «БМВ Х-1». В будке дремала немецкая овчарка, у забора понурилась стайка чахлых берез.

— Хорошо, рискнем. Ночью выставим часовых. Он сам встанет на часах — но это их не спасет.

В прихожей гостей встретила полненькая женщина лет пятидесяти со старомодной прической пучком, радушно улыбнулась:

— Какая большая компания! Сколько вас, шестеро? Случайно нас нашли? Вам повезло, ребятки, все номера свободны. Идемте, я вас поселю, как раз к ужину прибыли… Детки, можете пока поиграть во дворе. Гарик, должно быть, сидит на детской площадке, он вам все покажет.

Огонек вопросительно взглянул на отца, и тот кивнул: идите.

— Только за ворота не выходить, — сказала Нелли.

Гарик и в самом деле был на площадке. Мальчишка лет десяти на вид, щуплый и растрепанный, сидел на выкрашенной в синий цвет автомобильной покрышке и грыз орехи. Огонек и Лина с неохотой покрутились на скрипучей деревянной карусели, чувствуя на себе его косые взгляды. Девочка немного поплакалась Ярику

на жизнь: все-таки она скучала по маме. Тот как мог утешал ее. Затем гостиничный мальчишка достал швейцарский складной нож и принялся метать его в деревянный столбик — в опасной близости с каруселью.

Лина и Огонек переглянулись.

— Идем в дом, Ярик.

Он помог Лине спуститься, и ребята зашагали к крыльцу. Вдруг девочка ойкнула и схватилась за спину.

— Он бросил в меня камень!

Огонек подбежал к Гарику:

— Тебя что — давно не лупили?

— Тебя что, — передразнил тот неожиданно низким и сиплым голосом, — давно не лупили?

— Ты придурочный, да?

— Ты придурочный, да? — повторил тот.

— Я сейчас тебя… — начал Огонек, но девочка схватила его за локоть:

— Не надо, Ярик, ну пожалуйста. Пойдем отсюда.

Гримасничая, Гарик повторил и ее слова. Огонек и Лина медленно отступили к дому, не спуская глаз с неожиданного врага. Овчарка у ворот лениво гавкнула, погремела цепью и принялась грызть внушительных размеров кость.

Если бы гостиничный мальчик снова бросил камень, Ярик бы настучал ему по голове, но тот лишь криво усмехался и с прищуром смотрел на Лину — взрослым уверенным взглядом, будто оценивал вещь в магазине.

— Он просто дурачок, — прошептала девочка, — глупый, злой дурачок.

Солнце давно исчезло за деревьями, и лес погрузился во тьму. Вкусный и сытный ужин в гостиной на первом этаже заставил ребят забыть про местного хулигана. Сразу после еды усталые дети принялись клевать носами. Нелли постелила им в комнате наверху и сама легла здесь же, в кровати у окна, привычно спрятав катану у изголовья. Матвей проверил оружие и спустился вниз, осмотреть запоры на дверях…

* * *

«…Они отравили нас», — поняла Софи.

Она долго не могла понять, что с ней. Какой-то шум разбудил ее, и девушка хотела протянуть руку к перевязи с метательными ножами, что висела на спинке стула рядом, — но не смогла. Софи вдруг поняла, что уже долгое время лежит на боку и слышит в коридоре мужские голоса и шум — но не может даже поднять голову.

Они подсыпали что-то в еду!

Вечером у нее не было аппетита, и за ужином она почти не ела, поэтому сейчас сохранила способность рассуждать — но не могла найти свою тень, чтобы сбежать в Сумрак, не могла пошевелить даже пальцем.

Двое незнакомцев вошли без стука в комнату; вспыхнул яркий электрический свет. Мужчины, глухо переговариваясь, связали по рукам и ногам Айрата, лежавшего без сознания рядом с Софи. После этого девушку бесцеремонно взяли под руки и поволокли в коридор, затем вниз по лестнице, через прихожую куда-то в подвал. Она успела увидеть распростертого на полу Кота: тот лежал навзничь у двери, все его лицо было мерцающей кровавой маской. Если бы Софи могла — она бы закричала от ужаса.

— Давайте ее сюда, — позвал голос, и девушка узнала гостеприимную хозяйку с прической в стиле шестидесятых годов прошлого века. Теперь ее голос стал резким и холодным, он отдавал команды почти по-военному. — И вторую девку приготовьте.

— Мелких куда? — спросил один из мужчин. От него резко пахло давно не мытым телом и жареным луком.

— В мансарду, наверх. Пусть Шнур их уколет, да осторожно. Чтобы без синяков, дети — товар дорогой.

— Шнур осторожно не умеет. Мясник он, а не врач.

— Скажи — если напортачит, я ему такого вколю, что у него жопа в дверь проходить перестанет.

Мужчины засмеялись.

«Это не Темные, — поняла Софи. Мысли плыли будто в тумане. — Это люди, и они от нас чего-то хотят. Им нужны дети. Или не только дети?»

Попытайся уйти в Сумрак.

Она пыталась. Но для этого надо было по-настоящему проснуться и найти свою тень. За всю свою Иную жизнь, начавшуюся в «Лужниках» 1 мая 1998 года, Софи ни разу не бывала в Сумраке во сне. Вязкая дремота не отпускала ее.

— Девка ничего, — сказал второй из мужчин, рябой и низенький, — породистая сучка. Глянь, кудряшки.

Он провел горячей ладонью по шелковым трусикам Софи, сжал пальцами ее обнаженное бедро.

— Викторовна! Одолжи нам эту шаболду на полчасика. Ей уже все равно — а нам, пацанам,

радость.

— Я вот тебе одолжу промеж глаз, Крот, — ответил сварливый женский голос откуда-то из-за спины, — нечего мне товар портить. Не хватало, чтобы ты СПИДом ее заразил или еще какой дрянью.

— Нет у меня СПИДа, ты что, дура?

— Откуда мне знать, есть или нет. Потом поедешь в город к своим шлюхам и там хоть обтрахайся. А бизнес мне не ломай.

Где-то рядом по-медицински звенел о стекло металл.

Софи рванулась, крича от ужаса внутри, — но осталась лежать без движения, ощущая лопатками холодный пол. Чувство полного бессилия было даже хуже страха перед тем, что с ней могли сделать эти люди.

Не теряй рассудок. Кто-нибудь придет. Кто-нибудь поможет тебе. Постарайся пошевелить рукой.

— Крот, смотри-ка, у нее глаза открыты. Как будто не спит.

В лицо снова пахнуло кислым желудочным духом, чесноком, табачным дымом.

— Может, колеса не сработали?

— Чудила. Если б они не работали — она уже

намотала бы твои кишки на одно из своих перышек. Давай, переносим на стол.

Девушка почувствовала, как ее подхватили под руки, и увидела перед собой ярко освещенное помещение без окон, шкаф, полный склянок и бутылок, большой серебряный холодильник и стол с инструментами. Запахло спиртом, и мужчины жадно зашевелили ноздрями.

— Ну точно, эта коза не отрубилась, гляди, — возбужденно сказал Крот, поглаживая Софи по щеке. Заусенец на его ногте больно оцарапал ее левое веко.

Викторовна подошла ближе, всмотрелась в лицо пленницы (качнулся пучок волос), отошла снова:

— Сейчас уснет.

— Куда такая спешка, Викторовна? Дай помацать красотулю, — рука рябого продолжала гулять по полуобнаженному телу Софи.

— Я вам плачу не для того, чтобы вы тут развратничали. Утром машина от заказчика придет, у меня план на три печени, почки, селезенку… одна урожайная ночь год кормит, слышал такую пословицу?

Помогите! Кто-нибудь! На помощь!

С губ девушки сорвался лишь легкий стон.

— Я видела, она за столом только чай пила. Вот ее и не накрыло на полную. Отойди-ка, Крот.

Помогите! Айрат!

Добродушное круглое лицо хозяйки этого страшного места вновь появилось в поле зрения, Софи почувствовала боль: в вену на правой руке впилась игла.

Мы все погибли. Свет и Тьма, как глупо.

Мир поплыл перед глазами, и Софи провалилась в забытье. Последним, что она услышала, было:

— Крот, возьми Шнура, проверьте всех наверху. Если кто-то еще мало ел за ужином, тоже может не спать…

* * *

Швейцария, Берн, гостиница «Дворец Бельвью»
25 сентября 2015, 04:36

Артем вынырнул из сна.

Смартфон на соседней подушке тихо вибрировал — «КРАСНЫЙ КОД!». Магическая активность! Он нашарил на тумбочке холодную ребристую рукоять пистолета, прошептал заклятье — и «серый щит» замерцал вокруг, словно шар серебряного огня.

Инквизитор вглядывался в темноту сквозь Сумрак, ожидая увидеть тени тех, кто потревожил его сон, — но в комнате было пусто. После бессонных ночей веки казались смазанными клеем.

Ты же сам поставил защиту на двери и окна — и проверил ее перед сном.

Но смартфон продолжал вибрировать, алый датчик тревожно мигал.

Кто это может быть?

Не выпуская пистолет, Локшин нашарил вибрирующий девайс, разблокировал экран и включил «сторожа». По Сумраку пробежала легкая рябь сканирующего заклятья, а на маленьком дисплее проступило черно-белое мерцающее изображение гостиничного номера. Он увидел себя сверху на кровати, словно в объективе камеры, — голым, с вытянутой рукой; над ней ярко светились заряженные магическим образом патроны в его оружии.

И никого поблизости.

Погоди-ка… что это?

На дисплее быстрая тень скользнула вдоль стены… еще одна — у двери…

Артем до рези в глазах вглядывался в сонное мельтешение Сумрака.

Вот опять! На дисплее смартфона будто бы

мелькнула и исчезла тонкая изогнутая полоска. Прямо в кровати, у него в ногах! Снова тревожно запищал датчик.

Что за наваждение? Локшин ударил пальцем по экрану, и прибор послушно открыл изображение со второго слоя Сумрака: кровать и прочая мебель в комнате исчезли, Артем сидел в пустоте, нацелив пистолет на окно — шторы на этом уровне стали прозрачными, словно из тонкого полиэтилена, и сквозь них лился в комнату призрачный свет трех лун.

Пусто. Пусто!

Сердце колотилось о грудину, как перепуганная птица о стальную решетку. Пот струился по лицу, застилая глаза.

Пусто — но они здесь. Каким-то образом они добрались до тебя, невзирая на запоры на двери и защиту на окнах.

Но как, черт возьми?

Заглянуть на третий слой Сумрака приложение «сторож» не позволяло.

Локшин отбросил смартфон и потянулся к выключателю ночника.

В этот момент что-то холодное быстро коснулось его обнаженной голени. Слух уловил тихий, ни на что не похожий свист. Ему ответил такой

же свист из дальнего угла.

Вентиляция! Ты забыл о вентиляции, идиот!

Но кто может протиснуться в это небольшое отверстие под потолком?

Вспыхнул свет — и он едва не закричал от ужаса. Повсюду в комнате были змеи — маленькие и большие, десятки, сотни змей!

Одна из них — пятнистая бурая гюрза — свернулась у его ног на краю простыни. Вспышка света словно взбесила ее. Змея высунула черный раздвоенный язык и ударила Артема клыками в левую икру. Боль была на удивление слабой, как будто ногу укололи иголками.

«Серый щит» не остановил ее! Он не предназначался для защиты от животных.

В ту же секунду Локшин свалился в Сумрак и ударил «огненным вихрем», уничтожая в комнате все живое. К его ужасу, несколько змей последовали в Сумрак за ним. Из памяти услужливо выпрыгнула информация о способности некоторых пресмыкающихся перемещаться по верхним слоям Сумрака. Одной из таких тварей оказалась длинная очковая кобра — она обвила его правую ногу, словно удав, и вонзила острые зубы куда-то под колено. Артем не потерял хладнокровия — вызвал «белый клинок» и буквально

срезал шипящую рептилию со своего тела.

Новая волна огня сорвалась с пальцев Инквизитора, прокатилась через Сумрак — и змеи забились в корчах на полу, на кровати, на подоконниках.

Яд быстро растекался по телу, достиг мозга, Артем почувствовал дурноту. Из вентиляционной шахты клубками валились новые скользкие твари — он выкрикнул запирающее заклятье, и шахта исчезла. Тяжело запахло паленой плотью. Он отыскал на полу, среди обгорелых скелетов змей, свой смартфон, сквозь кровавую пелену поглядел на него — набрать чей-либо номер он был уже не в состоянии — и швырнул аппарат в окно. Привлечь хоть чье-то внимание! Глухо звякнуло разбитое стекло.

«Выдавить яд, — с трудом сообразил Артем. — Сделать жгут и перетянуть ноги выше прокушенных мест. Выдавить… чем?»

Он почувствовал новый резкий укол. Черная гадюка вцепилась зубами в мышцу плеча, ее крошечные глазки были полны непередаваемой лютой злобы; Локшин с трудом отодрал змею от тела, обливаясь кровью, но тварь немедленно обмоталась вокруг другой руки, покрывая ее укусами длинных изогнутых зубов.

Буквально разорвав рептилию на куски, Инквизитор ползком добрался по коридору до ванной, где перед сном оставил часть одежды. В матовом сиянии светильников он увидел, как над сиденьем унитаза показалась танцующая в воздухе цветастая лента. Шкурка змеи лоснилась от влаги. Тварь пробралась сюда по канализационной трубе!

У него хватило Силы сжечь эту змею — и больше ни на что. Он лежал на ледяном кафельном полу, надсадно дыша, наблюдая, как темнота понемногу затягивает мир. Лихорадочно он пытался вспомнить хоть какие-нибудь медицинские заклятья, но этот раздел магии никогда не был его сильной стороной.

Змеи — это Тайпан… Значит, Темные решили, что ты стал слишком любопытен… Как глупо, как легко ты провалился, Инквизитор…

В дверь постучали.

Горничная? Шум привлек внимание соседей?

Пожалуйста! Кто-нибудь, помогите!

Он хотел прокричать это — но с губ сорвался только сиплый стон.

Прошли несколько секунд или вечность — и Артем осознал: дверь сотрясают тяжелые удары.

Неужели еще есть шанс?

«Бесполезно, бессмысленно», — мог бы крикнуть он, если бы язык его слушался; дверь заперта так, что ее не взломать и не снести силой. Ни в физическом мире, ни в Сумраке.

И ты сам, своими руками, закрыл этот путь!

Пот катился по лицу мерцающими градинами. В дыму (от волн пламени загорелись шторы и постельное белье) он видел, как дверь продолжала сотрясаться, словно под ударами гигантского молота. Крик умер в груди. Сил не осталось даже на то, чтобы прошептать сквозь Сумрак: нет смысла ломиться в дверь.

Уже падая в бесконечную пустоту, Артем увидел, как от мощного удара рухнул кирпичной грудой участок стены рядом с дверью. В облаке известковой пыли возник темный силуэт.

Темный… Темная аура… это конец.

Глава 4

Между жизнью и смертью
25 сентября 2015, 01:01

Огонек бежал через серое клубящееся марево, увязая в мелком холодном песке. Ему казалось — он летит сквозь ночь, но он едва переставлял ноги. Отрава, пусть и в малом количестве, успела проникнуть в кровь, и теперь, несмотря на смертельный ужас, он испытывал сильнейшее желание упасть и уснуть на месте.

Мама! Мама, что делать? Я совсем один!

Но мама осталась в подвале гостиницы, в руках каких-то страшных людей.

Бежать в полицию? Где ее искать в этом лесу?

Огонек даже не мог бы объяснить толком полиции, что случилось. Он понимал лишь, что маму раздели, связали и собирались делать ей больно. Почему она, всегда такая сильная и смелая, не защищалась? И где отец?

Огонек обернулся и вскрикнул: ему казалось, он уже далеко от гостиницы — но он пробежал едва ли двести метров. В проеме ворот застыл невысокий силуэт. По его контуру — блеклая аура с алой окантовкой.

Вот как. Гарик — Темный Иной.

Ты провалился в Сумрак и даже не заметил.

С колотящимся сердцем Огонек побежал вдоль мягко светящейся ленты дороги. Справа над песчаным полем колебались высокие размытые силуэты, похожие на тени великанов — так в Сумраке выглядела сосновая роща. За ней приглушенно шумела трасса. Он не сделал и десятка шагов — снова упал на обочину, ободрал ладони. Сумрак сразу же зазвенел, завибрировал, Сумрак жадно слизывал капли его крови.

Ты спасся один. Они все мертвы. И мама, и папа, и Линка.

Шаги за спиной. Ближе… ближе…

Еще не спасся!

Собрав остатки воли, мальчик поднялся на ноги и свернул в лес, на шум большой дороги. Уже понимая: ему не уйти.

Бросил взгляд назад — Темный мальчишка был совсем близко. На лицо его вернулась холодная улыбка. С такой улыбкой он вчера кидал нож на

детской площадке, зная, что может ранить Лину.

— Любишь ночные прогулки? — спросил Гарик своим низким, почти взрослым голосом.

Сил у Огонька не осталось, но ноги словно бы сами понесли его через лес, по хрустящим в темноте сучьям. Прерывистое гудение автотрассы по-прежнему было где-то далеко впереди. Уж не приснилось ли оно?

Добраться до большой дороги. Остановить машину…

— И тебе не жалко мамочку? Ей сейчас делают больно.

Ярик будто налетел на стену. Он медленно повернулся навстречу Темному, поднял дрожащий кулак. Гарик подходил не спеша.

Сражайся.

— А ты такой трус. Бросил мать мужикам на потеху. И свою рыжую подружку тоже… она мне очень понравилась, кстати.

Из горла Огонька вырвался хрип. Он сделал шаг к Гарику и замахнулся.

В тот же миг боль обожгла висок и щеку слева — и Огонек обнаружил себя на усыпанной хвоей земле. Взор туманила кровавая муть. Противник был безмерно сильней: он неуловимо вытянулся вверх, лицо почернело, словно покрылось сажей,

руки и ноги превратились в подобие цепких веток; он все меньше походил на человека — и все больше на ожившее старое дерево, чудовище из ночного кошмара.

Древний колдун, притворявшийся ребенком. Все здесь — его рук дело. Кости в подвале. Бандиты с ножами. Он питается болью и страданием людей, угодивших к ним в лапы. И умело маскируется — даже дозорные ничего не почувствовали.

— Бросил мать — ты, заячья кровь, — проскрежетал голос в гулкой пустоте, — ты, единственный ее защитник, — а она ведь так ждала, так звала тебя, когда ее начали резать!

Темный маг рассмеялся деревянным смехом, навис над мальчиком мрачной тенью; так утес в штормовом море нависает над бьющейся в волнах жертвой кораблекрушения.

— Помогите! — выкрикнул Огонек. — На помощь!

Его дрожащий голос утонул в плотной лесной тиши, как в мокрой вате.

— Кричи на здоровье. Здесь никого нет.

Колдун склонился к самому лицу мальчика; его белые, лишенные зрачков глаза вдруг оказались очень близко. Огонек хотел ударить по ним — но не смог поднять руку. В душном облаке

ауры чудовища он едва не потерял сознание. Он увидел, как в глубоких, похожих на узор из коры морщинах Темного копошатся насекомые, и его пустой желудок судорожно сжался.

— Помогите!!

— А знаешь, ты мне нравишься, — чудовище слизнуло кровавый потек со щеки Огонька, — сладенький на вкус. Нас ждет много интересного… меня, тебя и рыжую малышку… Я тоже тебе понравлюсь, когда узнаешь меня получше!

Гарик снова расхохотался дребезжащим эхом; схватил добычу за ноги и поволок в сторону гостиницы по пыльной обочине дороги. В несколько прыжков он преодолел расстояние до кирпичного здания гостиницы. Цепляясь за остатки сознания, Огонек смог разглядеть — свет горел только в узком полуподвальном окошке, повернутом к лесу. Там, внизу, творилось ужасное.

Вот и все. Это конец. Сейчас он затащит тебя в ворота — и больше ты никогда… никогда…

От ужаса Огонек едва не лишился рассудка. Странная и неожиданная мысль помогла удержаться на краю: в ней была благодарность родителям, которые столько лет прятали сына от всего *этого*. Они боролись как могли. А что сделал ты? Махнул кулаком? Втягивая в легкие

холодный воздух, Огонек заставил себя сосредоточиться. Тонкий ручеек Силы еще пульсировал в груди, Силы по-прежнему непонятной, незнакомой — но она уже была частью его.

Сражайся.

— На помощь!! — закричал он опять — и теперь вместе с воплем лучи белого света из его сердца пронзили Сумрак на много километров вокруг. — Кто-нибудь!!

Со стороны он выглядел, как яркая звезда, вспыхнувшая во тьме. Чудовище обожгло мальчика взглядом, бросило на землю у крыльца и принялось избивать лапой-веткой:

— Щенок паскудный! Не заставляй меня рвать тебя на части… раньше времени.

Огонек, прикрывая лицо, все же нашел в себе силы еще раз позвать на помощь. Более он не мог ни говорить, ни кричать, лишь слабо шевелил рукой, закрываясь от хлестких ударов; он будто упал в черно-багровую вязкую муть, и боль отступила, стала слабой и незначительной. Он плыл кругами в холодном водовороте к центру бездны, и холод высасывал остатки тепла из рук и ног.

Вот и все. Что ж, лучше такая смерть…

Сквозь багровую пелену он услышал громкие хлопки и рокочущий крик Темного мага. Кто-то

подхватил Огонька на руки — и сразу же в груди потеплело: в сердце пролился горячий поток.

Кто-то вливал в него Силу.

Перед тем как отключиться, Огонек увидел на крыльце гостиницы высокого Иного, облитого серебряно-белым пламенем ауры, словно за плечами у того сияли тысячи звезд. Под его курткой перекатывались бугры мышц, левый глаз закрывала черная повязка. Иной взмахнул блистающим белым мечом — и руки-ветки Гарика осыпались на землю. Темный маг вскричал так, что во всех окнах «Доброй белки» вылетели стекла. В тот же миг кровь колдуна горячо расплескалась в Сумраке, вскипела в беспредельной ледяной пустоте, и мир перед глазами Огонька погас.

* * *

Швейцария, Берн, гостиница «Дворец Бельвью»
25 сентября 2015, 04:56

Рассудок не покинул Артема полностью. Словно в болезненном сне он осознавал: какая-то сила подняла его в воздух — затем почувствовал спиной холод, — и почти сразу же стало очень тепло, почти горячо. В поле периферического зрения

двигались тени, и Локшин взмахивал руками, пытаясь прогнать их, ударить, защититься. Он все еще дрался со змеями.

— Тише, тише, — раздался голос в пустоте, — тебе пока нельзя двигаться.

«Жив, — с удивлением понял Артем. — Но почему мне так жарко?»

Реальность возвращалась медленно. По лицу струился пот, ел глаза. Четыре круглых плафона матового света как будто кружились над Инквизитором высоко-высоко. Ныли, зудели искусанные змеями руки и ноги. В желудке ворочался омерзительный ком тошноты.

Я в ванной. В горячей воде.

— Не двигайся, — повторил голос, и Артем понял, что узнает его, — с потом выходит яд. Дыши медленно, твои легкие были почти парализованы.

Агата. Как она нашла меня?

Она все время была рядом. И не только она. Тот, кто подкинул змей, — тоже шел по твоим следам. Облегчение, смешанное с чувством вины, растеклось по телу.

— Где Тайпан? — сипло спросил Локшин, пытаясь сесть в воде.

— Тише, мой хороший, — Агата накрыла ладо-

нью его губы, — он не знает, что я здесь. Не знает, что ты выжил. Сможешь встать?

Преодолевая дурноту, Инквизитор поднялся на ноги. Вода с шумом стекала в ванну. Девушка стояла перед ним, сложив на груди тонкие руки пианистки: вся в черном, маленькая, изящная, как статуэтка. И эти ладошки сломали кирпичную стену?

Большие глаза за стеклами очков были полны сочувствия:

— Похоже, я пришла вовремя, любимый?

Он осмотрел свое тело: отеки вокруг укусов уменьшались на глазах.

— Спасибо, мышонок. Ты первоклассный целитель.

— Одевайся. Тебе надо поесть.

— Не уверен, что смогу.

— Нужно восстановить силы.

В руках у девушки появилась длинная тонкая колба. Агата прочла в глазах Артема вопрос и усмехнулась:

— Выпарю из воды змеиный яд. Пригодится.

«Темная, — прошептал голос в глубине его сознания. — Темная колдунья и Темная магия».

Она только что спасла тебе жизнь — и не спрашивала, какого ты цвета.

Все еще дрожа, закутавшись в шершавое гостиничное полотенце, он вышел в спальню. С трудом узнал в разгромленной комнате свой уютный, почти роскошный номер. Белье и шторы сгорели. В стене темнел пролом — он увидел, как мимо по коридору прошла горничная с тележкой. Она не замечала разгрома: весь номер скрывала «сфера невнимания». Повсюду — на постели, на полу, на столе — лежали скрученные, обтянутые горелой кожей скелетики змей.

— Если Тайпан узнает, что я спасла тебя, — мне конец, — дрожащим голосом прошептала Агата.

— Не узнает. Где он?

— Выпустил змей к тебе в номер и сразу нырнул в портал. На самом деле он ужасный трус. Знает, что ты сильней.

— Тебя не видел?

— Нет.

— А ты как здесь оказалась?

— Решила убедиться, что с тобой все в порядке.

Следила за мной? Невозможно. Значит — следила за Тайпаном.

— Змеевод заплатит за это. Будешь свидетелем на суде?

Агата покачала головой:

— Судиться с Завулоном? Мне, Темной?

— Ты спасла мою жизнь, — Артем сжал тонкую белую ладошку девушки, — я этого не забуду. Проси всего, что пожелаешь, Агата.

Глаза ее вспыхнули — словно в костер кто-то плеснул бензина.

— Малыша, — быстро шепнула она.

— Что? — Локшин отступил на шаг.

— Я хочу сына от тебя. Он будет всегда со мной. Часть тебя, которая всегда со мной… я буду счастливей всех на свете.

Артем, бледный до голубизны, принялся собирать свою обгорелую одежду; сложил ее на кровати, щелкнул пальцами — и та снова обрела такой вид, словно только что была доставлена из магазина.

— Нельзя, мышонок.

Он ждал, что она расстроится, может быть, даже заплачет — но Агата только покачала головой:

— А говорил — все, что пожелаешь.

— Прости.

Локшин мог бы объяснить: отцовство ребенка не скрыть; такой компромат поставит крест на карьере Инквизитора. Но Агата все понимала сама.

— Черная роза, — шепнула девушка, — ищи черную розу.

— Какую еще розу? — чувствуя знакомое раздражение, переспросил Артем.

Тишина была ответом. Обернувшись, он не увидел своей спасительницы.

Инквизитор лишь пожал плечами. Он извлек из дорожной сумки амулет, сжал его в кулаке, чувствуя закипающую злую Силу. С Тайпаном он разберется потом. Змеюке мало не покажется. Сейчас — дело куда более срочное.

* * *

Минутой позже Артем вышел из портала на площади Героев в Вене перед дворцом Хофбург. Здесь находилась сокровищница императорского дома Габсбургов… и по совместительству крупнейший в Европе архив Инквизиции.

Утро едва забрезжило, промозглое и ветреное. Над озером тумана бронзовые всадники принц Евгений Савойский и эрцгерцог Карл Тешенский поднимали коней на дыбы. Локшин вздрогнул от холода, по телу пробежала судорога — свежая память о боли от змеиных укусов. Он погладил рукоять пистолета в кармане и зашагал по пустой площади к мрачной громаде Нового замка, с балкона которого в 1938 году Гитлер провозгласил аншлюс Австрии. Где-то вдали, на Рингштрассе,

сонно прозвенел первый трамвай. Артем направился к неприметной дверце справа от парадного входа, уверенно постучал чугунным молоточком и затем ждал под желтым глазом фонаря, вдыхая едкий дым сигареты.

Дверь открыл заспанный смотритель архива — крепкий бритоголовый бородач в домашнем халате, с приятной густо-серой аурой и пиратской серьгой в ухе.

— Уэлкам, коллега, — буркнул он по-английски, мигая фонариком. — Срочное дело?

— Неотложное.

— Входите. В библиотеку или в арсенал? — Пушистые тапочки смотрителя шуршали по полу музея. В речи — пшекающий акцент. «Чех, — подумал Артем. — Или поляк».

— Мне нужна Книга Судеб.

— Она в закрытом отделе, — сказал страж, — только для руководителей.

— Я глава Московского бюро, — легко соврал Локшин.

Бородач ощупал его ленивым, но цепким взглядом. Специальных меток у глав бюро не имелось — внутри Инквизиции, особенно в Западной Европе, не было строгих установок. А уровень Силы гостя вполне соответствовал заявленному

статусу.

— Значит, наверх, — кивнул страж, — в библиотеку.

«Не надо спускаться в подвал — уже радость», — подумал Артем.

Они шли через музейные покои сокровищницы — и золотые короны, мечи и скипетры давно умерших королей переливались, сверкали в свете фонарика. В конце анфилады залов проводник отодвинул скромную заградку из цепи, завернутой в алый бархат, — и они оказались на узкой мраморной лестнице, винтом уходящей наверх. Библиотека находилась под крышей: просторный зал с высоким потолком, украшенный картинами и скульптурами. Книги — ветхие и новые — теснились на бесконечных стеллажах, лежали стопками на столах, стульях и даже на полу; громоздились на тумбах и подоконниках, закрывая утренний свет.

— Сорок четвертый стеллаж, второй ряд, — качнул бритой головой смотритель, — я с вами не пойду. Найдете сами.

— У вас не особо строгие правила доступа.

— Книги — это не оружие, — флегматично пояснил чех (или поляк), — воры сюда не ломятся. Вот в арсенал — он в подвале — так просто не

проникнуть. Но не думайте, что мы тут зря едим свой хлеб. Я снял сторожевые заклятия, когда мы поднимались.

Артем уже искал глазами сорок четвертый стеллаж:

— Сколько у меня времени?

— Сколько угодно. Я буду у себя, в комнате напротив. Как соберетесь уходить, разбудите меня, хорошо? Но уговор, — крепыш улыбнулся в бороду, сверкая серьгой, — книги не выносить.

— Разве я похож на вора?

— Всякое случается. Иногда приходит библиофил полистать старые манускрипты и не может удержаться. Это же не обычное хранилище, коллега. Читать можно все — уносить нельзя ничего. Если сопрете — узнаю.

— Я не вор, — малиновый от унижения, сказал Артем.

— Вот и чудненько. Пойду вздремну. Удачи в поисках.

Локшин быстро нашел Книгу Судеб и устроился с ней около окна, отодвинув в сторону книжные завалы. Фолиант выглядел именно так, как должна выглядеть волшебная инкунабула: тяжелый, обшитый кожей том, перехваченный ремешком с пряжкой. Солнце прорвало тучи, и золотистый

луч упал на бурые от времени страницы. С бьющимся сердцем Инквизитор прошептал сложную формулу поискового заклятья.

Сумрак тихо вздохнул, выполняя его приказание, — и Книга с шелестом раскрылась на имени Жака де Моле.

* * *

Артем не знал, что в эту минуту Агата была совсем рядом.

В Музее искусств — всего в нескольких сотнях метров от Хофбурга. Среди двух десятков Иных в черных деловых костюмах, что рассредоточились на верхнем этаже с торца здания, выходящего на Рингштрассе и площадь Героев. Командовал Тайпан. Он отправил Багиру и Локи с дальнобойными винтовками на крышу; при себе оставил Агату и Азиза.

В туалете девушка дала себе пять минут для слабости — пять минут, чтобы рыданиями облегчить удушающий страх перед тем, что должно было вот-вот произойти. Беззвучно крича, она смотрела на свое отражение в зеркале над умывальником. Напряжение последних дней почти раздавило ее.

— Когда-нибудь приходилось убивать Инкви-

зитора, малявка? — с ухмылкой пробасил Азиз, когда Тайпан зажег перед ними портал и первым шагнул в него.

— Я никого никогда не убивала. И надеюсь, не убью.

— Считаешь, шеф будет вечно таскать тебя за собой для красоты?

— Не каждый родится для войн. Некоторые умеют только выращивать цветы.

— Придется тебе научиться убивать, малявка, — или убьют тебя.

И маленькая Темная волшебница знала: говорящая груда мышц права. Для Светлых она такой же враг, как вурдалаки и оборотни. Когда настанет время кровавой жатвы, у них у всех не будет судей и адвокатов — лишь палачи.

Ее единственный судья был сейчас от нее на расстоянии минуты быстрого бега. Агате даже казалось, что она видела мелькнувший знакомый силуэт в окне здания через дорогу. Убить его, любимого, единственного… пусть не своей рукой — но участвовать в убийстве… Она опустилась на колени, сотрясаясь от беззвучного плача, очки со стуком упали на пол; тонкие пальцы рвали в клочки бумажное полотенце. Как подать ему знак? Как спасти?

Тайпан лихорадочно ищет средство избавиться от Артема. Тому не составит труда определить, что змеиная атака в Берне — дело рук Темных. Только неожиданная погоня за какой-то тайной останавливает сейчас Инквизитора от немедленного обвинения в адрес главы Особого отдела и его ареста.

Вот-вот вся мощь Тьмы обрушится на Артема.

— Где ты пропадаешь? — холодно посмотрел на девушку Тайпан. — Я же просил никуда не уходить.

— Я была в туалете. Живот крутит. Прости.

Тайпан и Азиз стояли у стола над расстеленной картой Вены. Они ощупали Агату недоверчивыми взглядами, липкими, как клей.

— Впредь будь рядом, — сказал Тайпан. — Скоро нам понадобятся все силы.

Азиз мрачной горой завис над девушкой, взял ее лицо в огромную шершавую ладонь:

— Ты что, плакала, малявка? — голос Темного Дозорного походил на скрежет ржавого двигателя.

И тут сердце Агаты остановилось.

— Нет, — помотала она головой, — все хорошо, просто отлично.

— У тебя глаза красные.

— Это от недосыпа.

Сердце не билось. Секунда пролетала за секундой — ничего не происходило. В ушах океанской волной нарастал глухой шум. Ноги ослабли.

Кровь останавливается в венах…

— Что с тобой? — спросил Азиз. — Не хочешь рассказать?

Агата глубоко вздохнула, закрыла глаза. Шепнула мысленно: «Ну давай… давай же…»

Сердце ворохнулось, как испуганный воробей.

Осторожный удар, еще один. Тук-тук… тук-тук, тук-тук-тук-тук-тук.

— Я… в порядке, в полном порядке. Я готова.

— Не бойся, детка, — пророкотал Азиз с неожиданно ласковой ноткой и провел ладонью по волосам девушки, — мы не бросим тебя под его пули. Будешь прикрывать тыл.

* * *

Артем с головой погрузился в чтение и забыл о времени. Из Книги Судеб, если правильно попросить, можно узнать родословные всех людей и Иных на Земле за все века — кроме тех, кто скрыл свое прошлое (для этого нужно обладать исключительными возможностями). Скажем, предков Завулона или Гесера в этой книге искать

нет смысла. «Кстати, были ли вожди московских Дозоров здесь?» — задавался вопросом Локшин. Если только под покровом глубокой тайны. Инквизитору в этот зал попасть нелегко, а дозорным интриганам и вовсе вход закрыт. Для них — цифровое хранилище «Инопедии», в котором, конечно же, Книгу Судеб не увидеть.

Книга открыла ему: у Жака де Моле был внебрачный сын. Ни одна из летописей о тамплиерах не сохранила его имени, но Книга Судеб не лжет. Матерью ребенка именем Родерик стала дочь мелкого дворянина из Бургундии Амелия де Карси. В родовом замке ее отца мальчик провел несколько месяцев после разгрома ордена, затем мать и дед тайно вывезли его в Савойю. Здесь он воспитывался в школе при монастыре под фамилией матери. Происхождение ребенка тщательно скрывали, Родерик привык жить в тени. Женился поздно, в сорок восемь лет, и оставил единственного сына по имени Шарль. В начале пятнадцатого века род Карси — Моле перебрался в Венецию, подальше от мстительных французских монархов, и здесь потомки великого магистра обосновались надолго.

Локшин поймал конец нити и стремительно разматывал ее на всю длину. Конечно же,

никакая книга не могла вместить в себя такое неисчислимое количество биографий — информация приходила откуда-то из непостижимых глубин Сумрака, хранившего память обо всем, что было на свете.

В 1772 году Джульетта де Карси стала женой небогатого, но родовитого немецкого дворянина по имени Конрад, родственника Вюртембергского дома. Через два года, по высочайшему приглашению императрицы Екатерины Великой, они вместе с множеством других немцев перебрались в Россию. Их сын Михаэль родился в Санкт-Петербурге в 1780-м — и получил титул графа от Александра I за доблесть в Отечественной войне 1812 года.

Артем чувствовал бегущий по спине холод. Он уже догадывался, что найдет в конце этой нити, но продолжал жадно пожирать глазами разворачивающийся перед ним текст.

В августе 1917 года в семье праправнука Михаэля, Виктора фон Вюртемберга, родилась дочь Нелли. Девочка стала первой потенциальной Иной в длинном ряду потомков Жака де Моле. Год спустя Виктор был расстрелян петроградской ЧК по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре. Старший брат его жены, Светлый маг

третьего уровня, известный под именем Ивана Кравцова, не успел спасти его — но вывез из города мать Нелли вместе с дочерью. В действительности он не был с ней в родстве, но называл сестрой, чтобы избегать лишних вопросов. Вскоре сам Кравцов стал объектом охоты: он колесил по России, спасая из пламени Гражданской войны ценнейшие книги, — и перешел дорогу одной из Темных банд…

* * *

В церкви Миноритенкирхе — в четырехстах метрах от парадного входа в Хофбург — распахнулись двери, в вышине ударил колокол, и в храм потянулись люди: в основном нетерпеливые утренние туристы, среди которых преобладали китайцы. В толпе двигались вместе со всеми двое высоких мужчин в солнцезащитных очках, черных плащах и деловых костюмах. Не замеченные никем, они поднялись по винтовой лестнице на высокую колокольню, с которой открывался обзор на площадь Героев и императорскую сокровищницу. Один из «черных» высадил рукояткой пистолета стекло в оконце и аккуратно сгреб осколки под лестницу. Его спутник извлек из складок плаща длинный, как дротик, украшен-

ный странными рунами жезл из потемневшего от времени металла, положил его на узкий каменный подоконник, вытертый за много веков руками звонарей. Лица «черных» были бесстрастны и неподвижны, словно то были не люди, не Иные, а роботы. Оба устроились у окна и принялись наблюдать за выходом из Нового замка.

В то же время на площади, у памятника эрцгерцогу Карлу, появились две юные девушки в коротких шортах и цветастых майках, с гитарными чехлами в руках. Они остановились у передвижного автомобильного кафе, заказали по сэндвичу с чашкой капучино и присели за столик в ожидании заказа. Эрцгерцог понукал бронзового скакуна; он указывал древком знамени на вытянутый полукружием фасад Нового замка, словно звал немедленно взять его штурмом. Девушки пили кофе, вполголоса обсуждая что-то и улыбаясь.

На Рингштрассе появилась колонна из четырех черных автомобилей разных марок, они медленно проехали мимо замка и припарковались вдоль площади Героев на расстоянии в несколько десятков метров друг от друга.

* * *

Артем закрыл Книгу Судеб и поставил на полку. Руки его слегка дрожали. Он дошел до каморки хранителя архива, разбудил его, расписался в каком-то гроссбухе и пожал бородачу на прощание его руку.

— Нашли, что искали? — спросил поляк (или чех) с ленивым интересом.

— Ничего особенного, — легко солгал Артем, — но Книга весьма любопытная.

— Своих предков видели?

— Не успел, к сожалению.

Смотритель посмотрел на него как на дурака:

— Что может быть интересней этого? Мой пращур, к примеру, разрушил Рим вместе с Аларихом. Не то чтобы я этим гордился, конечно…

Локшин пожал плечами. Ему и в голову не пришло изучать по Книге свою родословную.

— Ладно, приятель, вижу, у вас и в самом деле что-то срочное. — Бородач запахнул халат, проводил гостя до выхода; распахнул маленькую дверцу, впуская солнечный свет в коридор.

— Счастливого пути, коллега. Ауф видерзеен!

— Ауф видерзеен.

Инквизитор вышел на площадь. Здесь уже

суетились первые группки туристов, щелкали затворами фотоаппаратов. Он постоял немного, улыбаясь своим мыслям и робкому осеннему солнцу. Дверь за спиной захлопнулась. Артем достал сигарету, чиркнул зажигалкой — но от волнения руки все еще немного дрожали, и зажигалка упала на каменные плиты площади. Он нагнулся…

…и в то же мгновение воздух над ним вспыхнул, прошитый мгновенным разрядом белого огня. Тайная дверца с треском расселась, ее верхняя часть обратилось в круглую дыру. Смотритель, еще не успевший отойти в сторону, глухо вскрикнул и упал замертво.

Артем катился по мостовой, вскинув «серый щит». Он видел, как две девицы в кафе в пятидесяти метрах от него раскрыли гитарные чехлы и вынули из них автоматы. Одна из девушек пинком опрокинула стол, чашки с недопитым кофе разбились о мостовую.

Инквизитор юркнул за каменный парапет у парадного входа, когда по тому ударил шквал пуль. Но Локшин уже пришел в себя. Он видел площадь как на ладони, видел Темные ауры девчонок и их мерцавшую в Сумраке защиту. Вложив силу нескольких амулетов в свой «серый щит», Артем

смело встал на ноги и шарахнул по киллершам «прессом». Волна Силы отбросила их далеко от памятника эрцгерцогу, вместе с автофургоном кафе, столиками, стульями, урнами, голубями и торговцем сувенирами, что подошел купить хот-дог.

Воздух вокруг Артема наполнился воем и свистом: его защита походила на шар огненного золота. Он обернулся к Рингштрассе и увидел автомобили и стрелков, ведущих по нему огонь из множества стволов. Вспышки огня наблюдались и на крышах обоих музеев на той стороне улицы. Это Локшина не слишком пугало — он долго закалял свою эксклюзивную защиту против огнестрела. Инквизитор перебежал за постамент памятника эрцгерцогу и прикинул траекторию того оружия, что лишь по случайности не снесло ему голову в самом начале боя, — оно находилось где-то в стороне Миноритенкирхе.

Силы слишком неравны. Уходи.

Бегство претило Артему, но самоубийцей он не был. Однако прежде чем унести ноги, нужно преподать гиенам небольшой урок.

Артем выхватил из-за пазухи жезл и ударил в сторону Рингштрассе, не считаясь с расходом Силы, забыв о возможных жертвах и последствиях.

Все припаркованные вдоль площади автомобили взлетели, кувыркаясь, сметенные дланью невидимого великана. Огонь сразу стих. Вдалеке истошно закричала женщина. Туристы разбегались в стороны, роняя рюкзаки и фотоаппараты.

Локшин страшно усмехнулся и зашагал через площадь в сторону церкви. Пусть стреляют, его защита выдержит. Ублюдки еще не поняли, с кем связались.

Как и он сам!

По Сумраку прокатилась волна, где-то рядом охнуло, и площадь Героев как будто вдавило в землю на миг от исполинского выплеска Силы. Ткань пространства затрещала, но выдержала. Солнце закрыла тень — и Артем обернулся.

Огромное бронзовое изваяние эрцгерцога Карла пришло в движение. В зданиях императорской резиденции задрожали стекла. Оживший скакун спрыгнул с пьедестала, разбивая каменные плиты в мелкую крошку, — и поскакал на Артема. Лицо эрцгерцога — бесстрастная металлическая маска в зеленой патине — обернулось к Инквизитору, темные провалы глазниц искали его, тяжелый палаш взвился к небу, готовый рассечь его надвое.

Теперь — только бежать!

Артем вскинул ладонь, открывая портал, — но отрепетированное сотни раз заклятие не сработало. Во рту вмиг стало сухо, как в Аравийской пустыне. Кто бы ни был его враг, он оказался достаточно силен, чтобы закрыть участок пространства для мгновенных перемещений. Сам Завулон? Или Гесер?

Инквизитор почувствовал, как каждый волосок на его теле встает дыбом. Он попробовал искать спасения в Новом замке (все же тот принадлежал Инквизиции) — но не успел сделать и десятка шагов к нему. Сумрак вновь задрожал от выброса Силы. Гарцевавший на коне у парадного входа принц Евгений Савойский сорвался с пьедестала и двинулся ему наперерез. Теперь два бронзовых гиганта неслись на Артема с двух сторон, круша копытами каменную мостовую.

* * *

Рига, улица Матиса, частная резиденция «Midzenis»

25 сентября 2015, 19:35

Вечерний полусвет лился в окно и заполнял просторную комнату, как медленное голубое наводнение. Снаружи сонно покачивались на ветру

ветви деревьев. Дориан безжизненно откинулся в кресле. Сигарета в его руке догорела и обожгла пальцы, но он не заметил.

Темный маг смотрел в зеркало в глубине комнаты. Там отражалась измятая постель и обнаженная девушка на ней, журнальный столик, заваленный пустыми бутылками и использованными шприцами, и он сам — в распахнутом шелковом халате, длинноволосый, как женщина… с расплавленным кислотой лицом, похожим на уродливую маску.

За эти дни Дориана не раз пытались убедить, что с лицом все в порядке, и порой ему казалось, что это и в самом деле так, но потом ужас возвращался. Его прекрасное лицо, которое он так любил, после встречи с Нелли превратилось в отвратительное месиво облезлой синеватой кожи. Темные целители только развели руками — для них его лицо выглядело неповрежденным. «Все у вас в голове. Наваждение. Пройдет со временем».

Но заклятье, наложенное Нелли, было незнакомым и сильным. Он верил, что выглядит как средневековый цирковой уродец.

А если это навсегда?

— Не навсегда.

Дориан вздрогнул и выронил окурок.

В мутной глубине зеркала проявилось вытянутое лицо Тайпана с обрамлявшей его шапкой белых волос.

— Как ты нашел меня, дружочек? — сипло спросил Дориан.

— Это моя работа. Я найду тебя хоть в аду.

— Я и есть в аду.

Дориан поднялся с кресла и, пошатываясь, подошел к столу. Взял одну из бутылок, сделал несколько глотков. Тайпан сел в его кресло и задумчиво смотрел на него своими водянистыми буркалами.

Дориан откопал на столе измятую пачку, но все сигареты в ней были сломаны. Он нашел одну более-менее целую, закурил, стоя в облаке сизого дыма.

— Знаешь, — сказал Тайпан, — твоя физиономия и в самом деле выглядит как прежде. Ты и раньше был страхолюдиной, кстати. Хватит гнить в этой норе, обложившись шлюхами и бутылками коньяка.

— Ничего ты не понимаешь в женщинах, гадюка, — равнодушно ответствовал Дориан. Он подошел к окну, расстегнул штаны и зажурчал тугой струей, поливая деревья под окном.

Тайпан просканировал ауру девушки. Дей-

ствительно, она не была проституткой. Ее звали Сауле. Выросла в семье музыкантов, хорошо пела, рисовала, знала несколько языков. Любила певицу Zaz, фильмы Жан-Люка Годара и латте с шоколадными эклерами. Пару лет назад по дороге в университет она встретила Дориана, тот соблазнил ее и накрепко привязал к себе. Иногда он наведывался в Ригу и проводил с ней несколько дней в этом доме. В остальное время Сауле преданно ждала. Он был единственным мужчиной в ее жизни. Чувства, которые она к нему испытывала, нельзя было назвать любовью, это было мазохистское обожание на грани ненависти. Надо ли говорить, что Дориан питался ее тяжелыми эмоциями, как вампир кровью. «*Трайфл*», — вспомнил Тайпан. Так назывались эти люди в среде Темных. Если ты голоден и тебе нужна энергия — зачем бегать по улицам в поисках страдальцев? Ты можешь вырастить себе вот такую *трайфл* или несколько, как цветы в теплице, — покорных, во всем зависимых от тебя, и вечно «доить» их, пока они не завянут. Если раньше Светлые дозорные не поймают тебя и не развоплотят. Впрочем, Тайпан сомневался, что Дориан испытывал страх перед Ночным Дозором; вряд ли чувство страха вообще было ему

знакомо.

Тайпан подошел к Сауле и откинул ее светлые волосы, обнажив плечи и лицо. Девушка была молода и красива, но вокруг губ и носа уже скопились морщинки. Почувствовав его руку, она недовольно застонала. Змей присмотрелся: на шее темнели следы от зубов.

— Ты ведь не вампир, — сказал глава Особого отдела, — зачем ты кусаешь ее?

Дориан тяжело опустился в свое кресло и посмотрел на него как на глупого ребенка:

— Вампиры — несчастные твари. Они сосут кровь, чтобы не сдохнуть. Разве у меня может быть что-то общее с ними?

— Тебе просто нравится вкус?

— Когда ты пьешь их кровь… или съедаешь кусочек-другой… они становятся частью тебя. — Дориан выпустил в темноту струю дыма. — Все, кого ты любил или ненавидел, — навсегда с тобой. Они поют по ночам в твоих снах. Они горят в твоей душе, на самом дне… все до единого.

Дориан бросил дымящийся окурок на пол.

Тайпан молча смотрел на Сауле. Он все еще был девственником и о любви имел расплывчатые знания. Ненависть же он считал оружием, которое можно «прокачивать» и направлять,

подчиняя холодному разуму.

— И что же, ты любишь эту девчонку? — поинтересовался он.

— Конечно, дружочек, — вяло рассмеялся Дориан, — я люблю всех, кого трахаю. А теперь — не будешь ли ты любезен свалить туда, откуда приперся? Меня тошнит от твоей постной рожи.

Тайпан остался спокоен:

— Тебя больше тошнит от собственной рожи — но это не важно. Сейчас я помогу тебе протрезветь, и мы отправимся по делам. Ты должен довершить начатое.

Дориан сделал глоток из бутылки:

— Иди к черту, змей. Мне нужен отдых. Если бы ты был на моем месте…

— Ты знаешь, от чьего имени я приказываю.

Дориан сплюнул под ноги собеседнику и объяснил, куда ему следует идти вместе с Завулоном и чем там заняться.

— Извинись, — сказал Тайпан.

— Или что, рептилия? Ты меня покусаешь?

Как бы ни был Дориан пьян — он оставался магом большой силы, к тому же он несколько дней насыщался энергией и кровью своей *трайфл*. Тайпан почувствовал, как тот напрягся внутри, оставаясь похмельным тюфяком внешне. Исход

их поединка никто не смог бы предсказать.

— Милый, — девушка вдруг села на кровати, прикрыв одеялом красивую высокую грудь, — кто этот человек? Что он здесь делает?

— Это просто грязный, тупой… — начал Дориан.

Его внимание отвлеклось на Сауле всего на одно мгновение — но этого Тайпану было достаточно. Комнату заполнили чешуйчатые кольца змеиного тела. Девушка взвизгнула, но тут же замолчала в оцепенении. Дориан обнаружил, что не может шевельнуть и пальцем: Тайпан обмотал его тугими кольцами с ног до головы.

— Знаешь, дружочек, от чего умирает жертва удава? — прошипел змей — и его свистящий голос, казалось, заполнил мир. — Не от нехватки воздуха, нет. Крыса или кролик гибнут меньше чем за минуту, хотя их легкие еще работают, но сердце перестает биться, потому что кровь больше не бежит по сдавленным венам. Ты, конечно, крыса крупная и, думаю, минуты три протянешь.

Дориан хотел ответить, но Тайпан сильнее сжал кольца, и изо рта Темного мага вырвался только хрип. Лицо его покраснело, как свекла, из глаз хлынули кровавые слезы.

Тем временем змей резким ударом клыков разорвал горло Сауле и принялся лакать бегущую из яремной вены кровь — так индийские кобры пьют молоко. Вскоре сердце девушки остановилось, и Тайпан отшвырнул безжизненное тело в угол комнаты. Он слегка ослабил хватку, чтобы Дориан мог дышать, — и поднес голову к его лицу, пощекотал его щеку раздвоенным языком.

— Слушай меня, коньячный бурдюк. У нас новый приказ. Ситуация изменилась. Слишком много любопытных носов были засунуты в последнее время в наше дело. Ты уже дважды облажался, теперь у тебя последний шанс, чтобы отмыться. Найди твою любимую Светленькую колдунью и прикончи ее вместе с мужем. Щенка тоже кончай. Дело стало слишком опасным: его инициировали, и он Светлый. Само его существование — риск для нас всех. Они направляются в Крым. Тебе поручено стеречь переправу в Керчи. Когда увидишь их, не играй в свои пошлые игры, не тяни резину — просто убей, ты понял?

Дориан лишь с ненавистью смотрел на него.

— Сделаешь это, — добавил Тайпан, — и я избавлю тебя от заклятья твоей Светлой подружки. Будешь снова наслаждаться своим милым личиком.

— Убить щенка? — прохрипел Дориан. — Ты хоть представляешь, каковы будут последствия для нас с тобой?

— Нам предстоит скрыться надолго — бежать на край света и залечь на дно. Для этой роли нас нашли и воспитали, неужели ты еще не понял? Тайный Дозор, Особый отдел — все мы были нужны для одной задачи. Хозяин под колпаком Инквизиции, каждый его шаг отслеживают. Поэтому — только мы. А награда будет царской, ты получишь все, что сможешь пожелать. Найди и убей мальчишку, убей его мать и отца — и будешь богат и счастлив тысячу лет.

* * *

Между жизнью и смертью
25 сентября 2015, 10:23

Из жезла Артема вырвался столп огня, превратился в пламенеющий бутон. В его сердцевине двигался бронзовый всадник, разбрызгивая тающий металл по камню под копытами. Он легко вырвался из огненной ловушки — и снова поскакал на Инквизитора. Земля стонала. Воздух горел, растекался плавленым стеклом, обожженные птицы падали замертво; ткань реальности

вибрировала, раздираемая рвущейся на волю неописуемой силой. Локшин спрятал жезл и опрометью бросился через площадь в сторону парка Фолькcгартен — туда, где мелькали меж фигурных кустов силуэты разбегающихся туристов.

Тайна, к которой он прикоснулся, не была совместима с жизнью. Ночью на нее покусился Завулон через Тайпана, а кто наносил удар сейчас? Кто бы то ни был — он бросил против Локшина страшную мощь. Артем не зря считался сильнейшим из Инквизиторов Москвы, но сейчас он улепетывал, как заяц от волчьей стаи.

Нажитое годами оперативной работы чутье — сродни шестому чувству — заставило его упасть на землю. В то же мгновение по каменным плитам впереди ударил мощный разряд, выжигающий воздух, испепеляющий органику, воспламеняющий гранит. Каждая клеточка на лице и ладонях Артема затрепетала, готовая распасться на мельчайшие части.

— Проклятье!

Снова удар наносили с колокольни церкви Миноритенкирхе. Локшин даже не смог бы сказать, что это за оружие — то было нечто древнее и мощное, как стихийное колдовство первых Иных.

Удар высвободил колоссальный запас Силы; даже специальная защита Инквизитора тут не спасла бы. Он перепрыгнул глубокую оплавленную яму и, петляя, понесся вперед. На пути была зеленая лужайка в обрамлении редких кустарников. Здесь Артем увидел направленный в лицо ствол.

Одна из сбитых его «прессом» девушек-«музыканток» сидела на траве в тени кустарника. Обе ее ноги были сломаны и вывернуты под жутким углом, лицо залила кровь, но девушка словно не чувствовала боли — она вся сосредоточилась на цели, как камикадзе. Артем успел увидеть разбитые солнцезащитные очки у нее на лице, тонкую бровь, зеленый кошачий глаз в колечке прицела — и в следующий миг град заряженных пуль ударил в «серый щит».

Защита вспыхнула, распадаясь. Одна из пуль несильно стукнула в грудь, вторая обожгла щеку, третья прошила куртку на левом плече и с шипением застряла в бицепсе.

— Мразь!

Артем ударил в лицо девчонке «тройным лезвием» — и побежал прочь, зажимая рану. Где-то впереди, среди кустов парка, ему почудилось бледное лицо Агаты, и он, не отдавая себе отче-

та, летел туда. За спиной грохотали копытами о камни два исполинских бронзовых демона, неумолимо нагоняя.

У стеклянного офиса на краю площади стояли несколько автомобилей. На заднем стекле одного из них, лимонного «Опеля», Артем увидел наклейку — черную розу на алом фоне.

Нужно несколько секунд.

Локшин использовал «болотный газ»: заклинание разлило над площадью густой туман. Тот, кто руководил охотой, незамедлительно ответил «свежим ветром» — и дымка развеялась, но Артем уже был внутри автомобиля. Бронзовые убийцы сразу же потеряли цель и встали как вкопанные. Лежа на заднем сиденье, Инквизитор видел покрытые зеленой патиной ноги коня Евгения Савойского в трех метрах от машины.

Ломая ногти, Агата вцепилась в руль «Опеля». Она смотрела через плечо, вывернув шею, как ящерка. По ее тонкому лицу катились капли пота, очки запотели. Артем вжался в кресло. Внезапно бронзовые кони всхрапели и, повинуясь чьей-то команде, помчались в сторону Рингштрассе.

Агата здесь. Значит — снова Тайпан.

Очки девушки сверкнули розовыми искрами солнца. Она увидела, что тень в окне на коло-

кольне Миноритенкирхе исчезла, и рванула автомобиль с места. Локшин ударился головой о ручку двери и зашипел от боли. Еще несколько секунд — и машина затерялась в путанице средневековых улочек столицы Австрии.

Артем был спасен.

Глава 5

Великобритания, Лондон,
Южный Кенсингтон
24 сентября 2015, 09:20

«Может быть, Свет — это добро, — подумала Яна. — Или Свет — это тепло и покой. Не знаю. Но в одном я уверена: Свет — это красота. Красоту можно отыскать и во Тьме, но то красота извращенная, красота прельстительная, краденая. Подлинная красота только от Света».

— Будь я Темной, — спросила Яна, — ты бы мог полюбить меня?

Она сидела на широком подоконнике и смотрела вниз, на залитую дождем улицу, и мокрые шеренги каштанов, и цветные зонтики пешеходов. Ее вопрос застал Скифа у дверей, с мечом за спиной и пистолетом в кобуре. Прощание было позади, и до расставания оставались секунды. Он оставил девушке деньги, документы, ключи от

квартиры своего лондонского друга — и обещание вернуться.

— Любовь не спрашивает, какого ты цвета, — ответил он.

— А о чем она спрашивает тебя? — Яна спрыгнула с подоконника, подошла к Скифу и прижалась лицом к груди, чувствуя его тепло, вдыхая уже ставший родным запах его тела.

— Любовь не задает вопросов, — он ласково провел рукой по ее волосам, — любовь просто восходит над тобой, как солнце.

— Ты вернешься за мной, Андрей? — в который раз спросила она.

— Обязательно вернусь.

— Я, наверное, с ума сойду в ожидании.

— Если ты будешь очень ждать — это поможет мне.

— А ты можешь не уходить?

Он покачал головой.

— Ведь реальной войны нет, — горячо прошептала девушка, — и необходимости для тебя идти туда — тоже нет. Вы нарушаете Великий Договор, если вас поймают — будут судить как преступников.

— Война может быть тайной, но она реальна.

— Ты уже много сделал для Света. Узнал нуж-

ную информацию. Расскажи ее своим друзьям и возвращайся…

— Я должен быть с ними.

— Почему? Из чувства долга?

— Я не могу бросить друзей перед лицом смерти.

Яна кивнула, отступив на шаг. Соленая капля оставила мокрую дорожку на ее щеке.

— Как бы я хотела пойти с тобой! Я не умею сражаться, но…

— Нет, — сказал Скиф, вытирая ее слезы, — ты уже достаточно помогла. — Он долгим взглядом посмотрел на нее, и в этом взгляде была нежность. — Ты так изменилась за эти дни, маленькая. Ты словно цветок, что почувствовал солнце — и ожил после долгой зимы.

— Ты — мое солнце.

Она встала на цыпочки — но ему все равно пришлось наклониться, чтобы их губы встретились.

— Яна, мне нужно идти… нужно…

— Еще немножко побудь со мной…

Она уже расстегивала на нем рубашку, чувствуя, что вот-вот ноги перестанут ее держать. И Скиф понял это, подхватил девушку на руки и отнес на постель. Он покрывал поцелуями ее лицо, ее хрупкое тело, быстро избавляясь от одежды.

Она торопливо ласкала его, словно раскаивалась в том, что задерживает; и слезы текли из ее глаз — но то были не только слезы печали, но и слезы счастья. Ее мужчина был таким большим по сравнению с ней — и от этого ей было и сладко, и немного страшно; от него в самом деле исходили тепло и свет, как от солнца, — и вскоре Яна кричала, задыхаясь от наслаждения. Она обхватила его мускулистую спину тонкими руками, прижимая его к себе в такт его движениям, нежным и в то же время сильным; стремясь слиться с ним, стать его частью навсегда. Их ауры сплелись в горячем радужном вихре — и в высшей точке наслаждения ослепительно вспыхнули.

Но прошло несколько минут — и Скиф оделся и ушел в дождливое лондонское утро. Тогда Яна вытерла слезы, села у окна и начала ждать.

* * *

Берег реки Воронеж, к западу от трассы М-4 «Дон»

25 сентября 2015, 09:01

Огонек открыл глаза.

И увидел белое, без кровинки, лицо мамы. Она лежала рядом, на траве. Льняные волосы

слиплись и спутались. Незнакомый чернобородый мужчина стоял около нее на коленях; он опустил покрытые кровью руки в разрезанный живот Нелли — и как будто сшивал там что-то проворными пальцами. «Светлый Иной. Лечит», — понял мальчик. Из-под ладоней чернобородого лился золотистый и мягкий свет. Лицо мамы было пугающе застывшим, но на лбу быстро пульсировала жилка. «Жива, — понял Огонек. — Жива, жива», — с жарким облегчением повторил он про себя, проваливаясь в забытье.

Ему снова было пять лет. После обеда мама уложила его в кровать, дождалась, пока он уснет, и тихо вышла из его комнаты. Но Огонек не заснул по-настоящему. Спать днем было скучно. Он полежал немного, глядя сквозь ресницы на солнечные блики на потолке, а затем сел на кровати и посмотрел в окно. В саду на лавке сидел папа с книгой в руке, над его головой покачивались ветви абрикосового дерева.

Огонек видел, как мама подкралась к нему сзади и обняла. Папа выронил книжку, посадил маму на колени. Они смеялись и целовались в солнечных лучах, красивые и молодые, и мальчик чувствовал тепло в груди — ему хотелось сбежать по лестнице к ним, и пусть его тоже

обнимают; но он понимал, что папе и маме надо побыть вдвоем. Вскоре они ушли в дом, не размыкая объятий. А Ярик еще долго сидел на подоконнике с игрушечным пистолетом на коленях — и смотрел на ведущую к дому дорогу и бескрайнее синее море вдали. Пока взрослые заняты друг другом, он охранял их покой. Нес свой дозор.

Это было так давно… уже сложно поверить, что это было. И горькая сладость под сердцем понемногу таяла. Ушедшего не вернуть даже с помощью колдовства, это Огонек уже усвоил в свои двенадцать лет. «Нет прошлого и нет будущего — есть лишь настоящее», — так говорил отец. Эта мысль помогала без сожаления смотреть назад и без страха — вперед.

Когда он вынырнул из сна — Лина снова была рядом. Девочка провела рукой по его лбу, вытирая пот, и протянула чашку с ароматным травяным питьем.

— Давай-ка до дна.

Огонек глотал обжигающий напиток, и в голове прояснялось, а боль уходила. Иссеченные Темным колдуном лицо и грудь тихонько зудели — то заживали множественные порезы.

Зализываем раны. До нового боя.

Лина смотрела на него с сочувствием и каким-то новым интересом:

— Нас отравили, ты понял? Тетка из гостиницы. А ее сын был злой колдун.

— Он ей не сын.

— Откуда ты знаешь?

— Я был очень близко к нему и почувствовал… Это сложно объяснить. Он живет на свете уже очень давно. А тетка — его слуга. И остальные тоже.

Рука задрожала — и он протянул чашку девочке.

— Спасибо тебе, Ярик, — сказала тихо Лина, — ты спас нас.

— Я просто закричал изо всех сил…

— Ты такой молодец.

Лина с восхищением смотрела на Огонька бездонными зелеными глазами.

— Где же чудовище? — спросил он смущенно. — Ушло?

— Скиф зарубил его. Он услышал твой крик.

— Кто это — Скиф?

Лина кивком указала в сторону.

Огонек огляделся. Он лежал на опушке леса, на ложе, сплетенном из ветвей и трав — мягком и удобном. На дальнем краю луга поднимался к

небу столб дыма — это догорали руины «Доброй белки». Одноглазый светловолосый гигант в черной кожанке стоял поодаль, негромко обсуждая что-то с отцом Огонька. Покрытое шрамами лицо, низкий повелевающий голос, за спиной — двуручный меч. Весь его облик лучился мощью. Сердце мальчика забилось быстрее от радости — в компании с таким бойцом им никакие чудовища не страшны! Голова отца была обвязана окровавленными бинтами. Значит, он тоже ранен. Приглядевшись, Огонек понял: поляну над их компанией словно окружал прозрачный купол, приглушавший звуки мира.

Огонек поискал глазами маму. Она лежала неподалеку, на такой же лежанке из травы — все еще бледная и неподвижная. Чернобородый мужчина сидел рядом с Нелли, сжимая ее руку.

Жива…

Пришло ощущение покоя.

Мы прошли через жестокий бой и выжили.

Выжили, да не все.

Тело Софи лежало у края купола — там, где переливалась в солнечных лучах зеленоватая гладь реки. Рядом на коленях застыл Айрат. Его ладонь ласково скользила по спутанным кудрям девушки.

— Софи уже умерла, когда пришел Скиф, — печально сообщила Лина. — Твоя мама тоже — но всего минуточку, и Книжник успел ее оживить. Он сказал: еще чуть-чуть — и было бы поздно.

— Книжник? Этот врач?

— Да. Он же твой родственник — разве ты не знал, что он врач?

Что я вообще о себе знал еще недавно? Все ли я знаю теперь?

— Поспи еще, Огонек, — предложила Лина. — Скиф говорит — во сне мы выздоравливаем.

Она пошлепала босиком по траве к Нелли. Мальчик закрыл глаза, но больше не заснул. Лежал и слушал тихие голоса.

— Где ты встретил Книжника? — голос отца.

— В последние годы он жил в Англии, — отвечал Скиф. — А у меня давние дружеские связи с лондонским Ночным Дозором.

— Он искал Дориана?

— Да. Смелая затея, учитывая разницу в их уровнях Силы. Я знал — начинаются большие дела, и захватил его по дороге в Россию из Латинской Америки.

— Что ты там потерял?

— Не потерял, а нашел. Помнишь Яну, Кот?

— Хотел бы забыть, — голос отца дрогнул, — но

это невозможно.

— Я отыскал ее и заглянул в ее грезы.

— Что там?

— Тьма и смерть. Прольется небывало много крови. Обе стороны до конца будут притворяться, что блюдут Великий Договор, — но, по сути, нас ждет война. И ваш с Гердой сын — ее причина. Вот что так напугало предсказательницу в «Глубоком Сумраке» восемнадцать лет назад.

Это я стану причиной войны. Они говорят обо мне. Из-за меня уже гибнут Иные.

— Зачем Темные хотят заполучить Огонька?

— Яна — провидица, но не всезнайка.

— Что бы ты сделал на нашем месте, Скиф?

— Я бы воззвал к Гесеру — и вернулся в Москву, под защиту Дозора.

— Даже если нам простят Перст Энлиля и бойню в Питере — Великие захотят использовать Ярика, не считаясь с нашей волей. У Темных уже длинный счет к нам. Не лучше ли бежать?

— Нельзя прятаться вечно!

— Хотя бы дадим парню вырасти.

— А сам он чего хочет?

Матвей не ответил. Огонек приоткрыл глаза — и рывком сел на своем ложе. Отец и его собеседник держали в руках мечи — сталь ярко

сверкнула на солнце. Плечом к плечу с ними встал Айрат, поднял лук с наложенной на тетиву стрелой. За ним — Книжник с черным жезлом в руке.

Там, где защитный купол накрывал берег реки, вода покрылась рябью, словно под порывами ветра, воздух задрожал — и из вечернего света соткался серый силуэт.

— Великие хотят, — произнес глубокий, наполненный силой голос, — чтобы мальчик помог им изменить мир. Но Договор не позволяет им вмешаться напрямую.

Четверо Светлых шагнули навстречу пришельцу, поднимая оружие. Силуэт на глазах становился темнее — и вот в своде защитного купола, поставленного Скифом, появилась оплавленная дыра. Пришелец шагнул на поляну, быстро нашел взглядом Огонька и улыбнулся уголками губ. Аура его была необычного, серо-стального цвета.

Лина в испуге спряталась за Ярика.

— Что забыл ты в этом лесу, Светлый, предавший Свет? — спросил Скиф.

— Нельзя предать Изначальную Силу, Андрей, — как нельзя предать солнце или луну.

Направленное на него оружие незнакомец игнорировал.

— Красивыми фразами не смыть грязь с прошлого, — сказал Матвей. — Мы никогда не сможем тебе доверять.

— Доверие? Такая роскошь мне не нужна.

— Как ты нашел нас, Артем?

— Очень просто — проследил за Андреем.

Скиф нахмурил светлые брови:

— Ложь. Я пришел с края света.

— Но ты заехал в Москву и побывал в штабе Светлых. А у меня еще остались друзья в вашем ведомстве.

— И дорого тебе обходится содержание «крыс» в Дозорах?

Артем рассмеялся:

— Скиф, я не враг вам, что бы ты ни вообразил себе, — я ведь не служу Тьме. Я пришел предложить вашей группе временный союз.

— С какой целью?

— С самой благородной: спасение мира.

Кот и Айрат переглянулись. Скиф опустил меч, но не убрал в ножны:

— Ты знаешь, что происходит?

— Я знаю все.

Иной с серой аурой направился прямо к Огоньку. Мальчик попытался встать — но, к его удивлению, тот сам опустился перед ним на колено и

вытянул вперед руку в жесте, что одновременно обещал дружбу и служение:

— Для начала — я знаю, кто ты такой, парень.

Огонек ощутил мощную эманацию Силы, исходившую от руки незнакомца. Она втекала в его сердце, как поток воды в измученный засухой сад. Раны мгновенно перестали зудеть, и рубцы на коже исчезли, словно растаяли. Приливная волна радости и облегчения накрыла его с головой. Кем бы ни был этот Иной — он отчего-то вызвал в нем мгновенную симпатию.

— Я — Ярослав Гордеев…

— Ты, Ярослав Гордеев, — последний потомок последнего Великого магистра Ордена тамплиеров Жака де Моле. По его завещанию, ты — единственный в мире Иной, способный управлять величайшим творением: артефактом, который он именовал Сердцем Сумрака, а легенды — Священным Граалем. До твоего рождения этим даром обладала твоя мать, а когда у тебя будут дети, он перейдет к одному из них. Многие поколения рыцарей и мудрецов тщетно искали Сердце Сумрака — но оно откроется лишь тебе. Лишь ты сможешь выбрать того, кто изменит мир и прекратит вечную войну Тьмы и Света.

Инквизитор поднялся на ноги, взмахнул рукой

— и в ней блеснул длинный сумеречный клинок, обращенный рукоятью к мальчику.

— Ярослав, отныне мой меч принадлежит тебе. Вместе мы отправимся в путь и найдем Сердце Сумрака.

— Кого я должен выбрать? — переспросил Огонек. От этой торжественности и громких фраз его слегка замутило.

— Твой предок был Великим магом. Он много лет работал над артефактом, способным дать власть над Сумраком. Он считал себя не в праве решать судьбу мира и потому искал человека или Иного, кто покажется ему подходящим для такого решения — или хотя бы мудрого совета. Поиски затянулись, магистр был предан собственными друзьями и казнен. Но его потомки унаследовали право распоряжаться Сердцем Сумрака. До сих пор никто им не пользовался — ты станешь первым!

Все, в том числе Огонек, замерли в изумлении, обдумывая услышанное.

— Не верь ему, — прошелестел тихий шепот.

Это была Нелли.

— Никогда не верь предателям, сын.

* * *

К ночи Нелли почувствовала себя лучше. Книжник колдовал над ней много часов, и наконец она смогла подняться на ноги.

— Мы не можем ждать долго, — напомнил Артем. Он сидел на камне слегка в стороне ото всех, не сводя глаз с Огонька. — Нужно спешить.

— Подождешь, предатель, — ответил Книжник. — Мир простоял неизменным тысячи лет, простоит еще один лишний день.

— Я не предатель. — Локшин подавил гнев. Теперь, когда великая цель была определена, ему стало легче справляться с эмоциями: все прочее стало незначительным и мелким.

— Мама, — спросил Огонек, — ты в самом деле умерла — и воскресла?

— Правда. — Она не улыбнулась сыну, лишь положила руку ему на плечо.

— Что ты помнишь?

— Ничего. Холод и тьму.

— Страшно?

— Умирать страшно. После смерти — только легкость, покой. И печаль.

— В глубоком Сумраке?

— Я не успела уйти глубоко, Огонек. Меня вер-

нули. Мое время еще не пришло.

Она ласково коснулась его волос, но смотрела остановившимся взглядом сквозь сына, словно еще переживала спуск в бездну Сумрака.

— Нелли, Огонек спас всех вас, — сказал Книжник, — если бы не он — вам конец. Когда он подал сигнал, мы увидели его издалека. К счастью, Скиф угадал, что вы направитесь на юг, и мы двинулись по этой трассе. Он знал — вы с Матвеем жили в Крыму, и я предположил, что ты могла отправиться в наш старый дом…

— Не стоит об этом. — Нелли с недоверием покосилась на Инквизитора. — Ты молодец, Ярик.

— Из мальчика вырастет храбрый воин, — добавил Книжник.

— Я не хочу воевать, — нахмурился Огонек.

— Вот и случилось то, чего мы боялись так долго, — покачал головой Кот. — Из-за этого артефакта Темные и Светлые будут рвать Огонька пополам.

Артем подошел к нему и положил ладонь на плечо:

— Матвей, это не просто артефакт.

— И ты мечтаешь заполучить его, — сказала Нелли сухо. — Лучше уж молчи.

— Пусть говорит, — возразил Огонек.

Светлые маги переглянулись.

— Предателям веры нет, — поддержал Нелли Скиф.

— Давайте его послушаем, — настаивал мальчик. — Если он за мир, почему вы все против него?

— Знаешь поговорку: «Благими намерениями вымощены дороги в ад»?

— Если я наследник этого… как его, Великого магистра… Я имею право попросить. Пусть расскажет!

— Для чего? Ты хочешь найти артефакт?

— Я должен его найти. Я не могу без него. Каждую ночь я просыпаюсь и иду на его зов.

— Предположим, ты дошел до него — кого ты возьмешь с собой?

Мальчик пожал плечами.

— А есть варианты? — с удивлением сказал Книжник. — Кто светел — тот и свят. Огонек — Светлый маг, вся его родня — Светлые. Сумрак выполнит их волю — и настанет царство Света.

— Если Темные не перехватят его и не заставят действовать к своей выгоде, — ответил Скиф.

— Как?

— Возьмут в плен его родителей и станут мучить у него на глазах. Чтобы это прекратить,

Огонек проведет Тайпана к артефакту.

— И что это даст Тайпану? — Матвей повернулся к Артему.

— Проси у Сердца Сумрака о сокровенном, и он выполнит это, — ответил Инквизитор. — Одно желание. Второй попытки не будет. Это цветок, которые цветет раз в несколько столетий. Я понимаю, что нахожусь среди Светлых, но все же прошу, — Артем повернулся к Огоньку, — подумайте, будет ли мудро подчинить мир одной из Изначальных Сил?

Мальчик долго смотрел в его глаза, размышляя, — затем повернулся к отцу.

— Я за Свет, — проговорил Матвей. — При таком раскладе Темные никуда не денутся, но будут жить по нашим правилам. Война кончится, мы победили. Быстро и навсегда. О чем еще можно мечтать?

— Я тоже за Свет, — кивнул Книжник.

— И я, — подала голос Нелли.

— И я, — пискнула Лина, о которой все забыли.

— Я готов отдать жизнь за победу Света, — тихо добавил Айрат.

Огонек, на которого были устремлены все взгляды, шагнул к Артему и взял его за руку:

— Чего же ты хочешь попросить у Сердца Су-

мрака?

— Чтобы не было больше Тьмы и Света. Видишь мою ауру?

— Серая…

— Мы все станем одного цвета — и будет Тысячелетний Мир.

Светлые дружно зароптали.

— Если кому-то интересно мое мнение, — глухо проговорил Скиф, — надо оставить все как есть. Великий Договор создавали мудрейшие из нас. Нет нужды ломать то, что работает.

— Что ты выберешь, парень? — спросил Книжник.

Три пути. Залить мир Светом. Установить вечные сумерки. Оставить все как есть.

Огонек опустил ресницы:

— Я не знаю.

* * *

Хрустальная сфера в руке Артема налилась мутным сиянием, в ней будто бы заметались стаи птиц на фоне тревожно тлеющего горизонта.

— Скиф узнал город из пророчества Яны. Взглянем на него?

Огонек увидел землю с большой высоты. Он словно летел на самолете, прильнув к иллюмина-

тору. Белый мячик солнца скользил за клочьями облаков, оставляя на серо-зеленой шкуре земли бледные пятна. Появилась вода, много воды — серо-голубая, бирюзовая, подернутая рябью. Конечно, это никакая не рябь, это волны на море, и довольно высокие, с горками пены. Там, внизу, шквалистый ветер. Вытянутая полоска суши кончилась, мелькнул неширокий пролив с цветными скорлупками кораблей, и вновь встала из волн земля, холмистая и рыжая, опаленная южным солнцем… «Это же Крым», — понял Огонек. Он узнал очертания берегов. В Крыму он прожил всю жизнь! Сердце мальчика забилось быстрее.

Изображение наплывало, увеличивалось — магический глаз парил над побережьем, и волны бились о скалы, появились первые горы, еще невысокие, они становились все круче — горы походили на спины окаменевших драконов. И вот парящее око преодолело очередной перевал, и взору зрителей предстали широкая долина, город и бухта полукругом меж горами. На самой высокой из гор располагалась древняя крепость с зубчатыми башнями.

— Столп отчуждения, — сказал Скиф, — они ждут нас.

— Верно, — подтвердил Артем, — и я должен

немедленно известить об этом Европейское бюро Инквизиции… но я сообщу им кое-что другое.

Теперь и Огонек видел его. Исполинский призрачный зонтик на тонкой ножке вырастал из центра города и превращал индиговое небо над ним в грязное стекло.

В глубине изображения клубилась Тьма. За стенами крепости двигалось что-то огромное, неразличимое в густом тумане.

— Это — город Судак. Наверху, под самой высокой из башен — она называется Дозорная, — ход, высеченный внутри скалы, — рассказывал Инквизитор. — Там, за золотыми воротами, в тайном чертоге, скрыто Сердце Сумрака. После ареста Жака де Моле его друзья увезли это сокровище из Франции в самую дальнюю из тайных баз тамплиеров, которой владели венецианцы, а позже генуэзцы. Ее местонахождение открыл Завулон в конце прошлого века и приложил немало сил к тому, чтобы проникнуть за золотые врата. Безрезультатно. Войти туда можешь только ты, Ярослав. Об этом обстоятельстве стало известно лишь несколько лет назад — иначе охота за потомками де Моле началась бы еще в девяностые годы. Кто-то из Высших Инквизиторов сдал информацию главам Дозоров. Легенды о наследстве

тамплиеров ходили давно, но о потомках Великого магистра долгое время никто не знал.

Изображение в волшебном шаре стремительно затягивала ночная мгла.

— Надо ли говорить, — продолжал Артем, — что Темные хорошо стерегут и крепость, и пути на полуостров. С востока он отделен от материка узким проливом, который можно преодолеть на пароме или на катере. С севера путь к нему лежит по узким перешейкам, и даже дальние подходы охраняются. Прорываться с боем нет смысла, мы не выстоим.

— Скиф может бросить портал, — предложила Нелли.

— Я тоже могу и уже пробовал, — ответил Локшин, — но этот путь закрыт. Вдоль границ полуострова стоит барьер.

— Нужно ли нам спешить туда? — проговорил Скиф задумчиво.

— Нужно, — немедленно ответил Огонек.

— Понимаю тебя, Скиф, — кивнул Артем. — Сохранить статус-кво — разумное решение. Для этого лучше снова спрятать мальчика с родителями на краю земли, и пусть Темные стерегут вход в чертог тамплиеров и дальше. Но Ярославу теперь нельзя останавливаться. После его инициации

артефакт услышал и призвал своего хозяина.

— Если я не пойду туда — то умру? — спросил Огонек.

— Этого я не знаю. Но если да, то случится непоправимое: род де Моле пресечется. Вход в Золотой Чертог закроется навечно. Сердце Сумрака станет бесполезным куском камня.

— Разве Нелли тогда не станет последним потомком магистра?

— Нет. Она уже была наследником. Заклятье не обращается два раза на одного и того же Иного. Впрочем, если у нее будет еще один ребенок — он унаследует это право. И все повторится вновь.

* * *

РСФСР, Донская область
Май 1922 года

— Товарищ милиционер, а далеко ли едете, например?

Долговязый мужчина в истрепанном пиджаке и круглых очках почти бегом ковылял за телегой по сельской дороге. На красном от жары лице его было написано полное отчаяние и одновременно почтение к представителю власти.

— В Ермаковскую, — добродушно ответил Близ-

нюк, — по дороге, что ль?

— Мне в Апанасовку бы.

— Садись.

Возница — седобородый однорукий казак в фуражке — с недоверием покосился на пришельца, но смолчал. Краснолицый с ходу запрыгнул на задок и упал в колючее сено, со смущенной улыбкой подхватив съехавшие очки.

Рядом с милиционером сидела, покачиваясь на ходу, тоненькая девочка лет пяти. Она посмотрела сквозь нового пассажира — будто тот был пустым местом. Белые, как цветы подснежника, волосы ее рассыпались по плечам; девочка куталась в кожаную куртку со звездами, принадлежавшую Близнюку, словно ей было холодно и неуютно в этот жаркий день, а из-под края куртки виднелись черные от пыли маленькие ноги и мятый подол ночной рубашки.

— Дождь к вечеру будет, например, — весело начал попутчик. Как представитель сельской интеллигенции, к тому же облагодетельствованный транспортом, он чувствовал себя ответственным за моральный дух в телеге.

— Дождь — это хорошо, — обмахиваясь, зевнул Близнюк.

Пегая лошадь неторопливо шла вдоль бес-

крайнего распаханного поля, увлекая за собой повозку. В солнечных лучах носились стрижи; сквозь стук копыт и деревянное поскрипывание колес слышалось их быстрое стрекотанье.

— Далече добираться, — краснолицый утер пот, — да все по горкам и оврагам. Благодарствую за помощь, товарищи.

— В Апанасовку — по делам, что ль? — спросил милиционер, поглаживая седой ус.

— А по вопросу продналога, — охотно объяснил краснолицый и показал папку с бумагами.

Возница, услышав это, демонстративно сплюнул в придорожные лопухи. Налоговый человек сделал вид, что не заметил.

— Ути-ути, — обратился он к девочке, — это откуда ж такая красотуля с милицией едет, например?

Девочка отвернулась.

— Из города домой конвоирую, — рассказал Близнюк, — уже который раз убегает. В Ермаковской у нее всю семью бандиты прошлым летом убили, хату спалили, только дядька увечный остался. Живет у старосты тамошнего, Василия.

— Ах ты, взысканница. Как до города-то добралась?

— Ночью уходит, пока все спят. Ничего не пом-

нит. Идет всегда в одну сторону.

— Так запирать надо!

— Запирают, но всегда разве уследишь? О прошлом годе каждую ночь бродила во сне, теперь все реже. Уж думали, оправилась, а вишь, сегодня — опять. Нелюшка, ты когда угомонишься-то? — спросил милиционер со вздохом.

— Это мать ее мертвая зовет к себе, — глухо проговорил возница и ударил лошадь поводьями.

Разговор оборвался. Лошадка взобралась на холм, тяжело вздохнула и побежала вниз, к дремлющей под тонкими тополями станице.

— На далеких золотых берегах, у синего моря, — проговорила вдруг Нелли, задумчиво глядя на подернутый дымкой горизонт, — там, где встречаются ветра со всех концов земли; где в теплом ночном небе звезды, как крупный жемчуг. На высокой горе над вечным прибоем, где плачут белокрылые чайки над старой крепостью… там угомонюсь.

Близнюк неуверенно рассмеялся и осекся. Краснолицый смотрел на девочку, широко раскрыв рот.

— А дождя нынче не будет, — сказала ему Нелли, — это вы наврали, дядечка.

* * *

Воронежская область
26 сентября 2015, 12:44

Зуд смартфона вырвал Артема из тяжелых размышлений. Он взглянул на дисплей и побледнел, будто увидел мертвеца. Скиф, шептавшийся о чем-то с Нелли неподалеку, заметил это и посматривал на Инквизитора своим единственным глазом.

Он знает. Каким-то образом знает.

Локшин на негнущихся ногах отошел в сторону — чтобы никто не помешал ему слушать голос Валентины.

— Я не сплю? Это действительно ты?

— Артем…

Она помолчала, словно собираясь с духом. Он ждал — как ждут рассвета после долгой ночи.

— Я, — проронила Валентина, — решила позвонить тебе…

— Что ж, я рад.

Девушка вздохнула:

— Ты должен понять меня. Я не могла реагировать иначе на то, что ты делал и говорил.

— Должен понять — и пойму.

— Девушке не пристало звонить самой и говорить подобные вещи, но я… я все еще думаю о тебе. Возможно, я была… слишком строга.

Никогда в своей жизни он не слышал ничего слаще этих слов.

— Я давно тебя простил, Валентина. Я заранее прощаю тебе все, что бы ты ни сделала.

— Артем, я боюсь. Я измучилась тяжелыми предчувствиями.

— Не надо бояться. Нас ждут великие события. И я собираюсь стать тем, кто столкнет лавину, что изменит мир.

— Твои слова пугают меня сильнее всяких предчувствий.

— Что ж, возможно, тебя обнадежит, что я иду на битву против сил Тьмы вместе со Скифом и его старыми друзьями.

— Скиф вернулся?

— Да. Передать ему трубку?

— Передай, пожалуйста. Но сначала скажи — я могу чем-то помочь вам?

— Во-первых, сохрани в тайне от Гесера наш разговор. Во-вторых, нужно сделать следующее…

* * *

Порт «Темрюк», Краснодарский край,
паромная переправа через Керченский пролив
26 сентября 2015, 20:09

Вечернее солнце уже скрылось на западе, за горбатыми силуэтами холмов на крымской стороне. Автомобили и автобусы один за другим въезжали на паром и исчезали в его темном чреве. Пассажиры поднимались на верхнюю палубу — полюбоваться игрой волн в последних лучах заката. Вот паром застонал сиренами и медленно отвалил от берега. Набирая ход, в облаке кричащих чаек, он двигался к выходу из бухты.

Публика оживилась, над головами появились фотоаппараты и смартфоны: пассажиры спешили запечатлеть живописные берега Киммерийского Боспора. Шел бархатный сезон, сентябрь стоял теплый — и курортники еще ехали в Крым в большом числе. По лестницам с нижней на верхнюю палубу со смехом носились дети; на фоне заката делали селфи влюбленные парочки.

— Дельфины, там дельфины! — крикнул кто-то, и толпа перебежала к правому борту, с камерами наготове, выискивая в волнах мелькающие серые

спины с треугольными плавниками.

Огонек и Нелли взошли на палубу одними из последних. Женщина закуталась в широкую рыбацкую куртку, спрятала густые светлые волосы под капюшон. Мальчик в осеннем пальто шел следом за матерью, он высоко поднял воротник и цепко вглядывался в лица окружающих. Кроме них двоих, среди сотен пассажиров не оказалось ни одного Иного.

— Нет даже филеров, — сказал он едва слышно.

— Скоро объявятся, твари, — глаза Нелли зло сверкнули из-под капюшона.

Моторы парома глухо стучали внизу, разгоняя пенную струю за кормой; над головами сварливо перекрикивались голодные чайки.

— Кажется, началось, — глухо проговорила женщина.

Они обратили взгляды на север. Там расползался над морем непроглядный мрак. В свинцовой хмари над волнами Азовского моря неуклюже переваливались идущие на юг танкеры и сухогрузы — жалкие беглецы от закипающей стихии. Высокая клубящаяся стена грозовых облаков вставала от устья Дона. В черном подбрюшье тучи вдруг блеснуло ярко-алое и медленно угасло — очень

далеко, скорее, даже не видимое, а ощутимое в Сумраке. В ответ беззвучно засверкало-заполыхало голубое, зеленое, золотое.

— Может быть, это просто молнии, — неуверенно сказал Огонек.

Нелли покачала головой. Они оба знали — это не молнии.

* * *

Мелекино, окрестности Мариуполя
26 сентября 2015, 19:58

Синий микроавтобус летел по разбитой сельской дороге, поднимая облака пыли. На переднем сиденье рядом с водителем сидела Валентина, она с тревогой поглядывала на юг. Где-то там, за темной стеной моря, готовился к отправке в Крым паром Керченской переправы.

Дело, о котором попросил ее Артем, было опасным, но Валентина согласилась с охотой. Она устала сидеть в офисе Ночного Дозора, ловя обрывки новостей. Гесер разрешил ей связаться с Локшиным, предложить помощь — и непременно оказать любое разумное содействие, с условием: Артем не должен знать, что она действует по его просьбе. Пусть считает это ее личной инициати-

вой. За годы оперативной работы Валя привыкла ко всему и не удивилась.

— Что ты чувствуешь к нему? — спросил Гесер с любопытством.

— К Локшину?

— Нет времени на лишние вопросы, девочка моя. Совсем нет, ни минутки.

— Ну, мы с ним могли бы быть хорошими друзьями…

— Достаточно. Лети.

Нерастраченная Сила переполняла Светлую волшебницу. Близился день, к которому Валя давно готовилась — и не имела права бросить своих перед угрозой гибели. Что же до Артема… она все чаще думала о том, что он еще мог бы вернуться в Светлый лагерь. Даже поделилась этой мыслью с Мариной, когда они выбирали оружие в арсенале Дозора: если бы Локшин каким-то чудом снова стал Светлым, как прежде, ее отношение к нему могло бы перемениться.

— Завидую такой холодной рациональности, — сказала подруга. Она подобрала для себя короткоствольный автомат и теперь искала к нему кобуру.

— Если бы чувства брали верх над моим разумом, я была бы Темной, — ответила Валентина. —

Хаос только ждет шанса, чтобы взять свое. Хаос и Тьма — как брат и сестра.

Марина усмехнулась:

— Сочувствую твоему будущему мужу.

— Напрасно. Любовь рациональная крепче и вернее стихийной.

— Но скучна. Все равно что пить воду из-под крана, сидя в ресторане.

— Может быть, ты и права. Но водой нельзя отравиться, и от нее не потеряешь голову, а от вина — если не знать меры — очень легко.

Артем был самым сильным из всей команды, что прошла инициацию первого мая 1998 года в «Лужниках», и его сила привлекала Валентину. Девушка не могла прекратить думать о нем, и Гесер, похоже, знал об этом. Что ж, значит — это судьба.

Но сначала надо выжить.

— Темные, — сказал водитель микроавтобуса, усатый дядька из местных Светлых, — впереди, много.

— Всем приготовиться, — скомандовала Валя.

— Мы готовы, — ответила Марина.

Светлые маги в салоне микроавтобуса доставали оружие.

Машина вылетела на вершину холма. Водитель

открыл двери и выпрыгнул в ветреную ночь. Шар багрового пламени стремительно приближался с запада. Едва Светлые дозорные бросились врассыпную, как микроавтобус взорвался огненными брызгами. Высоко к хмурому небу взметнулись алые лепестки.

Светлые ждали чего-то подобного. По команде Валентины они собрались на высоком уступе над морем и теперь вглядывались вперед, прикрывая лица от капель дождя. Среди холмов нарастал угрожающий гул.

— Дорога закрыта, — перекрикивая ветер, сообщил водитель, — надо возвращаться.

— Неужто вы *их* так боитесь?

— А вы не чувствуете, какая собралась Сила? *Они* сметут нас!

— Хотите — бегите. Я вас не держу.

— Но, милая девушка…

— Я вам не милая. Катитесь, малодушный.

— Самоубийца! — Водитель, пригнувшись, исчез среди косых струй дождя.

— Вижу их! — воскликнула Марина. — Идут прямо на нас!

Дорога, изгибом оплетавшая морской берег, как будто превратилась в черный бурлящий поток. Сквозь вой ветра стал слышен топот множества

ног.

— Залп! — скомандовала Валентина.

Ночь взорвалась пламенем из десятка стволов, заискрилась бенгальским безумием, загрохотала, застрекотала, вспенилась бурунами огня. Наступающая Тьма захлебнулась, заколебалась, поползла назад. Завесу дождя прорезали крики. Кто-то падал, зажимая раны, кто-то летел со скал в бурлящее море.

И Тьма ответила. В вое ветра и стоне Сумрака закручивался водоворот набирающей силу бури. Бушующее море вспыхнуло мертвенно-белым сиянием — и из волн медленно поднялась многометровая мрачная фигура.

* * *

Середина Керченского пролива
26 сентября 2015, 20:16

— Вот и за нами пожаловали, — прошептала Нелли.

Наперерез парому быстро двигался в полумраке длинный остроносый катер, похожий на хищную рыбу. Откуда он взялся? Словно вынырнул из какой-то щели между спящими в порту сухогрузами.

— Явились — не запылились, — в голосе мальчика слышалось странное облегчение.

— А ты уже подумал, что они не стерегут переправу?

Огонек не ответил. Он смотрел на север — туда, где густую тьму на горизонте разбавляло едва заметное глазу багровое зарево. Лицо его оставалось неподвижным, как у игрока в покер. Там, на берегу Азовского моря, разгоралось сражение.

— Ой, мама, смотри, — крикнула девочка в красной куртке, — что это там, война?

— Где?

— Вон там, где черные тучи.

— Просто яркий свет. Наверное, маяк.

Огонек хлопнул Нелли по спине:

— Сейчас они будут здесь. Разделимся. Я пойду наверх — а ты встречай.

— Хорошо. Думаю, они нас уже заметили и узнали.

Огонек пожал плечами:

— Судьба на стороне умных.

Морской ветер трепал его льняные волосы.

Загудела сирена. Остроносый черный катер нахально встал посередине пролива. Капитан парома распорядился сбросить ход. Машины застучали тише, и вдруг девочка, спросившая

про войну, вскрикнула. Она первая заметила быстрый пенный след среди волн.

Нелли проследила направление ее взгляда и скрипнула зубами:

— Сволочи.

Удар в корпус парома показался негромким, но его услышали все. За ударом последовал резкий шипящий звук и новый заполошный крик сирены.

— Я разберусь, иди! — скомандовала Нелли.

Огонек кивнул; он взбежал на верхнюю палубу и осторожно наблюдал за происходящим внизу. Военный катер без флага и опознавательных знаков, конечно же, не заинтересовал диспетчеров обоих портов: после того как паром сбросил ход, над катером повисла «сфера невнимания». Но его видели двое Иных на борту парома. Те, за кем катер был выслан. Мальчик достал из-за пазухи литой жезл из черной стали, покрытый затейливой инкрустацией. В это время паром уже заметно накренился — вода быстро заполняла набитый машинами трюм. Сотням пассажиров уготовили печальную судьбу.

Даже для Темных это было слишком жестоким поступком. Конечно, тот, кто пустил торпеду, не рассчитывал, что Светлые погибнут. Он хотел

насолить им, добавить хаоса в тихий розовый вечер.

Огонек взглянул на остроносый катер сквозь Сумрак — и увидел их: восемь тлеющих аур на черной пластине Тьмы. Мальчик вскинул жезл и ударил по кораблику «прессом» чудовищной силы. Жезл опустел. Волны между сходящимися судами покатились вспять, вспучились пенным нарастающим валом Силы — он понесся к Темным, грозя опрокинуть катер…

…но встречная волна Силы остановила его. Темный маг на носу военного корабля высоко вскинул руку, и ответный вал «пресса» покатился навстречу. Две невидимые волны сошлись и с оглушительным хлопком нейтрализовали друг друга.

Тем временем крен парома остановился. Пока мальчик отвлекал внимание нападавших, Нелли залатала пробитое торпедой в борту отверстие. Никто из пассажиров, кроме девочки в красной куртке, ничего не понял.

Девочка была потенциальной Иной.

Огонек бросил за пазуху жезл; достал пистолет и несколько боевых амулетов. В этот момент остроносый катер коснулся бортом парома, и Темные пошли на абордаж.

Мальчик стрелял редко, но удивительно точно. Его заряженные пули прошивали защиту Темных как бумажную. Двое первых нападавших сорвались в воду, обливаясь кровью. Третий упал на палубу катера, зажимая простреленное плечо.

На губах Огонька появилась улыбка.

Вожак Темных сделал движение рукой — и сейчас же ослепительная искра холодного огня ударила мальчика по глазам. Он уронил оружие и закричал от боли. Багровый закат растекся в его мозгу кипящим маслом, заполняя череп кошмарной, невыносимой болью.

* * *

Мелекино, окрестности Мариуполя
26 сентября 2015, 20:16

В черном водовороте бури сверкнула молния — и в ее слепящем сиянии Светлые маги, укрывшиеся за камнями на уступе, увидели Темного гиганта. Вспененные потоки воды текли по его телу, состоявшему из глыб зеленого льда в пленке ила. Уродливая безглазая голова оказалась в каких-то метрах от укрытия Светлых.

Чудовище ударило руками о край обрыва — и камни с влажным стуком посыпались вниз. Один

из магов не удержался на кромке и с воплем упал в ревущую бездну.

Тем временем ночь сгустилась влажными комьями Тьмы — ночь воющего ветра, ночь, прошитая белыми иглами дождя. У дороги, ведущей вдоль берега на юг, собирались Темные маги, они наблюдали за атакой водяного монстра.

Светлые пятились назад.

Чудовище глухо взревело, словно голодный белый медведь. Оно сделало шаг, другой — вырастая над краем земли исполинской громадой замерзшей воды. Гнилые водоросли летели вниз, распространяя вонь. Траву покрыла мгновенная изморозь, на ней трепыхались выброшенные из моря ледяным големом рыбины.

Еще шаг — и монстр выбрался на дорогу. Пинком отбросил горящую «Газель» — машина полетела в пропасть и рассыпалась на множество пылающих кусков.

И тут навстречу водяному монстру поднялась Светлая фигура. Она быстро росла: за несколько секунд сравнялась с ним в высоте. То была Валентина. Контуры ее тела пульсировали золотым светом. Головы гигантов касались низко ползущих косматых туч.

Появление Светлой воительницы ее друзья

встретили радостными криками. Темные, наоборот, притихли.

Великаны медленно двигались кругами во мраке над дорогой, не решаясь нанести первый удар, под их весом разваливалось и так скверное асфальтовое покрытие; облака пыли, поднятые их ногами, прибивал дождь. Ледяной монстр качнулся вперед, и его кулак со свистом разорвал воздух. Его соперница проворно отшатнулась и в свою очередь нанесла удар мечом. Клинок со скрежетом проехался по плечу голема — и на землю посыпались куски зеленоватого льда.

Голем снова пошел в атаку, работая массивными кулаками, как заправский боксер.

Тогда Валентина пошла на хитрость. Улучив мгновение, когда ледяной великан замешкался, ударила файерболом в толпу Темных на той стороне дороги. Шипящий в струях дождя огненный шар понесся к толпе, он был огромен, настоящий царь файерболов, и каждый в толпе — в том числе и невидимый маг, что управлял соперником Валентины, — инстинктивно прикрылся. Коллективная защита Темных легко выдержала удар — шар огня растекся брызгами лавы и погас, но ледяной монстр на короткое время остался без управления.

Валентина не теряла ни секунды. Она выхватила из ножен пылающий двуручный меч и нанесла серию ударов — по тем местам, где суставы чудовища крепились к его плечам и бедрам. Гигант содрогнулся, рухнул с обрыва на берег моря и развалился на куски — словно снеговик по весне.

— Сбит! — ликовали Светлые.

Ночь отозвалась разочарованным криком Темных. Светлая волшебница, вдохновленная, шагнула вперед, поднимая над головой сияющий клинок.

Но сразу же остановилась. С юго-запада, из темноты, приближались новые отряды врага. Силы противников были неравны изначально, но теперь превосходство Тьмы становилось ошеломительным.

* * *

Черное море, к югу от Керченского пролива
26 сентября 2015, 20:24

Последние лучи заката погасли. Два судна, сцепленные абордажными крючьями посреди пролива, медленно дрейфовали к югу, и оба порта скрылись во влажной дымке, ползущей с севера

вместе с непогодой. Погруженные в сон люди лежали повсюду на палубе парома — на тех местах, где их застал наложенный Нелли «Морфей». Они казались мертвыми.

Огонек поднял голову. Сквозь кровавый туман он увидел — в свете палубного фонаря у борта стоял Дориан, сжимая в объятиях Нелли. Вокруг них лежали мертвые и умирающие Темные маги.

Дориан пожертвовал всей своей командой и теперь вступил в бой, полный сил, когда враг истекал кровью. Подло даже по отношению к своим — но неизменно эффективно.

— Хороша, спелая вишенка, — Дориан втянул ноздрями запах волос Светлой волшебницы, словно аромат цветов, сорвал с ее плеч куртку, — как раз в моем вкусе.

Он рассмеялся.

Раненая женщина попыталась ударить его — он легко перехватил удар, заломил ее руку за спину.

— Неужели этот миг настал, — глаза Дориана сверкнули в темноте, как два карбункула, — о, я не могу поверить… Самые сладкие мечты сбываются. Сегодня нашим давним дрязгам будет положен конец. Ты и я, вдвоем на этом корабле в море — романтика!

Разбитые в кровь губы Нелли едва шевелились.

— И ты не рада мне, красотка? А я-то скучал по тебе все эти годы.

Быстрое движение во мраке не укрылось от взора Дориана — не выпуская из рук плечо Нелли, он извернулся и схватил подкравшегося Огонька.

— Кто это у нас тут? Яблочко недалеко укатилось от яблоньки, как я посмотрю!

Он грубо оттолкнул Нелли и привлек мальчика к себе, ласково взял за ухо, заглянул в глаза — и дыхание Темного колдуна было как запах гнилого мяса на скотобойне:

— Мама рассказывала тебе про доброго дядюшку Дориана?

* * *

Мелекино, окрестности Мариуполя
26 сентября 2015, 20:28

— Отступаем, — свистнула Валентина, — все уходим, быстро, это приказ!

Она уже обрела свой обычный размер (трансформация требовала огромного расхода Силы). Темные накатывались из ночного мрака неостановимой волной. Их было множество: десятки,

если не сотни Иных. Грохот выстрелов превратился в сплошную барабанную дробь. Валентина слышала, как о ее «радужную сферу» со свистом и стуком чиркают заряженные пули. Еще один из ее дозорных упал с обрыва в море, пораженный выстрелом в голову.

Ночь дышала смертельным холодом.

Все амулеты Вали были пустыми и холодными, словно обычные камни.

— Назад, назад, все ко мне!

Двоих бойцов она уже потеряла — слишком высокая цена за то, чтобы отвлечь внимание Темных от Керченского пролива.

Валентина зажгла портал прямо на траве, посреди оврага, — он походил на золотистую расщелину, ведущую в бездну.

Один за другим дозорные упали в него, в буквальном смысле проваливаясь сквозь землю.

Валентина уходила последней. Она вскинула жезл и наотмашь хлестнула волной огня в кипящую злобой ночь. В ответ Тьма взревела залпом из многих стволов. Светлая волшебница бросила последний тревожный взгляд на юг (там бесновалась буря) — и шагнула в мерцающую пустоту.

* * *

Черное море, к югу от Керченского пролива
26 сентября 2015, 20:30

— Мама рассказывала тебе про доброго дядюшку Дориана?

Огонек не сопротивлялся. Он застыл, словно загипнотизированный черным взглядом своего врага.

Безвольное подчинение как будто насторожило Темного мага. Он ждал чего-то другого… но ожидание близкого развлечения сделало его бесшабашным. Нелли лежала на палубе, обессиленная, искалеченная, не способная даже поднять руку для защиты. А что мог мальчишка, лишь недавно ставший Иным, против него, мага первого уровня?

— Держу пари, мать наврала тебе про меня с три короба. — Дориан улыбнулся, крепко прижал к себе Огонька, похлопал по спине. — На самом деле я классный чувак. Мы с тобой станем друзьями!

Он расхохотался. В его руках Ярик казался маленьким и беззащитным.

То, что произошло потом, длилось мгновение.

Мальчик в объятиях Темного мага неуловимо изменился, вырос. Лицо его теперь окружала окладистая черная борода, высокий белый лоб блестел в электрическом сиянии прожектора. Дориан понял, что был обманут, и, не тратя времени, попытался прыгнуть за борт — но Книжник уже крепко держал его. Заклятье — мощное, короткое и хлесткое, неповторимое, заготовленное давным-давно — сорвалось с губ, и в тот же миг пылающий клинок возник в его ладони; он разорвал мощную защиту Темного, как ветхую мешковину, раздвинул ребра, пронзил легкие — и с хрустом вышел из спины, переломив хребет.

Дориан закричал — так, что вопль его слышали за десятки километров.

Множество мыслей успели пронестись сквозь мозг Темного за это короткое мгновение. Его демонстративное презрение к смерти всегда было маской, в глубине души он ждал и боялся этого момента. Помутившийся взор упал на Нелли — но то была больше не Нелли. На палубе в луже крови лежал незнакомый темноволосый Светлый. Это был Айрат. Он смеялся, выкашливая кровь.

— Как?.. — шевельнулись губы Дориана. Горячая черная кровь мгновенно пропитала его рубашку и сюртук, хлынула на палубные доски.

Он был магом первого уровня! Книжник — едва ли третьего, его товарищ еще слабей, они не могли провести его, не способны были на такой обман…

…только если заклятие преображения, их лживые личины, не накладывал куда более сильный маг. Изощренный в тайных приемах, как… Инквизитор?

Локшин!

— Как… — повторил Дориан, оскалив белые ровные ряды зубов.

Он упал на Книжника, разодрал клыками его щеку, как вампир в поиске вены. Светлый маг отшвырнул своего старого врага — и тот, подхватив вываливающиеся из живота внутренности, рухнул на колени.

— Вот и конец нашим давним дрязгам, чудовище, — промолвил Книжник.

Он поднял сверкающий меч и одним ударом перерубил шею Дориана. Голова Темного мага покатилась по доскам, длинные черные волосы искрились в свете звезд.

* * *

Аршинцевская коса, Керчь, Крым
26 сентября 2015, 20:32

Они вышли на берег из волн неспокойного моря — Артем, Огонек, Нелли, Матвей, Скиф и Лина. Вода струйками стекала с их одежды на песок. Артем с улыбкой взглянул на дрожащую от холода девочку, щелкнул пальцами — и платье на шестерых Иных стало сухим.

— Вот мы и в Крыму. Все живы?

— Не дождешься, — ответила Нелли, — я не думала, что это будет так просто.

— Для вас просто, — усмехнулся Инквизитор, — но, между прочим, дно пролива все состоит из густого ила. Если бы я не укрепил его, мы бы завязли в нем, как в болоте.

Они помолчали, вслушиваясь в звуки ночи. Ветер налетал порывами, ворочался в зарослях сухой травы, волны с шелестом накатывались на берег — высокие, в барашках пены. Пахло водорослями и мазутом.

— Кому пришлось непросто, — глухо проговорил Скиф, — так это Книжнику и Айрату.

Вдалеке в море что-то ярко сверкнуло — и в этой мгновенной ослепительной вспышке Иные увидели сцепившиеся бортами паром и военный катер. Вскоре слуха достиг ужасающий вопль, от которого волосы встали дыбом у всех. Так мог бы кричать умирающий тираннозавр.

— Это *он*, — выдохнула Нелли, — похоже, дяде удалось.

Матвей подошел к жене и заключил ее в объятия. Плечи ее сотрясались от беззвучных рыданий.

Огонек хотел спросить маму, почему она плачет, — но промолчал. Он начинал понимать родителей без слов.

Артем указал на север. Там, среди клубящейся тьмы, еще мерцали алые зарницы.

— Темные бросили главные силы туда, стеречь путь по суше. Спасибо Валентине, которая отвлекла этот удар на себя. Нам предстоит последний рывок. Тайпан ждет нас и подготовился к встрече — через портал в Крым не попасть, над его границами, повторяя очертания полуострова, повис барьер. Не думаю, что стоит пользоваться порталами и в самом Крыму.

— Предлагаешь идти пешком? — спросила Нелли.

— Скоро мы будем в Судаке, обещаю тебе.

* * *

В открытом море
26 сентября 2015, 22:02

Айрат умер, когда огни Керчи скрылись вдали. Ушел тихо, не сказав и слова на прощанье. Возможно, понимал — расставание с последним боевым товарищем будет недолгим. Но может быть, спешил к своей Софи.

Томас де Вермандуа — он же Книжник, он же Иван Кравцов, — последний рыцарь давно уничтоженного Ордена тамплиеров, без сил сидел на палубе, глядя на небо. Порой он порывался встать и сделать что-нибудь: нащупать в карманах телефон и позвонить Нелли, чтобы попросить о помощи или просто сказать «прощай», — но телефон куда-то завалился; старый маг поискал взглядом лодку или надувной плот, но на пароме были только спасательные круги. Потом Книжник сидел неподвижно, привалившись к борту, глубоко вдыхал морской воздух и смотрел на звезды, перебирая в памяти их древние имена.

На зубах Дориана был яд. Он проник в кровь Светлого колдуна и теперь растекался по венам — медленно, но верно выгоняя из тела жизнь. Книжник испробовал все известные ему исцеляющие заклятия, но смог лишь замедлить стремительное действие яда.

Небо очистилось от туч и закручивалось над головой мерцающим звездным водоворотом.

Непогода осталась позади. Течение пронесло сцепившиеся корабли мимо исполинских свай строящегося Керченского моста — и теперь Крым темной громадой плыл на фоне звезд с севера; а на юге, востоке и западе простиралось бескрайнее море.

Книжник помахал рукой в сторону берега, посылая последний привет. Он умирал с улыбкой на лице. Пусть цена оказалась высока — но его месть свершилась.

С четырнадцатого века по заданию Савойского кардинала (тайного сторонника тамплиеров) Томас де Вермандуа находился рядом с потомками Амелии де Карси, не подозревая, что опекает род самого де Моле. Теперь их тайна была раскрыта — но это уже не имело значения. Скоро Огонек доберется до Сердца Сумрака и исполнит предначертание великого предка.

Когда «Морфей» перестал действовать, а пассажиры парома начали просыпаться и в изумлении оглядываться, вслушиваясь в шум волн, Книжник уже навсегда исчез в Сумраке.

Часть 3
Тайный дозорный

Глава 1

Королевство Франция, Париж,
остров Жюиф
Вечер 18 марта 1314 года

Они стояли в толпе ротозеев на берегу Сены, в стороне от места будущей казни. Светлый и Темный — двое юных Иных, похожие друг на друга как братья-близнецы или зеркальные отражения. Оба среднего роста, с горделивой осанкой, нежной белой кожей и холодными серыми глазами. Даже одеты они были одинаково — шелковые кюлоты, искусно расшитые золотыми узорами котарди, и длинные венецианские плащи: все черное, как крыло летучей мыши, — в знак траура; на головах — изящные шапероны, на тонких поясах витого серебра — арагонские кинжалы. Оба со скукой наблюдали, как палачи громоздят связки поленьев для костров. Лишь две детали отличали облик юношей друг от друга: Светлый

носил на безымянном пальце перстень с крупным рубином, ограненным в форме черепа; на груди Темного покоился широкий амулет, украшенный сложным рисунком с драконьим глазом и многоногой свастикой. В этих ли пугающих талисманах было дело, или в надменных взглядах, но парижские ротозеи не осмеливались приблизиться к юным дворянам — и в толпе вокруг них образовалась пустота.

Тысячеглавая масса горожан гомонила взволнованно, ее теснила стража из нескольких сотен лучников. Невзирая на пронизывающий ветер, зеваки сходились со всего города, заполняли берега, гогоча, почесываясь и предвкушая. В грязных волнах Сены качались многочисленные лодки. Но дворцовый сад, отделенный от острова Жюиф тонкой протокой, оставался тих, а окна королевской галереи темны.

— Где же наш обожаемый монарх? — спросил Светлый.

— Появится, когда чернь будет занята зрелищем, — процедил его спутник с ироничной улыбкой, — он не слишком-то любит свист и улюлюканье простолюдинов.

И в самом деле, как только на вытоптанном лугу перед кипами дров появились осужденные

на смерть и внимание толпы обратилось на них, окна во дворце распахнулись, и на галерею вышли несколько высокородных зрителей. Среди них — король Филипп Красивый и принцы. К тому моменту пала ночь, но весь островок был ярко освещен огнем многочисленных факелов.

Великий магистр Ордена тамплиеров Жак де Моле и осужденный вместе с ним приор Нормандии Жоффруа де Шарне, подгоняемые стражей, взошли на скрипучий деревянный помост. Измученные многолетним заточением, истерзанные пытками старики держались с достоинством. Ветер играл их длинными бородами как паклей. Палачи, глумясь, украсили седые головы рыцарей бумажными митрами, которыми обычно венчали еретиков. Сегодняшнее аутодафе знаменовало окончание разгрома ордена. За несколько лет были обвинены в самых ужасных грехах, казнены, ограблены или изгнаны из Франции тысячи благородных рыцарей. Настала очередь их вождя взойти на костер.

— Де Моле — величайший маг нашего века, — по лицу Светлого пробежало облачко тревоги, — и вся его стража — это сотня лучников?

Темный ответил с легкой улыбкой:

— Его давно лишили способности к колдовству.

Присмотритесь сквозь Сумрак.

— Действительно. У них на шеях… что это, мессир? Какие-то серебряные кольца?

— «Поводки». Великий Светлый магистр, пред коим трепетала вся Франция, вот уже семь лет как не сплел ни единого заклятья. Все тамплиеры, до кого Инквизиции удалось дотянуться своей карающей десницей, не опаснее ныне, чем обычные люди.

— Вы успокоили меня, мой друг, — кивком поблагодарил Светлый.

По толпе пронесся гул возбуждения: «еретикам» дали поцеловать распятие и привязали к столбам. Казалось, весь Париж затаил дыхание и смотрит на казнь с обоих берегов реки. Тускло подсвеченные окна дворцов походили на бесчисленные подслеповатые глаза. Одиноким оком подмигивала вдали Нельская башня. Самое высокое здание города — замок Тампль, возведенный столетие назад рыцарями добиваемого ныне ордена, — как будто покосился под грузом горя. Суетливо забегали палачи с факелами в руках. Они напоминали испуганных крыс. Костры разгорались неохотно: дрова отсырели, едкий дым полз по-над берегом. Из-за резкого запаха смолы и чада горящих сучьев дамы на галерее прикры-

вали лица платками.

— Немного жаль беднягу де Моле, — проговорил Светлый, нервно сжимая тонкими пальцами рукоять кинжала, — в конце концов, он был моим добрым товарищем. Жаль, что иначе его нельзя было остановить.

— В политике жестокость — залог выживания, — ответствовал Темный, — порой ради общего блага приходится отправлять на смерть даже лучших друзей. Дело тамплиеров было губительно для всех Иных, и для Светлых тоже. Но взгляните на его величество и на господина Ногарэ. Эти серые ауры. Я никак не могу привыкнуть.

Филипп Красивый стоял на галерее, опершись о мраморные перила. Его глаза блестели отраженным огнем костров. Из-за края парчовой занавеси за казнью наблюдал рыцарь Гийом де Ногарэ (его могли заметить только Иные, и то лишь очень наблюдательные: Хранитель печати годом ранее инсценировал свою смерть — в страхе перед местью оставшихся на свободе тамплиеров). Пусть не их руки поджигали костры и опускали топоры палачей — но именно эти двое вместе с папой Римским Климентом уничтожили великий магический орден. Трое высокоранговых Иных,

отрекшихся от своей масти, ставших Серыми. Ради справедливости, ради мира, ради общих интересов Тьмы и Света.

Пламя жадно рванулось вверх, охватило Жоффруа де Шарне, старик закричал от страха и боли. Публика невольно подалась назад. Платье на старике загорелось с треском, борода вспыхнула и исчезла. Ужасная агония длилась не больше минуты, затем несчастный тамплиер без сил повис на веревках.

Настала очередь Великого магистра. Когда огонь объял его, де Моле долго сдерживал крики, содрогаясь у своего столба от непредставимой боли.

Внезапно шум пламени прорвал голос Великого магистра — и слова его были обращены ко всем и беспощадно разили каждого.

— Позор! Позор! — вскричал он. — Вы все видите, что гибнут невинные! Позор на всех вас! Вам не уйти от Божьего суда!

Коварный язык пламени подкрался к нему, опалил бороду, в мгновение ока уничтожил бумажную митру, поджег седые волосы.

Толпа безмолвствовала в оцепенении. Лицо де Моле, пожираемого пламенем, было повернуто к королевской галерее. И громовой голос, сея

страх, вещал:

— Папа Климент… рыцарь Гийом де Ногарэ, король Филипп… не пройдет и года, как я призову вас на суд Божий, и воздастся вам справедливая кара! Проклятие! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!..

Пламя закрыло ему рот и заглушило последний крик Великого магистра. И в течение минуты, которая показалась зрителям нескончаемо долгой, он боролся со смертью.

Наконец тело его, перегнувшись пополам, бессильно повисло на веревках. Веревки лопнули. Великий магистр рухнул в бушующий огонь, и из багровых языков пламени выступила поднятая рука. И пока не почернела, не обуглилась, все еще с угрозой вздымалась к небесам.

Не дожидаясь окончания казни, многие зрители принялись расходиться, едва ли не разбегаться по домам. «Ведь это же не нас он проклял? — спрашивали они друг друга. — Ведь это про короля и папу?» Студеный ветер немилосердно трепал изысканные мантии дворян и дырявые лохмотья клошаров, словно в Париж вернулась зима. Великий город, будто устыдившись совершенного его жителями, испуганно отхлынул от пепелища на острове Жюиф.

Двое юношей стояли на берегу Сены, пока не прогорели костры, и завороженно смотрели на скорченные черные силуэты в рдеющей мешанине углей. Рой огненных мотыльков взлетал к небу. Ветер разнес тяжелый запах гари вдоль реки, и остров Ситэ казался скрытым за стеной тумана.

— Что-то мне не по себе, — сказал Светлый сиплым голосом.

— О, еще бы, — только и смог ответить Темный.

— Ведь он потерял всю Силу, не так ли?

— Вне всяких сомнений.

— И проклятие — просто слова?

— Пустые слова, — эхом повторил Темный.

Они долгим взглядом посмотрели в глаза друг другу, пытаясь прочесть в их глубине подлинные мысли.

— Что ж, раз дело кончено, предлагаю оставить это печальное место.

— Идемте поищем нашу лодку, мессир.

Лодка нашлась неподалеку. Перевозчик, коренастый бретонец в высоких кожаных сапогах, стоял по колено в воде, удерживая ее. Завидев господ, он подтащил челн к берегу и помог дворянам подняться на борт. Светлый отблагодарил

его золотым денье Людовика Святого — и задохнувшийся от удивления лодочник сразу же налег на весла, направляя лодку к Гревской площади, пока молодой господин не сообразил, что по ошибке отдал золотой вместо мелкой монеты, и не потребовал его обратно.

— Все могло бы кончиться иначе, не будь Великий магистр таким упрямцем и собственником, — снова заговорил Светлый. Казалось, ему тяжело дается молчание.

— Все закончилось наилучшим образом, — снова успокаивал его Темный, — без де Моле дело тамплиеров мертво.

— Но Инквизиция не нашла ни его золото, ни артефакт. Вообразите, сколько добра можно было бы свершить с его помощью.

— Или зла…

— Добро и зло — абстрактные философские понятия, вам ли не знать, мессир? Каждый меряет субъективной мерой.

— Никто не запрещает творить добро и зло безо всяких артефактов. — Темный задумчиво смотрел на черные волны. — Де Моле был великим — возможно, величайшим из Иных за многие века. Но сила без провидения не сила, а искусность не равна мудрости. Он пошел по гибельному пути

и увел следом слишком многих. Помыслил, что имеет право решать за всех, какими нам быть. Каким быть всему миру! Хотел заставить нас изменить своей природе. И заставил бы — если бы успел осуществить свой план. Он слишком многое желал в него вложить… и в итоге не сделал ничего. Представляю, какие ужасные мучения он пережил из-за этого, томясь в заключении в Тампле. Хвала Изначальным Силам: верно говорят мудрецы — их тяга к равновесию безгранична. Свет воссиял слишком ярко — но приход в мир Серости стал ответом Сумрака на вызов. Мы с вами только что стали очевидцами конца тамплиеров и их безумной затеи. Де Моле ушел во мрак, а без его крови артефакт — только красивая игрушка.

— Надеюсь, вы правы, мессир. К счастью, у союза Темных и Светлых магов хватило сил остановить магистра. Но ведомы ли нам пределы его возможностей? Что, если Сердце Сумрака — где бы оно сейчас ни находилось — исполнит последнее желание своего создателя?

Лодочник мерно поднимал и опускал весла, борясь с течением. Он не слышал разговора своих пассажиров — ему казалось, они проделали весь путь до острова Жюиф и обратно в полном молчании. Что ж, ему не было до этого дела. Может

быть, благородные юноши были подавлены ужасным зрелищем. Главное, они щедро платили.

— Если Сердце Сумрака выполнит волю магистра, — прошептал Темный на ухо спутнику, — тогда королю нужно бежать без оглядки на край света. И не только ему.

* * *

Крым, окрестности Судака
29 сентября 2015, 05:55

Артем падал в мрачную ледяную пропасть. Теплый свет остался далеко позади, черная пустота с тихим шелестом проносилась мимо, и звук рвущегося пространства рождал в сердце тоскливое чувство обреченности. Скорость падения росла каждую секунду. В глубине бездны поджидало нечто голодное и злобное — нечто огромное, как сама бездна.

– То, что заперто там, — вне вашего понимания, — прошептал странно знакомый голос, от которого веяло замогильным холодом. Где Артем мог его слышать? Что-то жуткое, связанное со Швейцарией и тамошней тюрьмой.

Он видел движение во мраке — хищное скольжение исполинской изголодавшейся змеи, что

почуяла живую плоть. Странно: Локшин не чувствовал страха. Только тоску и безнадежность.

— А ведь из тебя мог бы получиться прекрасный Инквизитор, — заметил другой голос. Подзабытый голос из детства.

Артем увидел падающего рядом старенького Карла Ивановича, что жил в соседнем дворе. Мудрого товарища, с которым столько раз беседовал о жизни. Ветер сорвал с головы Инквизитора-пенсионера серый берет и забросил в бесконечную тьму. Остатки седых волос венком окружили голый череп старика.

— Я старался, — пролепетал Локшин, — я был хорошим.

— Светлые воспользуются твоей Силой и сделают так, как им нравится. Ты просто поможешь им провести мальчика в Золотой Чертог, а потом от тебя избавятся, как от ненужного свидетеля.

— Нет-нет-нет, — горячо воскликнул Артем, — я сильнее любого из них!

— Но не сильнее их всех вместе. Среди них ты снова становишься Светлым.

— Я сам по себе. Я над схваткой — и этим прав.

— Схватка вот-вот начнется — и ты, выходит, поможешь одной из сторон.

— Или одна из сторон поможет мне!

— Разочарование — вот что я чувствую, глядя на тебя…

— Я не могу забрать мальчишку силой! Его мать и отец скорее убьют меня.

— Ты мог бы убежать с ним, пока все спят.

— Мальчик возьмет с собой в Золотой Чертог только друга. Нельзя стать другом насильно!

Карл Иванович не ответил. Лицо старого Инквизитора потемнело — первыми исчезли глаза, затем нос и рот; осталась черная пустота, сквозь нее просвечивали колючие звезды.

— Куда вы? — Локшин почувствовал непередаваемый ужас. — Не бросайте меня!

Полет резко ускорился. Исполинская тварь из глубины рванулась навстречу, раскрыв пасть…

…Артем вскрикнул и проснулся.

Он лежал среди обветренных валунов на ложе из ворсяного одеяла, накрывшись курткой. Небо над головой посветлело до оттенка кофе с молоком. На востоке алела тонкая полоса рассвета.

Локшин сел, растирая затекшее плечо. Рядом спали, завернувшись в одеяла (их реквизировали в хостеле на берегу моря), его Светлые спутники. Скиф исчез. Вечером он вызвался в караул и сейчас, по-видимому, в одиночку патрулировал окрестности. Над обрывом на уступе темнел

тонкий силуэт. Огонек не спал. Он сидел на плоском камне, обхватив колени, и смотрел на город внизу.

Инквизитор поднялся и бесшумно — только бы никого не разбудить! — направился к мальчику.

— Волнуешься перед завтрашним днем?

Огонек посмотрел на него с удивлением. В глазах его отражался рассвет.

— Не очень. Мне лично ведь ничего не угрожает, так?

— Темные хотели бы захватить тебя и использовать. Но, не зная пределов нашей силы, могут попытаться просто убить.

— Я всем нужен. Без меня этот ваш артефакт не заработает.

— Ты знаешь боевые заклятья?

— Мама показывала мне «фриз». Но я еще не пробовал по-настоящему.

Локшин сдержал улыбку.

— Позволишь сесть рядом?

— Садись.

Артем опустился на покрытую сухим мхом каменную плиту. Отсюда открывался вид на Судак — старинный торговый город, выросший меж скал и холмов на берегу моря. Вниз убегала разбитая дорога — месиво сухой земли и белого

камня с едва заметной колеей от протекторов автомобилей, что когда-то переваливали здесь через гряду гор и двигались в сторону Феодосии. С тех пор городские власти проложили новую асфальтовую дорогу, к северу отсюда. Судак представлял собой неровные ряды частных домиков, разбитых на кварталы все той же грунтовкой, которые ближе к берегу моря перемежались отелями и кафе. Вдалеке, на противоположном конце города, возвышалась крепость. Каменная стена отделяла ее от кварталов, взбиралась высоко на вершину — как защита со стороны моря. Квадратные зубцы башен и стен темнели на фоне рассветного неба.

А над всем городом, словно прозрачный зонтик, как призрак ядерного гриба, висел Столп отчуждения. Он был виден только в Сумраке, но даже в физическом мире Артем ощущал себя так, будто на плечи давит тяжесть. Кто поставил его? Завулон и Гесер, конечно же, будут все отрицать, но без ведома хотя бы одного из них Столп бы не возник.

А что, если они оба в курсе того, что здесь творится? Что, если они с ухмылками наблюдают сейчас за нами?

— Настоящий средневековый замок, — нару-

шил молчание Огонек.

— Его построили генуэзцы в четырнадцатом веке. Конечно, с тех пор несколько раз перестраивали…

— Ты был внутри?

— Нет, но я знаю, что там. Старые храмы, казарма для солдат, музей… руины. Золотой Чертог скрыт где-то в самой горе.

— Неужели никто не смог войти в него за все эти века?

— Тамплиеры делали все очень основательно. Даже твои предки долгие годы не знали, что у них есть наследство в Крыму. Сердце Сумрака искали многие — но в иных краях. Лишь недавно Завулону удалось каким-то образом разузнать о его местонахождении. Раз уж он не смог обойти защиту, значит, вряд ли смог бы кто-то еще.

— Завулон — это главный злодей?

— Главный Темный Иной.

— Это он присылает за мной охотников?

Артем хотел кивнуть, но понял, что косвенно настроит этим Огонька против Темных и усилит таким образом в нем и так сильную склонность к Свету, — и не стал.

— Были бы твои родители Темными, — объяснил он, — прислал бы своих охотников главный

Светлый Иной. Ты же знаешь, что они вечно цапаются.

Из-за горы показался багровый краешек солнца. Артем и Огонек помолчали, глядя на рождение нового дня, что мог стать для обоих последним.

— Уже несколько ночей вижу во сне эту гору, — тихо проговорил мальчик, — мне кажется, я видел ее во снах всю жизнь, но наутро забывал.

— Твоя судьба связана с этим замком.

Огонек сказал, поколебавшись:

— Я должен выбрать кого-то одного, да? Ну, кто войдет со мной туда.

Локшин осторожно оглянулся — Лина и родители Огонька по-прежнему лежали неподвижно, завернувшись в одеяла, Скифа не было видно.

— Выбор нелегкий. Но придется его делать. Ты наследник Великого магистра.

— Я понимаю. Я хочу помочь — но боюсь ошибиться.

Инквизитор изобразил равнодушный взгляд вдаль, внутренне ликуя.

Удача, какая удача, что я застал его здесь одного.

— Никто не будет тебя заставлять, Огонек. Ты уже взрослый и можешь решить сам.

— Какой же я взрослый. Отец верно сказал —

дали бы мне сначала вырасти!

Мальчик тяжело вздохнул, и стало видно — он очень устал.

— Может быть, — сказал Артем, — только ты и можешь сделать правильный выбор. Твой взгляд на эту бесконечную войну еще не замутнен. Цвет твоей ауры еще не предопределяет всех твоих шагов.

— Моя семья за Свет. Как я могу пойти против?

Артем положил руку мальчику на плечо:

— Они не виноваты в том, что хотят победы Света. Они всю жизнь сражаются с Тьмой. По-иному и быть не может. Но Великий магистр де Моле сам не решился пойти на подобное. Он был очень мудрым Иным, мудрее всех нас, вместе взятых.

— Чего он боялся?

— Представь, что Свет победит навсегда. Бóльшая часть Силы в этом мире уйдет Светлым. Станет ли мир лучше? Будут ли счастливы многие и многие Иные? Темных — большинство, им придется подчиниться. Они никуда не исчезнут — но будут вечно жить на положении второго сорта. То же самое, только с другим цветом, случится, если победит Тьма. Равновесие уйдет из мира навсегда. И ничего нельзя будет изменить.

— Почему победа Света — плохо? Ведь Светлые

добрые. Я уже видел много Иных… Светлые правда хорошие. А Темные… они как чудовища.

— Ты так думаешь, потому что сам не стал Темным. И твои родители не стали. С точки зрения Темных — все наоборот. Все субъективно. Знаешь, что это значит?

Огонек кивнул:

— Это значит, что зависит от точки зрения.

— Молодец. Кто бы ни получил власть над миром, с точки зрения другой стороны это будет ужасной катастрофой. Я — Инквизитор. Я — судья и защитник мира. Защитник объективности. Посмотри на цвет моей ауры. Я выбрал его для того, чтобы не участвовать в бесконечной войне, потому что объективно обе стороны не правы.

Мальчик долго смотрел на него в задумчивости:

— Но для защиты объективности тебе приходится убивать и тех и других. Ты воюешь и со Светом, и с Тьмой.

— Верно! — воскликнул Артем. — Верно! И я не хочу этого больше, мне всегда больно от этого. Я хочу мира. Понимаешь, о чем я прошу тебя?

— Ты хочешь, чтобы я взял тебя с собой… туда?

— Я страстно желаю этого.

— Чтобы остановить войну?

— Чтобы война вообще была более невозможна. Изменим мир, Ярик! Пусть все Иные будут одного цвета. Взгляни на меня: я Серый — и я наслаждаюсь этим. Мы ничего не потеряем, лишь приобретем. Довольно крови, довольно интриг. Больше не будет субъективного добра и зла, эти понятия станут общими для всех. Надо только пожелать. Желчь поражений, похмелье побед… но любую цену искупит вечная ничья.

Скиф, прижавшийся спиной к скале в трех метрах позади Артема, внимательно слушал. Его пистолет был заряжен патронами с острыми золотыми пулями, на каждом из которых лежало мощное заклятье. Любая из пуль была смертельной даже для Иного первого уровня, каким был Локшин.

— Звучит классно, — тихо вымолвил Огонек, — но я не уверен.

Артем скрипнул зубами от разочарования:

— Герда настроила тебя против меня…

— Не обижайся, — торопливо добавил мальчик. — Я всегда был за мир, представляешь? Я не принимаю их вечную войну. И я не трус, честное-пречестное слово, просто война не для меня. Может быть, я стану целителем, как Книжник. Так жаль: я с ним только познакомился — а он

уже умер.

— Если ты не боишься, то почему…

— Потому что это большое дело, решать за всех. За весь мир!

— Сильные всегда решают за слабых, — возразил Локшин.

— Разве это правильно? — удивился Огонек. — Они им не родители.

— Жак де Моле решил за тебя. Он сделал тебя вершителем судьбы всего мира. А намерения у нас с тобой самые чистые: счастья для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным!

Огонек усмехнулся устало:

— Знаешь, человеком жить мне больше нравилось. Теперь я стал словно каким-то биороботом, что ли. Умри, но сделай. Самое ужасное, что я чувствую — теперь, когда я так близко к нему… если не пойду туда, могу и в самом деле умереть.

Артем продолжал — мягко, но настойчиво:

— Я тебе сочувствую, правда, Ярик. Знаешь, я стал Иным в твоем возрасте. Я не просил об этом, меня инициировали в ужасной ситуации, при большом стечении народа. Тот, кто это придумал, хотел, чтобы я стал Темным, вырос — и защищал вот эту крепость от тебя с мечом в руках. Твои родители и Скиф вмешались и перетащили меня

на Светлую сторону. Это нелегко — чувствовать себя чьей-то игрушкой.

Мальчик жадно ловил каждое слово.

— Не мучай себя, Огонек. Зачем тебе это бремя? Зачем потом чувство вины? Оно ведь неизбежно, как и обвинения от недовольных — а они всегда будут. Доверь решать мне. Я среди вас самый сильный Иной. И уж точно самый беспристрастный.

Скиф вынул из кобуры пистолет, положил палец на спусковой крючок. Багровый луч солнца отразился от гладкого черного металла.

Огонек молча смотрел вниз, на спящий город. Артем очень нравился ему. Он был первым взрослым в его жизни, кто говорил с ним на равных, с уважением. Более того, мальчик чувствовал некую общность с ним — словно встретил старшего брата. Но что-то мешало безоглядно довериться ему и дать согласие.

Был ли это цвет ауры? Пожалуй, нет, тут Инквизитор прав.

Ненависть к Темным? Пожалуй, да — очень уж неприятными были те, кого из них он успел встретить. Но разумом Ярик понимал: в мире Иных все и в самом деле непросто. Эти впечатления не влияли на его выбор.

Мнение родителей? Он любил их — но чувствовал, хоть и не мог в полной мере осознать: настало время взрослеть, и первое же самостоятельное решение вдруг становилось самым важным во всей жизни.

Есть ли в такой ситуации вообще правильный выбор? Любое решение несет в себе новую проблему.

Если только не сделать так, как предлагает Скиф.

Оставить все как есть. Войти туда, в двери золотого храма, и попросить ничего не менять. Твое бремя будет снято, тайные ворота захлопнутся на века. И винить себя будет не в чем.

Мама говорила, Скиф — самый умный из Иных, кого она знала. Сумрак — это мировая стихия, океан. Любая попытка изменить его навсегда может обернуться ужасными последствиями. Внезапно Огонек понял, что чувствовал его далекий предок — который создал самый могучий волшебный артефакт в истории и не смог решиться его использовать.

— Я думаю, — начал мальчик, — что ты во многом прав…

Со стороны холмов донесся резкий короткий свист. Огонек и Артем вскочили на ноги, Локшин

потянул из ножен меч.

— Прячь оружие, Инквизитор, — послышался звонкий девичий голос, — против этой силы тебе не выстоять.

— Валя! — Лицо Артема просветлело.

Огонек оглянулся и увидел — Скиф и его родители уже стояли рядом, с пистолетами в руках.

— Валя, — повторил Матвей, со смехом облегчения убирая оружие.

По старой дороге к лагерю быстро двигался крупный отряд. От количества Светлых аур у мальчика зарябило в глазах. Он ни разу в жизни не видел столько Иных, собравшихся в одном месте. Впереди шагала шеф Особого отдела Ночного Дозора в легкой куртке и джинсах, с мечом за спиной, о бедра бились две кобуры с блестящими револьверами. Ее медовые волосы пламенели в рассветных лучах. Светлые обступили путников полукругом и с интересом поглядывали на Огонька. Он почувствовал себя неловко.

— Откуда вы в таком количестве? — спросил Артем.

— Разве ты не рад мне? — ответила вопросом на вопрос девушка.

Локшин сделал шаг вперед и привлек Валентину к себе. Она не отстранилась. От запаха ее волос

у Артема все поплыло перед глазами.

Неужели она снова со мной? Это не сон?

— Оперативники из разных городов и даже стран, — сказала девушка. — Здесь триста ребят и будет еще. Я привела их помочь Ярославу пробиться к Золотому Чертогу.

— Ты рассказала всем? — спросил Скиф. — Но тогда Гесер и Завулон будут здесь с минуты на минуту.

— Никто из ребят не знает истинной цели похода, — понизив голос, сообщила ему на ухо Валентина. — Мы позвали их бить Темных, и они пришли. Ты же знаешь, — она улыбнулась, — мы привыкли выполнять задания, не задавая лишних вопросов.

Скиф поймал ее взгляд и кивнул, едва заметно улыбнувшись в ответ.

— А что же Темные? — поинтересовалась Нелли.

— Они все уже там, — Валентина указала на крепость, — ждут нас, заряжают амулеты, острят клинки. Переправа не охраняется.

— А Инквизиция? Не может быть, чтобы они не узнали. У них полно стукачей даже в Дозоре.

— Инквизиция с нами, — Валентина обняла Локшина, прижалась щекой к его груди, — ты же

нам поможешь, правда, Артем?

Инквизитор вздрогнул и с удивлением посмотрел по сторонам, словно только что очнулся от сна. Триста Светлых вокруг или пятеро — велика ли разница? Его беспокоило, что Огонек не успел дать ответ на его вопрос.

— Конечно, — промолвил он, — я уже подумал над этим. С Инквизицией не будет проблем.

Пусть считают, что он снова за Свет. До поры.

* * *

Огонек наблюдал за Скифом издали. Пока все были заняты приготовлениями к бою, Светлый маг сидел в сторонке, глядя с обрыва на море вдали. Он, конечно же, заметил мальчика и жестом подозвал к себе:

— В бою держись позади. Думаю, враг уже готов просто отстрелить тебе голову, и делу конец.

– *Они* так боятся меня? — спросил Ярик, присаживаясь рядом.

— А ты бы не боялся?

— Не знаю. Разве я такой сильный?

— Нет, ты довольно хлипкий и совсем не страшный. Не обижайся. *Они* страшатся того, что ты можешь сделать с ними, если доберешься до Золотого Чертога.

— Например?

— Ну, скажем, развеять всех Темных пеплом по ветру. Или просто сделать так, чтобы они исчезли без следа. Вернее — не ты сам, а тот, кому ты доверишь идти с тобой. Если наш Серый друг не врет, Сердце Сумрака может что угодно. Ты чувствуешь что-нибудь, глядя на эту крепость?

Огонек задумался.

— Что-то чувствую. Это как… необходимость. Если я не пойду туда, я как будто… ну, не буду самим собой. Словно там, в замке, какая-то часть меня, понимаешь?

Скиф кивнул. Он достал из ножен меч и провел по лезвию пальцем.

— Можно? — поддавшись порыву, спросил мальчик.

Светлый маг бережно передал ему меч.

Руки Огонька дрогнули под тяжестью клинка — но ему хватило сил удержать его. Чувство восторга переполнило сердце мальчика. Ему казалось, меч поет в воздухе. У оружия была своя аура — серебристо-белая, как звездный свет, — и его собственная аура слилась с ней. Мальчик попробовал сделать несколько выпадов в сторону воображаемого соперника.

— Тяжеловат он для тебя, — сказал Скиф, — но

если уж смог поднять, то не руби, а коли. Вот так. Вкладывай силу. Понимаешь?

Маг взял меч в ладонь, легко, словно тот был из дерева, и показал несколько простых приемов. После этих коротких упражнений руки мальчишки заныли. Он с немым вопросом смотрел на неожиданного учителя, не решаясь попросить об отдыхе.

— Сойдет, — кивнул тот, — хватит пока. И запомни: убивает не сталь. Убивает твоя рука. Смертью ты останавливаешь смерть.

— Я запомню… а у твоего меча есть имя?

— Как ты узнал?

— Видно, какой он старый, — пояснил мальчик, — в Средние века рыцари давали имена своим мечам. Я читаю много книг. Древние верили, что клинки обладают собственной волей. Экскалибур короля Артура, кельтский Дирнуин, Дюрандаль у Роланда.

Светлый маг взял меч из его руки, поднял к небу, и солнечный луч сверкнул на лезвии.

— Ты угадал — у моего меча есть имя. Когда-то великий Светлый рыцарь Зигфрид носил его и погиб лишь после того, как с ним расстался. Перед тобой Бальмунг, меч подземных королей Нибелунгов. История его уходит в глубину столетий.

По этому лезвию стекала кровь тысяч злодеев, ибо он всегда служил только добру. Если черный сердцем завладеет Бальмунгом — он быстро погибнет и потеряет меч.

С внезапным трепетом Огонек подумал, что отдал бы многое за то, чтобы получить этот меч. Раз взяв его в руки, он больше не мог забыть, как клинок запел в воздухе. Но он понимал — этот могучий Светлый воин куда более достоин носить его.

— Скиф?

— Что?

— Если хочешь, пойдем вместе со мной в Золотой Чертог.

Ничто не изменилось в спокойном лице дозорного.

— Почему ты предлагаешь это мне?

— Тебе я верю больше других.

— Даже больше, чем родителям?

— В этом деле — да. Мои чувства к ним мешают мне быть объективным.

— Но ты едва знаешь меня, парень.

— Иногда человека… то есть Иного видно с первого взгляда.

Тут он заметил маму. Нелли сидела у края каменистой тропы и наблюдала за их разговором.

Она находилась далеко — и вряд ли слышала хоть слово. Впрочем, могла прочесть по губам.

— Спасибо, — проговорил Скиф, — но я не приму от тебя этот дар.

— Почему?

— Я не считаю, что вправе судить нас всех. Если б было иначе, я бы давно примкнул к Инквизиции, как Артем.

Огонек понурился.

— Но ты будешь рядом, правда? Вместе с Бальмунгом?

— Конечно, парень. Я не брошу своих.

— До конца?

— До конца.

Глава 2

Крым, Судак
29 сентября 2015, 11:00

Трое Темных дозорных погибли на месте, не успев взяться за оружие, четвертый — вампир — успел перекинуться в летучую мышь и взмахнул крыльями, чтобы взлететь, но был сбит огненной плетью. Некоторое время он метался по земле, рыча от боли, пока «серый молебен» не превратил его в кучку пепла.

Вожак Темных зарубил двух противников, прежде чем Валентина обезоружила его ударом клинка. Потеряв меч, он отступил к стене дома и сложил на груди руки.

— Вас было пятеро? — спросил Скиф. — В доме есть кто-то еще?

Темный лишь молча усмехнулся в ответ.

— Обыскать здесь все.

«Вот оно и началось, — подумал Матвей мимо-

летно. — Величайшее сражение современности».

Они обнаружили секрет Темных в двухэтажном недостроенном домике на перекрестке улиц Гагарина и Бирюзова. Адрес Матвей знал наверняка — утро он провел над картой города и выучил ее наизусть. Разведгруппу возглавил Скиф, он взял с собой три десятка бойцов и Валентину. Кот попросился с ними: сидеть в лагере было невмоготу. Нелли долго не хотела отпускать мужа, крепко обнимала его и отвернулась, скрывая слезы. Взяла обещание, что Матвей будет осторожен. Спускаясь со склона горы вместе с разведчиками, он обернулся и увидел ее на фоне тревожного серого неба. Нелли коротко махнула рукой вслед — он махнул в ответ.

Отряд двинулся быстрым маршем на юго-запад через квартал частных домов, по направлению к набережной. В небе ярко, по-летнему сияло солнце, вдалеке мерно шумел морской прибой. Шли под прикрытием «сферы невнимания», которую наложил и поддерживал сам Скиф. Город спал. Рано утром кто-то из Темных пустил в ход «Морфей» — обратив его сразу на тысячи людей, и, заглядывая в двери домов, Матвей видел на кроватях женщин, мужчин и детей, а рядом на полу — спящих кошек и собак. Он видел тихо

шелестящие ветви черешневых деревьев за заборами и выгоревшую жесткую траву на обочинах, видел застывшие на перекрестках машины и удивленных чаек на крышах домов.

Все готово для битвы.

Город казался вымершим, но Скиф издалека углядел отблеск линз бинокля в окне. Незаметно подобраться к секрету Темных было делом техники.

Когда начался допрос их вожака, Кот понял, что уже где-то его видел.

— Нам нужна информация, Локи, — Валентина была сама доброжелательность, — ответишь на вопросы — получишь жизнь и свободу.

Темный — ему не было на вид и тридцати, рыжий, ясноглазый — нагло усмехнулся:

— А если нет?

— На войне как на войне.

— Мы не объявляли вам войну.

— Необъявленные войны — самые кровавые в истории.

— Что ж, моя кровь не приблизит вас к победе. Но за нее вы дорого заплатите.

— Отвечай, что ты делаешь здесь? Кого вы ждали в засаде?

— Я простой дозорный и ничего не знаю.

Валентина и Скиф обменялись быстрыми взглядами.

— Мы все равно сломаем тебя, Локи, — сказала девушка, — но будет очень больно.

— Запугиваешь?

— Не хочу терять времени. Для тебя война закончилась. Зачем длить мучения?

— Не хочу терять чести. Пусть война для меня продлится еще немного.

— Начинай, Валя, — вмешался в их диалог Скиф, — я займусь безопасностью.

Домик был мал для такой большой разведгруппы, и Светлые переместились в расположенный через дорогу хостел «Рапана». Спящих людей вынесли в соседние дома. Отсюда была видна тень крепости на горе вдали. Матвей помог Валентине отконвоировать Темного на третий этаж.

— Думаешь, Локи успел сообщить своим? — спросил он шепотом.

— Вряд ли. Он спасал свою жизнь.

Но Матвей недоверчиво поглядывал на юг. Там мерно вздыхало под горой море.

* * *

Восточная окраина Судака
29 сентября 2015, 12:05

В лагере Светлых после ухода Валентины главным остался Олег, ее заместитель по Особому отделу. У него был лишь четвертый уровень Силы, и Олег немного стеснялся командовать — под его началом оказались маги третьего и даже второго уровня. Впрочем, опытные бойцы и так знали, что делать. Магию никто не использовал — берегли силы и не хотели тревожить Сумрак. Оперативники разбились на группы по землячествам — москвичи, петербуржцы, краснодарцы, новосибирцы, минчане — и тихо переговаривались, ожидая новостей от разведки.

К полудню солнце взобралось в зенит и жарко припекало. В выгоревшей бурой траве завели песню цикады. Огонек с трудом верил в то, что несколько дней назад находился в сыром и холодном Питере. Вместе с Линой они ходили за Олегом как привязанные и давали советы.

— Надо набрать побольше камней и сделать из них стену вдоль обрыва, — сказал мальчик, — мы спрячемся за ней и будем стрелять вниз.

— Надо разжечь костры, — предложила девочка, — *они* надышатся дымом, закашляют и подумают: лучше мы пойдем домой.

Олег бросал незаметные любопытные взгляды на Огонька и нервно жевал спичку:

— Никаких костров. Не стоит привлекать внимания.

Подошла Марина — в форме цвета хаки, с короткоствольным автоматом на плече. На голове — кепка с длинным козырьком, волосы убраны в аккуратный хвост.

— Ты похожа на рекламу «Красных бригад», — сказал Олег, — слышишь чеканный шаг? — пропел он немузыкально. — Это идут барбудос! Куба — любовь моя…

— А ты — на студента перед экзаменом, — девушка достала мятную жвачку, бросила в рот, — такой же дерганый.

— Что говорит твоя интуиция? Кто сегодня победит?

— Интуиция давно уже не говорит, а вопит. Знаешь, как сигнализация на автомобиле, если по нему долбануть ногой. Не затыкается ни на минуту.

— Должно быть, это адски тяжело.

— Я научилась не обращать внимания.

— Мой отец ушел на разведку, — сказал Огонек, — не знаете, когда они должны вернуться?

— Надеюсь, разведка будет успешной, — только и ответил Олег.

— Благодаря твоим родителям я стала Свет-

лой. — Марина потрепала мальчика по льняным волосам. — И Олежка тоже. И Валя.

— И Софи с Айратом, — добавил Огонек, глядя на нее с интересом. — Я знаю.

Он подумал, что, когда вырастет, хотел бы такую же смелую и красивую жену. Может быть, Марина дождется его — и они в самом деле поженятся лет через шесть.

— Что, нравлюсь? — спросила девушка с улыбкой. — Хочешь, поцелую?

Лицо Огонька заалело:

— С чего ты взяла?

— Читаю мысли. Я же колдунья.

— Я ничего… ничего такого…

— Марина, отстань от парня, — сказал Олег.

— А ты не ревнуй, — ответила она мягко, — тебе сказали командовать обороной — вот и командуй, Суворов.

Подошла Нелли, прижала к себе Огонька, долгим ищущим взглядом всмотрелась в даль.

— Не было вестей от них?

— Еще рано, Герда, — ответил Олег. — Скиф их до самой горы может довести.

— А что это там внизу?

— Где?

Часовой на уступе внизу свистнул — и Олег

побежал к нему.

Огонек вдруг увидел Лину. Она стояла неподалеку и глядела испепеляюще на Марину огромными зелеными глазами.

А с ней что такое? Ох уж эти девчонки.

— Смотрите!

У подножия горного склона среди домов и садов частного сектора быстро двигалась группа Темных в черной одежде.

— Десятка четыре, — быстро прикинула Марина, — возможно, разведка.

— Всем в укрытие! — скомандовал Олег.

В лагере началось аккуратное шевеление. Бойцы по-пластунски подползали к краю обрыва. Нелли поймала детей за руки и повлекла в сторону.

— Ну, мам, подожди, я хочу посмотреть! Я осторожно!

Внизу раздался хлопок и с ним пришел яркий свет, словно под холмом зажглось еще одно солнце.

— Бежим!

— Герда, подожди! — быстро дыша, подбежал Олег. — Я дам тебе охрану. Далеко не уходи, ладно?

— Мы спрячемся позади вас, в скалах.

— Если что-то пойдет не так, — он понизил голос, — бери детей и уходи. Вместе с охраной.

У него за спиной ударила очередь из автоматического оружия, и Олег припал к земле — пули с резким воющим звуком пролетели высоко в голубом сентябрьском небе. Светлые не отвечали: не было команды.

— Кот остался в городе, — сказала Нелли, — я не брошу его.

— Кот может сам постоять за себя.

— Это похоже на провокацию, ты не находишь?

— Возможно. Но мы не спустимся вниз, пока не вернется разведка.

* * *

Москва-Сити, башня «Эволюция»,
Московское бюро Инквизиции
29 сентября 2015, 11:00

Смятение Натана Кролевского росло час от часу. С раннего утра он мерил шагами просторный офис, бросая невидящие взгляды на разнокалиберные коробки домов и бурую ленту Москвы-реки далеко внизу, и крутил в пальцах смартфон. Артем часто был недоступен для связи

в последнее время, и это не нравилось старому Инквизитору. Отчего так тяжело на сердце? Не слишком ли ты привык полагаться на мальчишку, который всего несколько лет назад оставил Ночной Дозор? На салажонка, что столь явно влюблен в одну из главных подручных Гесера?

Кролевский смочил губы в чашке кофе и вновь потянулся за смартфоном. Приложение «Л-Инк» показывало ему местонахождение всех Инквизиторов в стране. И только одного он не мог найти. Старик забил бы тревогу, если бы такое не случалось и раньше. Артем был парнем самостоятельным и контроля не любил. Он был котом, который гуляет сам по себе.

Натан Иванович подошел к шкафу и зачем-то надел макинтош. Нужно было что-то предпринять, с кем-то посоветоваться. Но с кем? В этот момент у панорамного окна сверкнул яркий свет портала — и в кабинете появился Артем.

— А! — неопределенно сказал старик.

Локшин приветствовал его взмахом руки, бросил куртку на диван.

— Какие новости в столице полумира?

— Артем? Это в самом деле ты? Я уже начал забывать, как ты выглядишь.

Кролевский повесил макинтош обратно в

шкаф.

— Все идет отлично, просто отлично, — Артем потер руками лицо, — мы его найдем.

— Кого? Мальчишку Гордеевых?

— Петербургского киллера.

Локшин рухнул в кресло, достал сигарету, размял ее в пальцах.

— Ты напал на след? — Натан Иванович сел напротив.

— Можно кофе?

— Конечно, конечно… Леночка, — сказал он в интерком дребезжащим голосом, — сварите кофе покрепче. Две чашки.

Артем был само спокойствие и усталость. Натан Иванович бессмысленно перекладывал на столе бумаги и ждал.

— Этот Дориан, — бросил Локшин, выдохнув облако дыма, — я раскопал на него информацию. Тот еще ублюдок. Руки по плечи в крови. Гордеев — его старый враг. Тут и зарыта собака.

— Но постой, он же Темный? И — убивал Темных?

— Есть такая порода — им все равно, кого убивать ради своих грязных целей.

Старик задумчиво кусал ноготь:

— Выходит, он хотел подставить Герду — там,

в Питере? Но зачем такой сложный и кровавый путь?

В кабинет вошла секретарь Кролевского с подносом, расставила на столе чашки. Артем подождал, пока она выйдет, и ответил:

— Не ищите логику там, где ее нет. Мы оба знаем, что безумие — большая редкость среди Иных, но здесь именно тот случай.

— То есть ты хочешь сказать, что этот Дориан…

— Больной маньяк.

Вот ты уже лжешь своему шефу. И нет назад дороги. Если твой план не выгорит, Кролевский никогда не простит тебе обмана.

Натан Иванович неуверенно покивал, забарабанил пальцами по столу:

— И что ты теперь собираешься делать?

— Вернусь на юг и найду его. Мне понадобится кое-что из нашего арсенала. Он очень силен и, возможно, имеет сообщников.

— На юг? — Натан Иванович нахмурился. — А знаешь, Артем, до меня дошла кое-какая информация о том, что творится у нас на юге.

Локшин невозмутимо поднял бровь, словно речь шла о погоде на черноморских курортах, — но внутри у него все сжалось. Кролевский ничего

не заметил:

— В Крыму начинается какой-то слет или сборище Иных. Кажется, в Судаке. Сегодня всю ночь от Машины поступали сигналы, что туда направились несколько групп Светлых и Темных. Ты знаешь, у нас есть программы, которые анализируют это броуновское движение — и, если появилась какая-то закономерность, сообщают нам.

«Как же мы не подумали об этом?» — покрывшись холодным потом, подумал Артем.

— Притом, — продолжал Натан Иванович, — из самого Судака сигналов нет, они как будто теряются. Может быть, какой-то сбой в программе?

Или Столп отчуждения, установленный, чтобы спрятать кое-что от тебя, старик.

— Хорошо, что ты вернулся, Артем. Я уже хотел отправиться туда сам. Займешься?

— Без проблем.

— А ты ничего не слышал об этом?

— Я не был в Судаке. Только в Керчи.

— Не нравится мне это. Думаешь, твое расследование и эти перемещения Иных могут быть связаны?

Локшин пожал плечами:

— Может, они на море отдохнуть собрались?

Кролевский пристально посмотрел на него:

— Артем, ты ли это? Я не верю своим ушам.

— Извините, Натан Иванович, — он подобрался.

— Там явно что-то серьезное. Разберись. Даю сутки. Завтра утром жду от тебя доклад по полной форме. Если нужна помощь, немедленно звони мне.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Так точно, обещаю.

— И не стесняйся звать на помощь, мой мальчик. Я кажусь древним стариком, но если потребуется — сожгу целую армию, веришь?

— Не сомневаюсь.

— Говорят, на въезде в Крым что-то с порталами?

Он уже знает слишком много. Ты ходишь по грани.

— Похоже на барьер в Сумраке. Мне пришлось строить портал до паромной переправы, а после нее ставить новый портал сюда.

— Выясни, чьих это рук дело… Да, Артем, — вспомнил старый Инквизитор, — я случайно узнал — ты был в бернской тюрьме на днях. Что ты там делал?

— Я…

Локшин лихорадочно обдумывал ответ.

— Была одна гипотеза, я хотел ее проверить. Ничего серьезного.

— Настолько ничего серьезного, что пришлось потревожить узника, который сотни лет сидит в подземелье?

Он даже знает, с кем я говорил. А содержание разговора? Возможно ли, что в таком месте разговоры не подслушивают и не записывают? Что, если он уже знает все?

— Я… решил, что он может знать Дориана. Хоть какой-то свидетель.

— Шутишь? Сотни лет!

— Я ошибся, только и всего.

— Скажу откровенно, Артем. Ты мне не нравишься в последнее время. Завтра нас ждет серьезный разговор. Готовь подробный доклад об этом расследовании.

— Сделаю, Натан Иванович.

Кролевский залпом допил кофе и вышел из кабинета. Локшин застывшим взглядом смотрел ему вслед.

Всего сутки. Если не победишь — твоя карьера погибла.

* * *

Крым, восточная окраина Судака
29 сентября 2015, 12:30

Сопровождение для Нелли Олег прислал немаленькое — десять бойцов. Их возглавляла Марина. Отряд залег за скалами, наблюдая за суетой внизу.

— Не высовывайся, — приказала Нелли сыну, но Огонек все равно смотрел одним глазом. Не мог не смотреть.

Отряд Светлых намного превосходил Темных числом. По команде Олега они принялись залпами стрелять по противнику — но пули не наносили большого урона. Зато Темные стрелки оказались неожиданно меткими — и вскоре двое Светлых воинов упали, обливаясь кровью.

В ответ Светлые составили Круг Силы и ударили «огненной стеной». Она покатилась вниз, воспламеняя сухую траву и кусты, обрушилась на крайние дома поселка — и тут же рассыпалась на множество безобидных костерков: маги Дневного Дозора ответили мощным контрзаклятьем. Лишь на левом фланге стена пробила защиту. Несколько Темных с криками побежали по улице,

пытаясь сбить с одежды огонь. Вслед им с резким свистом летели пули.

— Не смотри, сын, — сказала Нелли, и Огонек отвернулся.

— Зачем вам мечи? — спросил он Марину. — Разве пистолеты не лучше?

— Мы все носим защиту — «щиты магов» или «радужные сферы». Они легко сбивают пули в сторону.

— Значит, меч надежней?

— Конечно, — ответила девушка, быстро оглядываясь, — но хорошо накачанные Силой пули пробивают любую защиту, особенно с близкого расстояния. Как всегда, дело в количестве Силы.

— Что с тобой? — спросила ее Нелли.

— Сама не знаю. Тревожно что-то.

Они посмотрели на склон горы над ними — он был гол и пуст, лишь покачивались сухие стебли чертополоха. Лагерь расположили так, что местность во все стороны просматривалась на много сотен метров.

— Загляну в Сумрак, — сказала Нелли.

Марина остановила ее:

— Все время сканирую первый и второй слой. Пусто.

Тем временем дела у Олега шли неплохо. Он

вновь и вновь спускал на Темных волны огня — и противник отошел в глубь квартала, оставляя погибших. Олег прекратил жечь, он боялся подпалить жилые дома.

— Однако, — сказал над головой Огонька один из бойцов с осторожной радостью в голосе, — это было несложно.

Вслед отступающим Темным ударил дружный залп двух сотен Светлых стволов — и от разведотряда осталась едва ли половина. Победа казалась полной!

В этот момент Марина сорвалась с места, закрывая собой Нелли и Огонька. Уже падая, мальчик рефлекторно схватил в охапку Лину. В следующий миг как будто град ударил вокруг. Каменная крошка больно хлестнула его по лицу.

Загрохотал гром. Бойцы Ночного Дозора из их сопровождения падали один за другим, обливаясь кровью, разорванные на куски пулями крупного калибра.

Огонек рывком обернулся. Совсем близко — в нескольких метрах выше по склону — распахнулся портал. Из него сыпались Иные в черной одежде.

Темные!

— Олег!! — крик Марины перекрыл треск

стрельбы.

Что-то длинное, черное и горячее пронеслось в стонущем воздухе, расплескивая вокруг невидимое пламя, — и Огонек увидел, как часть тела Марины выше пояса, будто отсеченная ножом, упала на камни.

Нелли схватила Огонька, словно кошка, удирающая от стаи собак с котенком в зубах; она волокла его вниз, чтобы отгородиться от Темных скалами, сам мальчик вцепился в Лину. Откуда-то появилось очень много теплой и красной крови, она была на лице девочки, на ее платье, на руках Ярика.

Кровь Марины.

Это была не разведка. Темные внизу отвлекали внимание!

Огонек оглянулся и увидел, как в страшном сне: верхняя часть тела Марины упала на камни, словно срубленная березка, длинные русые волосы девушки подхватил ветер. Она нашарила свой автомат и пыталась прицелиться в наступающие сверху темные силуэты, но вскоре без сил опустила его. Нижняя часть тела Марины словно была еще жива. Ее ноги сделали несколько неуверенных шагов по тропе и только потом подогнулись, рухнули, кровь текла ручьями, кровь дымилась

на солнце…

Бойцы Светлого Дозора разворачивались к новой угрозе, поднимали «щиты магов», открывали огонь. Навстречу им с воем и свистом рванулась черная смерть. Она словно косой прошлась по рядам оперативников, вырывая конечности, срезая головы, ломая кости.

— «Плеть Шааба»! — в ужасе крикнул кто-то.

— Падайте на землю! — приказала Нелли, и дети послушно вжались в щели между камнями.

* * *

Судак, улица Ленина, на крыше хостела «Рапана»

29 сентября 2015, 12:53

— Надо уходить, — сказал Матвей, — их слишком много.

У него за спиной Валентина стояла над распростертым на столе Локи, прижавшись лбом к его лбу. Она ничего не видела и не слышала. Погрузилась в его память. Тело Темного дозорного мелко дрожало, словно по нему пропустили электрический ток.

Дом сотрясался до основания. С печальным звоном рассыпалось оконное стекло — и треск

выстрелов на улице стал громче. Матвей быстро выглянул в окно. Тени скользили вдоль улицы, приближаясь к хостелу.

— Скиф, — позвал он, отдернув голову, — нужно уходить.

Шеф Тайного Дозора ответил, не повернув лица:

— Зови ребят, Кот. Сейчас пойдем. Еще пара минут.

Он держал руку на плече Валентины, вливая в нее поток Силы. Сканирование памяти высокорангового Темного требовало ее в избытке.

— Ты сможешь поставить портал? — спросил Кот.

— Внутри Крыма — конечно. Барьер только на его границах. Закрыть все пространство над полуостровом у *них* попросту не хватит сил.

Локи все-таки успел подать сигнал тревоги. «Сферу невнимания», навешенную над хостелом, Темные смахнули словно порывом ураганного ветра. Следом ударили пули и боевые заклятья. Кот узнал «спайдерфлейм» и «тройное лезвие», но Скиф успел вскинуть объемистую «радужную сферу», и она приняла все удары. Со стороны это выглядело красиво: разноцветные сполохи огня окутали прозрачный непробиваемый шар вокруг

дома. Скиф один за другим доставал из наплечной сумки заряженные амулеты, и Сумрак пил из них Силу, поддерживая заклятье; потом Валентина стала падать с ног от усталости — и тогда Скиф ушел к ней на помощь.

Свет и Тьма, такой запас Силы просто сгорает!

Горела трава и земля, горел сам воздух, но внутри защитного круга отряд Светлых до поры был в безопасности.

Матвей сбежал по ступеням на первый этаж. Бойцы Дозора стояли у окон по периметру, время от времени стреляя вдоль улицы.

— Скиф зовет наверх, — сказал он, — возвращаемся в лагерь.

— Эвакуация! — крикнул старший из дозорных. — По моей команде — по одному наверх! Первый пошел!

Количество Темных росло. Они окружили хостел со всех сторон и обстреливали его, соревнуясь в меткости. Пространство словно трещало вокруг: Темные то и дело испытывали «прессом» на прочность «радужную сферу». Редкие пули уже прорывались сквозь нее.

Дрогнула земля. Кот выглянул в окно, выходившее на юг, — и присвистнул. Из моря с шумом

поднялась исполинская безлицая фигура в зеленых нитках водорослей. Вода с плеском и грохотом стекала с нее. Темные встретили ее появление радостным свистом.

— Скиф, здесь голем! — воскликнул Матвей.

— Все наверх, уходим!

Кот не услышал, но почувствовал дрожь Сумрака — на втором этаже открылся портал. Он снова бросил взгляд в окно. Темные дозорные прекратили стрельбу и отходили с улицы. Чудовище высотой с десятиэтажный дом шагало через город не разбирая дороги, со стуком ломая каменные заборы и превращая автомобили на перекрестках в жестяные блинчики.

Бежать. Бежать скорей отсюда.

Матвей услышал какой-то шум; он увидел дверь с надписью: «КЛАДОВАЯ» и толкнул ее.

Пол в крошечной комнате вспучился. Стеллажи с гостиничным хламом ползли в стороны и с грохотом рушились. На глазах у Светлого мага сквозь толщу бетонного крошева и мелких камней просунулась мохнатая голова.

Оборотень!

Темный Иной в обличье крупного медведя прокладывал путь в осажденный дом через подземелье, ломая перекрытия.

Увидев врага, он глухо зарычал — и бешено заработал лапами, раскидывая землю и камни, как землеройный автомат.

Матвей заметил, что еще не все Светлые бойцы поднялись наверх, и крикнул:

– *Они* здесь! Всем отступать! Быстро, быстро!

Одну за другой он выпустил все девять пуль из своего пистолета в тело медведя.

Сквозь гром выстрелов доносился грохот: голем приближался, и стены уже шатались в ритм шагам монстра.

Из тела медведя вырывались фонтанчики крови. Оборотень взревел от боли и ярости — и бросился вперед.

Проклятье!

Кот отпрыгнул в сторону и метнулся к лестнице — но соперник заметил это. Он подкатился под деревянную лестницу снизу и, рыча, принялся выламывать из нее ступени. Зверь умирал, истекая кровью, — но собирался забрать с собой в Сумрак своего убийцу. Медвежья кровь хлестала из ран, разгоряченное израненное тело оборотня издавало резкий кисловатый запах — Матвея сразу затошнило.

Он оглянулся: по счастью, после его приказа все бойцы успели подняться на второй этаж. Медведь

качнулся вперед; Матвей в ответ взмахнул мечом — но зверь легко отбил лезвие тяжелой лапой.

— Скиф! Помоги!

Гррум-гррум, гррум-гррум — гремели шаги голема все ближе.

Сейчас он просто раздавит дом вместе со мной и оборотнем.

В проеме над лестницей появился силуэт Скифа.

Тем временем оборотень одним ударом расколотил остатки ступеней — и с рыком бросился вперед. «Фриз», брошенный Скифом, поймал его в прыжке, с оскаленной пастью.

— Кот, давай сюда!

Лестницы больше не было, но Матвей вскарабкался на спину оборотня, протянул руку — и Скиф рывком втащил его наверх.

— Спасибо, брат.

Для спасения требовались секунды. Стена с южной стороны дома расселась, слетела крыша — и в облаке пыли в комнату ворвался яркий солнечный свет. И сразу же его заслонила огромная тень.

— Уходим! — прорвался голос Скифа сквозь грохот осыпающегося камня.

Скиф и мерцающая дверь портала за его спи-

ной, Кот в крови оборотня, стол с неподвижным Локи — все это только что было скрыто от мира, и вот уже они все под синим небом, в пыли и дыму, и над ними склонилось бесформенное лицо каменного гиганта. Ни глаз, ни носа, ни ушей — но магия дала голему все чувства. Он увидел перед собой Светлых — и его двадцатитонный кулак начал движение.

В тот же миг Скиф поднял пистолет и трижды выстрелил монстру в лицо золотыми пулями. Все они попали в цель.

Левая половина исполинской головы рассыпалась — но это не остановило гиганта.

Лавина камней обрушилась на хостел.

Матвей метнулся к порталу, заталкивая туда Скифа.

Ему не хватило мгновения, чтобы спастись самому.

Рамка портала исчезла прямо перед ним — стена хостела развалилась на части под весом голема. Портал был привязан к месту и исчез вместе с местом.

Тень снова накрыла мир — и мир затрясся, как при девятибалльном землетрясении. Остатки хостела превращались в руины.

Скиф и Валя успели уйти. Они позаботятся о

Ярике.

Матвей увидел перед собой на камнях пистолет Скифа и поднял его. Удар отбросил Светлого дозорного на улицу. Захрустели кости — переломанные семнадцать лет назад ноги и ребра не уцелели и сейчас. Погружаясь в океан боли, Кот не выронил оружие. Когда голем снова наклонился над ним — он выпустил в его располовиненную голову все оставшиеся золотые пули.

Враги взяли Светлого в кольцо. Они разрядили магазины своих карабинов и автоматов в тело Кота — десятки и сотни пуль, — стреляли, пока не убедились, что он больше не представляет угрозы. Матвей Гордеев уже не увидел, как голова голема развалилась на куски; как каменный исполин пошатнулся и с непередаваемым грохотом рухнул на здание хостела, раздавив погруженного в сон Локи.

Смерть Кота была быстрой.

* * *

Восточная окраина Судака
29 сентября 2015, 13:13

Нелли почувствовала резкий укол в сердце. Задыхаясь, она упала на землю, притянула к

себе сына.

Матвей погиб.

Эта мысль всплыла словно из ниоткуда и заполнила ее сознание, как багровая слепящая звезда.

Каким-то образом она знала.

— Мама, что с тобой?

Нелли не ответила. Она смотрела на город, над которым поднимался столб дыма и пыли после падения голема.

— Мама? Мама, очнись!

Олег сумел перегруппировать потрепанные силы Светлых и повести их вперед. Численный перевес все еще был на их стороне. На каждом фланге они сформировали по Кругу Силы и били сериями «тройных лезвий» по катящимся сверху Темным. Рельеф местности, который вначале был в помощь атакующим, стал им мешать: здесь было сложно укрыться, и «лезвия» буквально косили их ряды.

В центре у Темных выделялся высокий, голый по пояс воин — именно он орудовал «плетью Шааба». Будь здесь Артем, он узнал бы Мясника из Особого отдела Завулона. Контратакующие Светлые, держась на безопасном расстоянии, постепенно отрезали его от соратников — а когда он оказался один, оба их Круга Силы по команде

Олега обратили на него сокрушительный двойной «пресс». Защита Мясника с треском лопнула, ее ошметки разлетелись в Сумраке, как горящие листья.

Огонек, наблюдавший за этим из укрытия, закричал:

— Да!

Только что на площадке над уступом находился голый по пояс воин, весь состоявший из мышц и шрамов, — и вот на камнях осталось лишь месиво, похожее на то, что выходит из мясорубки.

— Вперед! За Свет! — Олег перешагнул через останки Мясника, и цепь Светлых Дозорных побежала в атаку. Остатки Темных рассыпались, часть их устремилась к блеклой рамке портала, остальные карабкались вверх по склону, надеясь найти спасение в скалах.

Мы побеждаем… но Матвей погиб…

— Мама, мы их победили, ты слышишь? — Огонек схватил ее за плечи.

— Слышу, — шепотом ответила Нелли.

— Ну что с тобой, мам? — тряс ее сын. — Ты не ранена?

Как ему сказать, что его отец мертв?

Небо потемнело. На уступе истошно закричал один голос, его поддержал другой, третий. Огонек

обернулся. У него на глазах огромная летучая мышь подхватила Олега, взмыла к небу — и сбросила с высоты. Тело дозорного ударилось о скалы и долго катилось по камням, безжизненное, как тряпичная кукла.

— Вампиры!

Нелли снова притянула сына к себе, достала пистолет.

Словно кто-то мгновенно затянул небо холодным туманным покрывалом. Солнце потускнело. Черные кожистые крылья хлопали над головами. Светлые беспорядочно отступали к центру лагеря, стреляя вверх, но без особого успеха — летающие твари носились над головами с невероятной скоростью. Они с ужасающими воплями пикировали сверху на бойцов и одним ударом рассекали горло или пробивали грудную клетку. Уже бежавшие Темные увидели их атаку — и поворачивали назад.

Победа на глазах превращалась в поражение.

— Уходим, — скомандовала Нелли.

Охрана, приставленная к ним Олегом, частью была перебита, частью рассеяна. Надеяться оставалось только на себя.

Припадая к камням, они побежали на юг, в сторону моря.

Но тот, кто выслал вампиров, конечно же, имел другие планы. Гигантский черный вурдалак, хлопая крыльями, как ворон, упал на тропу перед Нелли. Она успела выстрелить дважды, и в крыльях чудовища появились две аккуратные дырки — затем оно с такой силой ударило ее крылом, что женщина пролетела несколько метров и осталась лежать без сознания на скалистом уступе.

Монстр торжествующе заревел. Следующим ударом он отбросил в сторону Огонька, и тот ударился головой о камни. Брызнула кровь, залила глаза. Мальчик вдруг понял, что оказался в Сумраке. Здесь вампир выглядел еще страшней — он вырос, крылья его стали размахом как у небольшого дракона, с клыков свисали длинные плети слюны. Еще раз приложив мальчика крылом, он двинулся к плачущей от ужаса Лине.

Она попыталась сделать что-то… какое-то слабенькое заклятье, подсмотренное у взрослых… между пальцев у девочки сверкнул язычок пламени — но сразу же погас под ледяным дыханием монстра.

— Закрой глаза, дурочка, — сказал вампир, — я сделаю все быстро.

Ноздри вампира хищно затрепетали — он чуял чистую кровь ребенка. Редкое лакомство.

Огонек рукавом вытер кровь с глаз.

Сейчас он сожрет Лину. Или выпьет всю кровь. А потом возьмется за тебя.

Или унесет к своим. Ты слишком важен.

От этой мысли стало совсем худо.

Даже Лина пытается сражаться! А ты?

Огонек вспомнил ночной поезд. Мама пыталась остановить робота-убийцу. Что она делала тогда?

Губы его шевельнулись.

Она учила тебя. Вспомни!

Лина пыталась убежать, упырь схватил ее за подол платья, разрывая ткань.

«Фриз». Так оно называется.

Огонек поднял дрожащую ладонь, и Сумрак заплясал вокруг него, закручиваясь в водоворот.

— Ярик, помоги, — в наступившей тишине он слышал, как плакала девочка.

Окаменевшее над Линой чудовище смотрело перед собой маленькими злобными глазками. Даже слюна с его клыков прекратила капать и будто заледенела тонкими сосульками.

— Круто, — выдохнул Огонек, — вот круто.

Утерев кровь с лица, он взял Лину за руку. Осторожно, шаг за шагом, ребята выбрались из тени замершего вурдалака. Огонек подбежал к Нелли

и положил ее голову себе на колени.

— Мама…

Женщина тихо застонала.

Жива!

— Спасибо, Ярик, — сказала Лина, — ты спас меня…

— А где же «золотая нить»? — Огонек схватил ее за плечо. — Смотри, она исчезла!

Сумеречная нить, что все последние дни связывала Нелли и девочку, погасла.

А по склону горы сквозь редкие порядки Темных шагал Скиф с двумя десятками Светлых воинов. Его меч взлетал и опускался, как золотая молния.

— Смотри, Линка!

Туманная пелена рассеялась. В ясном небе среди мечущихся черных силуэтов появился исполинский серебристо-серый орел. Он рвал вурдалаков когтями и клювом, сбрасывая их на скалы. С обиженным воем остатки стаи выстроились клином и полетели на запад, к черной крепости на горе.

Огонек видел, как серый орел опустился на дальнем уступе и издал вслед удирающим Темным яростный клекочущий крик. Затем он ударился о землю и превратился в Артема.

На этот раз победа была полной.

Глава 3

На подступах
29 сентября 2015, 19:01

Багровое зарево растеклось над испуганно затихшим Судаком, как кровавое цунами, и крошечное солнце бледным пятном скользило за столбами дыма. Над грязным зеркалом моря в душном безветрии таяла полоса лазурного неба. Тело каменного голема в центре города рассыпалось на мелкие глыбы и медленно растаяло в воздухе; под ним догорали руины хостела. Чад пожара стелился над крышами, затягивал город грязно-серым покрывалом, над которым одиноко плыла черная гора с зубчатой крепостной стеной на вершине.

Пока взрослые врачевали раненых и подсчитывали потери, Огонек и Лина улеглись на краю обрыва и наблюдали за городом, для развлечения бросая вниз камешки. Голова мальчика была туго

забинтована. Ребята видели, как над горой плыли черные клочья тьмы, как в небе над замком кружили десятки темных точек. Враг получил отпор — и отдал инициативу Светлым, укрывшись за крепкими стенами.

— Твой папа все еще там? — спросила Лина.

— Да, остался для особого задания. Так сказала мама.

— И когда он вернется?

— Когда будет нужно. Это секретное дело.

— Почему секретное?

— Чтобы враг не разнюхал.

— У нас же здесь нет Темных, — поразмыслив, сказала Лина.

Ярик не ответил. Он смотрел на гору вдали. Где-то под ней находился Золотой Чертог, о котором говорил Артем.

— «Золотой нити» больше нет, — вспомнил он. — Ты свободна. Наверное, тебя теперь отправят отсюда.

— Почему это? — возмутилась девочка.

— Ты сегодня уже чуть не погибла.

— Ну и что! Я не боюсь!

— Я знаю, ты смелая, — кивнул Огонек, — но еще мелкая. Вырастешь — станешь как Валя. А сейчас на тебя наступит кто-нибудь, и останется

мокрое место.

Лина подпрыгнула от возмущения:

— Сам мелкий! Ты ничего про меня не знаешь! Думаешь, раз ты чей-то там потомок — тебе теперь все можно, да?

— Тише, тише, чумовая…

— Мне всего на два года меньше, чем тебе! А девочки умнеют быстрее мальчишек!

Земля под ногами словно вздохнула, и дети замерли, испуганно глядя друг на друга.

— Слышала?

— Что это?

— Глянь! Вот там, в море!

Над городом прокатился глухой рокот. Из моря медленно вставала размытая дымами гигантская фигура. Новый голем был зеленовато-белым, слепленным изо льда, морского мусора и водорослей. Его суставы глухо постукивали, словно бильярдные шары, — и этот звук далеко разносился в вечерней тишине.

— Какой огромный! — крикнул Ярик.

Голем постоял в море, словно дожидался, пока стечет вода, и затем двинулся к подножию горы. При каждом шаге земля мелко вздрагивала. Чайки вились над его головой, склевывая налипшую мелкую рыбу.

— Смотри, — прошептала Лина, — смотри, там еще один!

Второй голем приближался с запада, из-за гор. Издалека он походил на странного человека, гуляющего в холмах. Сухой дерн вместе с широкими ломтями земли обваливался у него под ногами, открывая взорам гранитный бок скалы. Этот циклоп был собран из красно-серых глыб мрамора.

Два гиганта замерли на своих местах: один преграждал путь к горе со стороны моря, второй блокировал дорогу к крепости из центра города. Дымное марево заходило волнами — воздух пришел в движение от их шагов. Над ледяным монстром плыли облачка пара; но, несмотря на теплую погоду, великан и не думал таять.

— Бежим, найдем Артема! — крикнул Огонек.

На скальном уступе Светлые развернули импровизированный штаб. Скиф, Валя, Нелли и Артем собрались у развернутой на камне карты крепости и горячо спорили о чем-то. Конечно, все в лагере уже видели големов, и оптимизма это зрелище никому не прибавило.

— Локи входил в крепость через главные ворота, — вслух размышляла Валентина, — у *них* нет собственных укреплений — лишь те, что

оставили строители замка. Вот здесь, к востоку от ворот, участок стены был когда-то разрушен. Темные его успели восстановить — но он явно менее прочный.

— Будем ломать, — кивнула Нелли.

Локшин согласился, но предложил отвлекающий маневр:

— Пусть наши основные Силы наступают с моря, вдоль пляжей. Пока Темные будут заняты отражением этой атаки, несколько самых сильных бойцов ударят с севера и окажутся внутри.

— Допустим, — кивнул Скиф, — что насчет големов?

— Такую силу можно сломать только силой.

— Наши силы с утра уменьшились вдвое.

— Добровольцы продолжают подходить, — напомнил Артем.

— Совсем немного. Больше двух сотен нам не выставить, даже если взять легкораненых.

— Воюют не числом, а умением, Андрей.

— Может, пару дней подождем? Вылечим раненых, соберем подкрепление?

Нелли поймала быстрые взгляды Инквизитора — на Скифа, затем на сидевшего в сторонке Огонька и, наконец, на нее. Она выдержала пристальный взгляд Артема — и тот отвел глаза.

— У нас нет двух дней, — Локшин облизнул сухие губы, — даже одного нет. Атаковать надо сегодня ночью, завтра будет поздно.

— Почему? — спросил Скиф.

«Артем надеется, что Ярик пойдет в Золотой Чертог с ним, — подумала Нелли. — Все эти дни он так старался подружиться с ним».

«Герда надеется, что Ярик отведет к Сердцу Сумрака именно ее, потому что она его мать», — подумал Артем.

— Завтра утром, — он решил быть откровенным, — я должен дать полный отчет в Москве. Лгать больше невозможно. Кролевский поймет, что я скрыл от него правду, — и меня ждет суд. Нас всех ждет суд. Инквизиция нагрянет сюда большими силами, и все закончится.

* * *

Огонек шагал через лагерь. Он видел мужчин и женщин, готовившихся к бою. Почти все они были одеты в гражданское: так могли бы выглядеть обычные прохожие на улице. Молодые, полные здоровья — хотя некоторым сотни лет от роду. После утренней стычки шуток и подначек стало меньше — но страх не чувствовался. Никто из дозорных не боялся идти на смерть. Под сенью

деревьев на краю лагеря лежали на одеялах раненые.

Неприкаянный Огонек добрел до штаба и сел на камень поодаль, понуро глядя на взрослых. Он ощущал пустоту в животе, но есть не хотелось. Мысли путались и неизменно сворачивали к крепостной башне на вершине горы. Что, если взять с собой Артема или маму — и пробраться туда вдвоем под покровом ночи? Огонек чувствовал отчаяние от мысли, что кто-то будет умирать из-за него.

Вдвоем не пройти — Темные поймают… интересно, где же отец?

В какой-то момент, возможно, от утомления, у него все поплыло перед глазами и почудилось: на Скифе и Артеме и даже на матери и Вале — сияющие стальные доспехи, латные рукавицы и старинные красивые плащи из алого и белого шелка. Он помотал головой — и видение исчезло. Огонек поискал глазами Лину, но девочка, которая все эти дни хвостиком ходила за ним, куда-то запропастилась.

— Ну что, — Нелли подошла к сыну, — ты готов?

— Готов, — неуверенно сказал он.

— Нужно постараться успеть до темноты.

Мальчик кивнул, хотя на языке вертелся вопрос: успеть — что?

— А папа? Он ждет нас?

Нелли отвернулась и спросила у синего неба:

— Если прорвемся — ты войдешь в Золотой Чертог со мной? Или с этим самодовольным дурачком?

— Он не дурачок.

— Еще какой дурачок. Сил ему Сумрак дал в избытке, а вот ума… Я не считаю себя вправе требовать от тебя ничего. Мы все здесь добровольно. Светлые пришли помериться силой с Темными, только и всего. Это твой жребий, сын. Подумать только, совсем недавно я сама была наследницей де Моле. От Севастополя до Судака всего три часа пути… Рассказывали, что в детстве я много раз порывалась убежать от приемных родителей, вставала ночью и уходила. Это продолжалось почти год — каждую ночь меня запирали на замок. Теперь ясно, куда меня тянуло. Так ты решил? Идем туда вместе?

— Давай… попробуем.

Нелли, видя его колебания, грустно рассмеялась.

— Он успел наплести тебе про вечный мир? Вечное тухлое болото. Тысячелетнее царство

серости. Красиво, да?

— Мам, тебе не жалко всех этих ребят? Смотри, сколько погибло сегодня. И еще погибнет.

— Конечно, жалко. Но каждый из них сам выбрал свою судьбу.

Только сейчас Ярик заметил Артема. Тот словно соткался из вечерней мглы.

— Герда, — мягко позвал Инквизитор, — нужно сказать речь. Что-нибудь вдохновляющее.

— Боишься, что тебя не станут слушать?

— Ты знаешь. В их глазах я предатель.

— А Скиф?

— Мечом и пушкой у него получается лучше.

— Пусть Валя говорит. Она языкастая.

Огонек слушал их перепалку и радовался про себя, что мама не стала требовать прямого ответа. Необходимость принять решение пугала его сильнее, чем Темные орды на пути к замку. Сердцем он был за то, чтобы идти в Золотой Чертог с матерью, однако разум говорил другое…

Но ведь туда еще надо пробиться!

Поредевшая Светлая армия теперь составляла едва ли две сотни Иных. Они все собрались среди скал в ожидании сигнала к выступлению. Огонек украдкой бросил взгляд на мать — ее тонкое лицо казалось высеченным из мрамора. «Утром, — по-

думал он, — Светлые бойцы были куда веселей. Теперь большинство из них смотрят на черную гору на горизонте с напряженным молчанием».

— Ребята, — сказала Валентина негромко, но ее услышали все, — возможно, нас ждет последняя битва Света и Тьмы в истории. Последняя, решающая. Шансов у нас мало, но есть надежда — которой нет у Темных. Они отбиваются — мы наступаем. Я открою вам то, чего вы не знали: этот парень, — она положила руку на плечо Огонька, — потомок Великого Светлого магистра, что века назад скрыл в крепости мощнейший из артефактов. Обладание им — ключ к победе над Тьмой!

Бойцы подходили ближе, сотни глаз устремились на Ярика — и он снова почувствовал себя экспонатом в музее. Валя продолжала:

— Если кто-то из вас не верит мне или хочет подольше задержаться на этом свете — возвращайтесь домой. Можете остаться в лагере с ранеными. Я никого не стану осуждать. А тем, кто пойдет за мной, скажу: бейтесь так, будто настал последний час этого мира. Мы, Светлые, всегда были в меньшинстве — и всегда оказывались сильней. Будет так и сегодня ночью. Мы идем мстить за погибших товарищей, за дозорных,

павших на улицах наших городов. Мы идем навсегда обратить мир к добру и Свету. За Свет!

Отряд ответил ей дружным криком и звоном мечей.

«Где же Лина, — подумал Огонек. — Наверное, спит где-нибудь. Это даже хорошо. Когда она проснется, мы будем уже далеко».

Валентина взмахнула мечом — и Светлые, рассыпавшись по склону, направились в сторону моря. С ранеными остались несколько девушек седьмого уровня. Вернуться домой не захотел никто.

Нелли шагала в арьергарде, держа Огонька за плечо. Замыкали строй Артем и Скиф.

— Неужели ты рассчитываешь, что мой сын предаст меня? — спросила Светлая воительница, обернувшись.

— Это не предательство, — невозмутимо отвечал Инквизитор. — Дарование блага для всех и каждого на земле — это высшее благоволение.

— Осчастливить против желания? Вспомни, сколько дураков уже пытались это сделать до тебя.

Оба замолчали, словно надеялись, что Ярик скажет что-нибудь, но мальчик шел молча. Из-под ног облачками взлетала дорожная пыль.

— Зачем ты, Артем, идешь туда — я понимаю, — устало проговорила Нелли, — ну а ты, Скиф? Ты же против перемен.

— Не хочу бросать вас одних. Да еще с этим Серым.

— Его ведет чувство вины, — сказал Артем. — За всех тайных дозорных, павших на улицах наших городов.

Бывший шеф Тайного Дозора никак не отреагировал на слова Локшина. Казалось, он глубоко погрузился в свои мысли.

* * *

Двенадцать бойцов отобрала Валентина в сопровождение Огоньку, самых лучших и сильных. Вместо прощания она отсалютовала Скифу клинком и повела свой отряд по набережной к крепости, больше не скрываясь.

— Удачи, — прошептал Скиф ей вслед, — и до встречи. Здесь или в Сумраке.

На город спускалась темнота. Маленькая группа Светлых отделилась от основных сил и, скрытая мощной защитой Артема, быстро двинулась к крепости, стараясь держаться в тени домов. Поминутно бойцы оглядывались на юг, выискивая глазами идущих в открытый бой товарищей.

Большой Светлый отряд шагал вдоль моря, не скрываясь, и в замке заметили его приближение. В багровом тумане за каменной стеной замелькали быстрые тени.

«Начинается», — подумал Огонек. Сердце его колотилось у самого горла.

Ледяной гигант на берегу моря пришел в движение. Он повернулся навстречу Светлым, зашагал вдоль линии прибоя, с шумом поднимая волны. Звук его шагов напоминал удары исполинского молота.

— Смотрите, смотрите! — воскликнул Ярик.

Валентина на глазах росла, догоняя размерами голема. Он атаковал первым, обрушил на девушку стену ледяного града, но девушка вскинула невидимый щит — и тонны сверкающего льда с мелодичным звоном посыпались в море и на камни пляжа. Светлые бойцы расступились, наблюдая, как два гиганта закружили, обмениваясь магическими ударами. Волшебница выхватила револьверы — и они оглушительно загремели в ее руках. Пули со звоном врезались в тело голема и застревали в нем, выбрасывая целые фонтаны ледяных брызг.

— Надо спешить, идем, — поторопил Артем.

Маленький Светлый отряд был уже довольно

далеко от места сражения, когда Нелли жестом остановила его.

— Что такое? — спросил Скиф.

— Ты не чувствуешь? Там, на горе?

Что-то происходило с Сумраком. Словно открылась огромная воронка, засасывающая Силу, вымораживающая все вокруг. Земля задрожала, море покрыла густая рябь. На вершине горы мелькнул багровый луч.

— Трясутся от страха, твари, — сказал один из бойцов.

— О нет, — Нелли отступила на шаг, — сейчас будет что-то ужасное.

Воздух потемнел, словно небо закрыла серая вуаль. Скиф, который до этого момента молча прислушивался, процедил сквозь зубы:

— «Марево Трансильвании».

— Что? — обернулась к нему Нелли. — Ты уверен?

— Я видел его один раз в своей жизни, но запомнил навсегда.

— Мы послали их на смерть!

— Чего ты ждала? — пожал плечами Артем. — Это не уличные дозорные перепалки, а война.

В Сумраке бесновались вихри Силы. Огонек видел, как черный вал покатился с вершины

горы в сторону набережной — туда, где застыла, оцепенев, армия Света.

— Им надо как-то помочь! — крикнула Нелли.

В руке Артема уже был золотой жезл Инквизитора. Из него вырвался луч белого пламени, ударил в центр летящей волны. От яростного клокотания Силы, излившейся в Сумрак, температура воздуха во всем городе подпрыгнула на несколько градусов.

«Теперь Темные знают, что мы здесь», — подумал Огонек.

Локшин опустил жезл. Энергии в нем больше не было. Но его удар не смог рассеять «марево Трансильвании».

Спешно поднятый над Светлым отрядом защитный купол «радужной сферы» лопнул. Воины на набережной бросились врассыпную. Некоторых спасло большое расстояние до крепости: находись они ближе — погибли бы все. Кто-то успел нырнуть в Сумрак — но черная волна настигала их и там. Дозорные кричали, вспыхивая на бегу, обращаясь в пепел, застывая глыбами черной горелой плоти. Стоны умирающих резко обрывались, клубы пепла взлетали к небу, грязной пеной оседали на волнах. Голем тоже угодил под удар — и развалился на множество бело-зеле-

ных обломков, сложился в ледяной островок на мелководье.

— Кое-кто уцелел, — сказал Скиф. — Артем своей палочкой ослабил заклятье.

— Я ничего не вижу, — прошептала Нелли, держась за голову.

«Ты же говорила — Светлые просто пришли помериться силами с Темными», — мысленно спросил Огонек, но сдержал свой язык.

— Вижу Валю! — крикнул Скиф.

И все увидели. Валентина стояла по колено в море — снова обычных размеров, — и покрытые пеплом волны плясали у ее ног. По берегу к ней брели сквозь дым немногие уцелевшие бойцы.

— Уходила глубоко в Сумрак, — сказал Скиф, — жива, но отдала много сил.

— Мы теряем время, — напомнил Артем.

Снова побежали. Теперь Инквизитор летел впереди. Бег показался Огоньку долгим и изматывающим, он начал задыхаться — Локшин обернулся и заметил это. Он перекинул мальчика через плечо, плотно прихватил за ноги и понесся едва ли не быстрее, чем прежде.

— Почему *они* нас не встречают? — тяжело дыша, спросила Нелли.

— Их внимание занято Валей, — ответил

Скиф, — у нее еще остались силы, чтобы завязать бой.

Стена замка показалась внезапно. По-видимому, наложенное Инквизитором защитное заклятие и впрямь было мощным; отряд никто не встречал. Гора вздымалась над головами, увенчанная клубящейся черной тучей. В багровых лучах заката вампиры носились над Дозорной башней на ее вершине, как назгулы над Роковой Горой.

Быстро темнело. На привратных башнях стояли несколько Иных, их взгляды были обращены на юг: там засверкали сотни зарниц — остатки отряда Валентины вступили в сражение. Арку ворот под башнями видно не было: вход замуровали камнями.

— Прорываемся? — предложил один из воинов. — *Они* нас еще не видят!

— Можешь бросить портал? — спросила Нелли. — Скиф?

— Не выйдет, — ответил Скиф, — посмотри через Сумрак.

— Ты же не думала, что это будет просто? — усмехнулся Артем. — *Они* закрыли свои стены сумеречным барьером — таким же, как по границам полуострова.

— Чего я не думала, так это что ты будешь злорадствовать.

— Хватит, — остановил Скиф, — или мы действуем вместе — или уходим. Герда, где тот участок стены, о котором говорила Валя?

— К востоку от ворот.

Нелли хотела сказать еще что-то, но не успела. Из высокого облака тумана выступил мраморный голем. С неожиданным проворством он атаковал Артема — и только ловкость спасла Инквизитора от превращения в тонкий мясной блинчик.

Бойцы сразу же открыли огонь по чудовищу, ударили «прессом» — и тот пошатнулся, но удержался на ногах. Вспышки и странное поведение гиганта заметили в крепости: прозвучал тревожный крик, и на стенах замелькали тени.

Скиф прошептал заклятье, взмахнул рукой — и огненная волна охватила мраморного циклопа, превратила его в факел — но тот даже не дрогнул. Пламя его не пугало.

— Круг Силы, быстрее! — скомандовал Артем.

Бойцы подчинились. Артем, стоя в центре Круга, применил к чудовищу «поцелуй ехидны» — это оружие оказалось эффективнее. Словно дождь из кислоты обрушился на голема, а Скиф тем временем «прессом» выдавливал его в сто-

рону. Бессловесный гигант зашатался. Плечи и голова его дымились и осыпались кусок за куском под действием едкой жидкости.

Покачнувшись, он ухватился за стену крепости и застыл — по-видимому, потеряв ориентацию в пространстве. На стене позади него суетились защитники, они тоже выстроили Круг Силы. Темнота озарилась яркой вспышкой — и стало светло, как днем: на атакующих Светлых покатилась «стена огня». Артем вовремя успел заметить новую угрозу — он прокричал незнакомое Светлым заклятье, и вокруг его отряда засверкал прозрачный шар «серого щита». Пламя бушевало вокруг него, выжигая землю, расплавляя песок и камни, — но внутри сферы никто не пострадал.

Огонек чувствовал подступающее отчаяние. Они были слабее, много слабее Темных, даже с Артемом впереди. На что взрослые надеялись, затевая эту атаку? Он все еще слышал печальный зов Сердца Сумрака из-за стены, но теперь смерть казалась наследнику де Моле куда более вероятным исходом.

Стена колдовского пламени вдруг завертелась воронкой — и исчезла в яркой вспышке. Пала тьма.

— Прикройте меня, — бросил Артем, — если

голем снова навалится — бейте.

— Что ты задумал? — спросил Скиф.

— Будем прорываться внутрь.

— Как?

— Как и хотели — ломать камни.

Тем временем на стене собиралось все больше воинов — и они готовили новый удар. Защитники крепости раскусили хитрость противника и поняли, что здесь, у ворот, — главная угроза. Горячий после пожара воздух начинал звенеть от закипающей над головами Светлых исполинской мощи.

«Бежать, — подумал Огонек. — Бежать, пока еще можно спастись, где-нибудь спрятаться!»

Но он не побежал. Он стоял между Нелли и Артемом и смотрел наверх — туда, где вставала Темная волна Силы. Сразу несколько гортанных голосов выкрикивали новое боевое заклятье — словно хор индейских шаманов.

— Стоять на месте, — сказал Артем, — не бежать.

Никто не побежал.

Локшин положил одну ладонь на плечо Огонька, а вторую вскинул высоко над головой.

Удар!!

Что-то сверкнуло в руке Инквизитора, как оско-

лок стекла в луче фонаря. Все сметающий поток, что словно Ниагарский водопад обвалился со стены на замерших внизу Иных… вдруг развернулся назад.

— «Призма Силы»! — воскликнула Нелли.

Все, что накопили для удара Темные, теперь стремительно отбирал Артем. Сила, проносившаяся через призму в его руке, была столь велика, что Инквизитор шатался, как молодой дуб под ураганным ветром. Его ноги ушли по колено в землю. Он прокричал еще одно незнакомое заклинание — и сокрушительный удар обратил полумертвого голема в гору мелкой гальки, разлетевшейся по окрестностям, как шрапнель. Следующий удар Артема пришелся в стену. Это выглядело как направленный взрыв многих килограммов взрывчатки. Глыбы камня катились в стороны, словно картонные. Локшин в третий раз взмахнул рукой — и по всей протяженности стены заплясал огонь, в нем с воплями умирали Темные. Одна из башен покосилась и осела, погребая под руинами защитников.

— Вперед, вперед! — хрипло проревел Артем. — Пока они не пришли в себя!

Он вырвал из земли ноги и побежал, выхватывая меч, по-прежнему держась за плечо Огонька;

затем схватил его в охапку и вскарабкался на руины стены. Еще минута — и отряд был внутри крепости!

Защитники пришли в себя быстро. Едва Светлые оказались за стеной, как их встретила цепь хорошо вооруженных свежих воинов. Подкреплений у Тайпана было в достатке.

Впереди шел Азиз, похожий на огромного быка. В каждой руке он держал по огромному двуручному мечу — их он и обрушил на голову Артема. Никогда еще Локшин не встречал в бою такого мощного противника. Он пытался вновь воспользоваться «призмой Силы» или другой магией — но Азиз не давал ему на это времени. К счастью, Валя выделила для охраны Огонька действительно самых сильных и умелых бойцов. Они смогли прикрывать Артема, пока тот разбирался со своим врагом. Азиз бился молча, ожесточенно. Он разрубил пополам двоих Светлых дозорных, пытавшихся переключить его внимание на себя, и снова вцепился в Локшина. Инквизитор обливался потом. Даже меч его звенел отчаянно в руках, готовый переломиться от ужасающей силы ударов Азиза.

Еще минута — и он тебя просто задавит.

Артем проложил Светлым дорогу в замок.

Теперь Артем — их главная ударная единица — выходил из игры.

«Без него нас разорвут», — подумал Огонек. Он стоял за спиной у Скифа, вцепившись в край его куртки.

Азиз вдруг зарычал, словно тигр, почуявший кровь. Темные воины позади него подпитывали его Силой, мальчик видел как бы множество нитей, протянувшихся от них к великану в Сумраке.

Помогла Нелли. Она взмахнула рукой — и серебристая пыль запорошила глаза атакующего Темного. Он чихнул и зажмурился на мгновение. Этого мгновения Артему хватило, чтобы одним махом перерубить ему ноги. Азиз с ревом упал на землю, заливая ее черной кровью. Его защита в Сумраке погасла — и вот уже клинок Артема вошел в его могучую грудь.

— Вперед! — закричал Локшин, воздев окровавленный меч к объятой черным дымом вершине горы. — Цель близка!

Земля снова затряслась, словно откуда ни возьмись приближался поезд. По склону горы спускались новые орды Темных. Сколько же их тут?! Где собрал столько воинов Тайпан? Засвистели пули, полетели шары огня. Артем схватил

Огонька за шкирку и потащил за собой в сторону от наступающей черной лавины; спасаясь, они забились в щель между камнями, как ящерицы.

— Ярик! — кричала Нелли. — Сын, я здесь!

Горстка Светлых откатывалась назад, падая под пулями и ударами мечей. Темные были повсюду. Скиф и Нелли пытались прорубиться сквозь их строй к Артему — но были буквально выброшены за руины стены. Никто не решался вступить с ними двумя в бой, их просто вытолкали «прессом».

Остальные Светлые бойцы были мертвы.

— Ярик! — Плачущая Нелли била Скифа кулаками в грудь. — Он остался там! Пусти меня! Я должна вытащить его!

— Ты сейчас ничем ему не поможешь. Только сама погибнешь.

Они упали на землю среди горячих камней, обожженные, изнуренные, но все еще живые, — и смотрели наверх, на тлеющие обломки стены. Со стороны моря тоже шло сражение — все небо там полыхало огнем.

На вершине горы, в Дозорной башне, мерцал багровый луч.

— Мы вытащим его, я тебе обещаю, — кашляя от дыма, сказал Скиф.

— Локшин все это подстроил! Он сговорился с

Темными! Он чертов предатель!

Скиф крепко сжал ее руки:

— Остановись, Герда! Остынь. Идем, надо найти Валентину.

* * *

Шум сражения стих, и пала тишина. Остался только вой ветра в руинах да треск горящей на склонах травы.

— Ты видишь его? — спросил Артем.

— Что? — с трудом шевельнул онемевшими губами Огонек.

— Вход в Чертог. Присмотрись. Под Дозорной башней… Отрок Ярослав к темной башне пришел, — тихо рассмеялся Инквизитор.

Они сидели, скрытые «радужной сферой», на куче битого камня в тени рухнувшей башни. Черные отряды откатились за укрепления. Вокруг громоздились остатки стен, и через узкий пролом в одной из них Ярик видел мрачный силуэт горы, а на ее вершине — Дозорную башню. Сколько до нее осталось? Метров пятьсот? Семьсот?

— Не вижу, — выдохнул облачко пара мальчик.

— Наверное, надо подобраться ближе. Или зайти с другой стороны.

— Не вижу, но чувствую. Оно здесь. Сердце Сумрака.

— Покажи где? — вспыхнул Артем.

— Под самой высокой башней.

— Я же иду туда с тобой! Почему же не чувствую?

Огонек не ответил. Он беспокоился о маме — удалось ли ей уцелеть? Неужели Артем все так и планировал? Теперь они остались вдвоем и уже внутри замка. Мелькнула мысль — а не специально ли Инквизитор отправил основные силы наступать в открытую, чтобы они увязли в бою и погибли? И легче было остаться им вдвоем наедине… Нет, нет, не может быть. Артем не способен на такую подлость!

— С твоей матерью все хорошо, она жива, — сказал Локшин, — мне дано чувствовать. Знаешь, если у нас все получится сегодня, я и тебя научу. У тебя есть потенциал. Станешь сильным магом. Хочешь ко мне в ученики?

Конечно, Ярик хотел. Но что-то мешало сказать «да». Как будто принимая предложение стать учеником, он давал согласие и на все остальное. Разрешить миру стать таким, как хочет Артем. Но мама… и отец… где он сейчас, интересно? Помогает Вале?

— Я не знаю, — уже в который раз сказал мальчик.

Артем рассеянно кивнул. Огонек вдруг понял: ему же все равно, он сейчас думает только о том, как прорваться наверх. И он прорвется. Он уже сломал стену, сокрушил голема и убил Темного гиганта с двумя мечами. Его не остановить.

Так что тебе теперь и выбирать-то не из кого. Только Артем. Вместе с ним и войдете в Золотой Чертог. Значит, таков жребий…

Эта мысль принесла облегчение. Больше не нужно было мучиться выбором.

— Как ты думаешь, почему *они* не атакуют? — задумчиво произнес Локшин. — Что-то задумали?

Вот и сейчас Артем советовался с Огоньком, как с равным. Это было приятно.

– *Они* боятся, — сказал Ярик, — видели, на что мы способны.

Не успел он договорить, как одна из глыб в стене зашаталась, и в узкую щель проник тонкий луч света.

— Не стреляй, Артем, — сказала Валя.

Инквизитор опустил пистолет.

— Ты?!

— Я. Надо поговорить.

Глыба со стуком упала на пол маленькой пещеры, и девушка протиснулась в пролом. Артем помог ей вставить камень на место.

— Ты одна? Как *они* тебя не заметили?

— Одна. Я шла очень тихо и так же тихо убила четверых Темных часовых.

Валентина устало прислонилась к стене — статная, золотоволосая, прекрасная, как королева Света… в опаленной огнем одежде, с запекшейся кровью на щеке. Локшин невольно отступил на шаг.

— Привет, Огонек, — кивнула она, — ты не ранен?

— Кажется, нет…

— Я знаю, зачем ты здесь, Валя, — вздохнул Артем. — Пустая трата времени.

— Не знаешь.

Локшин молча ждал. В расщелину над головами заглянула луна — и в ее свете Огонек заметил, что ладонь Артема, сжавшая меч, мелко дрожит.

— Я пришла, чтобы предложить тебе прощение. Тебя восстановят в Ночном Дозоре с полным признанием всех заслуг и статуса, с перспективой подняться до Высшего. Клеймо предателя исчезнет. Возвращайся к Свету. Ты получишь все, о чем может мечтать Иной. Слово Гесера.

Артем долго подбирал слова, прежде чем ответить:

— Все это очень мило, но не сравнится с…

— Возвращайся к Свету — и я вернусь к тебе. Вернусь и останусь с тобой навсегда.

На этот раз Локшин молчал долго.

— Ты, — начал он неуверенно, — говоришь это, только чтобы я поступил по-вашему.

— Я всегда любила тебя, Артем, — тихо сказала девушка, — с тех лет, когда мы ходили в школу при Ночном Дозоре. Даже когда боялась и избегала, потому что так велел долг, — не переставала любить. Посмотри мне в глаза и увидишь в них — лгу я или нет.

Инквизитор порывисто взял девушку за плечи, сжал их, вгляделся в ее голубые глаза. Казалось, в них горит отраженный свет звезд.

— Валя, — прошептал он, обнимая ее, — я тоже люблю тебя, люблю больше жизни!

— Артем…

— Валя, но долг превыше жизни, превыше любви! Послушай, не перебивай! Я предлагаю тебе: идем с нами туда, наверх. Сегодня родится новый порядок, новый вечный мир. Вот это дитя станет его провозвестником, а я — создателем и первым правителем. Вставай рядом с нами. Ты будешь

самой прекрасной королевой мира. Серебряной королевой!

— Ты хотел сказать — Серой.

— Пусть! Идем с нами, это дверь в будущее!

— Ты же знаешь, что это невозможно, — покачала головой девушка, и по щеке ее скатилась одинокая слеза. — Я — Светлая. Я не смогу жить в полу-Тени.

Локшин потемнел лицом:

— Ты даже не хочешь попробовать.

— Не перекладывай выбор на меня, Артем. Его делать тебе.

У Огонька предательски защипало в носу. Он хотел отвернуться, но боялся пошевелиться.

Локшин вдруг стал спокоен. Руки его перестали дрожать, он сел на камень, глядя прямо перед собой:

— Хорошо. Уходи, любимая. Улетай, как ночной призрак. В любой момент может возобновиться бой. У меня чуть сердце не остановилось, когда ты попала под «марево»…

Огонек с изумлением посмотрел на него.

— Да, Ярик, — кивнул Артем, — только мы с тобой поднимемся к Сердцу Сумрака и сделаем то, что должны. Мы справимся. Тогда я вернусь к Валентине — и мы все будем одного цвета. Быть

по сему!

Он достал из ножен меч и взглянул на мерцающий в лунном свете клинок.

— Разве ты не слышал меня? — сказала Светлая волшебница. — В полу-Тени я зачахну, как цветок без солнца, пойми! Я никогда не буду счастлива.

— Будешь, милая. Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Артем, я говорю тебе в последний раз: вернись к Свету и ко мне. Если я сейчас уйду — я уйду навсегда.

— Значит, — он нехорошо усмехнулся, — для тебя долг тоже важней любви?

— Кто-то жестоко обманул тебя в детстве, когда объяснял, что такое долг!

— Все решено, любовь моя. Мы идем наверх вдвоем с Яриком.

— Это окончательный ответ? — Валя гордо вскинула голову, но из глаз ее текли слезы.

— Окончательный.

— Быть по сему, — в тон ему ответила Валя.

Она прошептала заклятье — и глыба снова выскользнула из стены. Грустно улыбнулась Огоньку на прощанье и нырнула в проем. Локшин вставил камень на место. Его лицо было мертвенно-бледным.

— Своими устами только что отказался от счастья, хорошее дело, а? — пробормотал он. — Если бы кто-то мне рассказал такое еще недавно, я бы плюнул ему в лицо. Я готов был отдать все за одну ночь с ней — свое положение, статус Инквизитора, все, чего я достиг. Смейся надо мной, парень, ты имеешь полное право. Наверное, я проклят кем-то из Великих… что ж, меня не напугать проклятьями. Я пройду этот страшный путь до конца. Был ли на свете когда-нибудь еще такой альтруист? Ты видел, чем я жертвую ради великой цели? Видел?

— Я видел, — испуганно кивнул Огонек.

— Порой я сам не верю себе…

Локшин затих, прислушиваясь, поглаживая длинное лезвие.

— Кто-то идет сюда, — прошептал он, — кто-то с *их* стороны. Приготовься. Будем прорываться.

Мальчик сжался, ожидая удара из тьмы. Но вместо этого увидел — свет луны закрыла тень. Кто-то карабкался через пролом в стене.

— Любимый, — раздался нежный голос, — не стреляй, пожалуйста…

— Агата? Вы что, сговорились?!

— Тайпан хочет выйти против тебя сам. Ему плевать, что вы с мальчиком погибнете. Завулон

обещал лично снять ему голову, если вы дойдете до башни.

Огонек с изумлением разглядывал девушку. Она была изящной и трогательно неловкой, на вид совсем юной, на пару лет старше его самого. В больших глазах за стеклами очков отражался свет луны. Темно-русые волосы рассыпались по плечам, гибкое тело затянуто в черную кожу.

— Я упросила его не начинать, пока не поговорю с тобой, — сказала Агата. — Теперь он знает про нас.

— Что знает, мышонок? — растерянно спросил Локшин.

— Все. Теперь нам с тобой или вместе — или обоим конец.

— О Свет и Тьма…

Инквизитор в изнеможении опустился на каменную глыбу. Прижал к пылающему лбу холодное перекрестье меча.

— Любимый мой! — Агата скользнула к нему под бок, словно кошка. Встала на колени, ласково коснулась его влажных висков. — Мы еще можем все изменить. Давай убежим отсюда далеко-далеко. Хочешь, я поменяю цвет, стану серенькой? Я сделаю все, как ты скажешь.

— Ты не понимаешь, о чем просишь, — сипло

отвечал Артем. Глаза его походили на пылающие угли. — Ты не знаешь, через что я прошел. Вся моя жизнь, вся жизнь!

— А ты не знаешь кое-что про меня, — звонко рассмеялась Агата.

— Что? — беззвучно шевельнулись его губы.

— У нас будет ребенок.

Артем выронил меч, и тот со звоном покатился по камням.

— Что?!

— Ты говорил, что против, — с виноватой улыбкой сказала девушка, и даже в темноте было видно, как она покраснела, — но я единственный раз в жизни ослушалась тебя. Тогда, в Питере, я сохранила твое семя. Дальше было просто. Я все-таки волшебница…

Артем, шатаясь, подошел к Агате и поднял руку… Огонек весь сжался, ожидая удара, — но Локшин прижал девушку к себе. Агата заплакала.

— Ты точно знаешь? — спросил он.

— Я все-таки волшебница, — повторила Агата.

Огонек переживал острое желание провалиться под землю.

— Почему, — застонал Локшин, — ну почему ты не послушала меня?

— Потому что я люблю тебя. И ты тоже меня любишь, только боишься признаться себе. Боишься повредить своей карьере. Я же нравилась тебе еще давно, в «Лесной сказке»! Артем, давай убежим на край света, в Новую Зеландию, в Чили, на Фиджи! Все останется как прежде, надо только шагнуть в портал. Твоего друга возьмем с собой.

— Нет, — прошептал Инквизитор, — нет, нет, нет…

— Да, любимый, да.

— Нет! Это все морок, — Артем расхохотался тонким, незнакомым голосом, — наваждение! Вы все сговорились против меня. Дьявольщина! Я в одном шаге от величайшего поступка в истории. И тут ко мне приходят… и говорят, все брось…

— Артем! — На Агату было больно смотреть. — Ты что, не веришь? Ты же маг не чета нам всем. Смотри!

Она распахнула полы курточки.

— Ты же видишь его!

И Артем видел сквозь Сумрак. Даже Ярик видел — крошечная искра в ее животе, начало новой жизни. Едва проросшее семечко в окружении теплой мерцающей ауры.

— Все равно, — прошептал Инквизитор, — я пойду туда.

— Но, Артем…

— Уходи, Агата. Беги, спрячься. Утром я найду тебя.

— Ты что, не понимаешь? — Девушка снова расплакалась. — Тайпан знает о нас все. Он схватит меня сразу, как я выйду отсюда! Где я спрячусь?

Локшин утирал катившийся градом пот:

— Придумай что-нибудь. Утром это будет не важно, все будет не важно. Я вернусь победителем. Уходи!

Агата, рыдая, качала головой.

— Уходи, уходи, глупая. Уходи же! Здесь опасно! Скоро начнется бой!

— Скажи, что ты любишь меня…

— Агата…

— Я не уйду, пока ты не скажешь, что любишь.

— О, проклятье! Люблю, конечно, люблю, иди же!

Всхлипывая, Агата взбиралась по камням наверх. Артем проводил ее лихорадочным взглядом. Казалось, он был готов позвать ее назад, вернуть — но вместо этого обернулся к Огоньку и спросил:

— Готов, парень? Сейчас начнется. — Локшин дрожащей рукой искал на полу меч. — Думаю, Светлые друзья нам еще помогут. Они не рады,

что я отверг их щедрые дары, — но отдавать тебя Тьме никто из них не хочет.

* * *

Артем снова угадал. Едва Темные пошли в атаку на его маленький бастион, Светлые попытались сдержать их. Возможно, Нелли упросила их сделать попытку отбить сына. Скифу удалось собрать три десятка бойцов из отряда Валентины — и он бросил их в бой. Остатки двух армий, две Изначальные Силы сошлись на руинах крепостной стены, как две волны. Ослепительное зарево видели даже в Керчи и Севастополе. Десятки мечей замелькали под светом луны, как в кошмарном пророчестве, что увидел в глубине сознания Яны Скиф. Вновь тяжело застонал Сумрак. Напор Светлых был таким неожиданным и яростным, что многие Темные не выдержали и побежали — и многие полегли под мечами Света, и черная кровь залила склон горы, она бежала вниз множеством ручьев — и победа была близка, но Тайпан бросил в бой последние резервы, и чаши весов вновь заколебались.

Нелли шла за Артемом и Огоньком, когда справа от нее особенно черная область тьмы вдруг обрела форму — и бросилась на Светлую волшеб-

ницу с рычанием. Огромная пантера-оборотень повалила ее на землю, выбила из рук меч и потянулась клыками к ее горлу.

Тяжелые лапы сдавили грудь, острые когти рвали куртку Нелли, оставляя глубокие раны на теле, прижимая к земле ее правую руку, в которой находился меч. Артем не заметил этого (или не захотел заметить) — он ушел вперед и вверх, прорубаясь к вершине горы. Огонек шагал за ним.

Нелли подняла левую, свободную ладонь. Щелкнул скрытый механизм, и длинная стальная игла выскользнула из рукава. Багира не успела отстраниться. Острие ножа сорвало кожу на ее щеке, раздавило глазное яблоко, глубоко вошло в мозг и застряло в костях черепа. Темная дозорная не успела даже крикнуть — упала замертво.

Нелли с трудом столкнула ее тяжелое тело с себя, нашла в траве катану — и огляделась в поисках сына.

Но раньше Артем схватил Огонька и бросился наверх, к Дозорной башне, перепрыгивая через тела павших воинов. Он шел напролом.

— Где вход? — воскликнул он. — Ярик, где вход в Чертог?

В этот момент он словно запнулся обо что-то — и с криком покатился по земле, выпустив

мальчика. С воплем боли и ярости обернулся он, вскинув меч — и увидел мелькнувшие в лучах луны змеиные кольца.

— Тайпан!

Локшин вскочил на ноги; его защита исчезла — а силы были на исходе. Сразу несколько Темных скрутили его. Он рванулся, поднялся, снова упал под весом врагов. И увидел, как их головы и руки падали на траву под ударами меча. Его снова выручила Нелли. Катана взлетала и опускалась, словно лунная молния, — и Артем вскоре был свободен. Он в бешенстве оглядывался в поисках змея — но тот укрылся в тумане. Нелли встряхнула Инквизитора.

— Где мой сын? Где Огонек? — прокричали они одновременно.

Огромной силы «пресс» обрушился на них — и Артем вернул Светлой волшебнице долг, вытолкнув ее за пределы действия заклятья. Вслед им неслось змеиное шипение.

Локшин достал последний из оставшихся амулетов — и разноцветный купол защиты снова замерцал вокруг него. Всю его Силу вогнал он в «радужную сферу» — и вражеские клинки отскакивали от нее, пули рикошетировали, а заклятья рассеивались без следа. Инквизитор мельком

увидел лицо Огонька — оттертого почти к самой крепостной стене. По лицу мальчика бежала кровь. Перед ним, словно кряжистый тополь, стоял Скиф с мечом в руках, сдерживая напиравших врагов.

— Держись! — крикнул Локшин. — Я иду к тебе, держись!

В этот момент яркая вспышка озарила поле битвы — и сразу же тяжелый удар разметал всех, кто на нем находился.

* * *

Эпицентр взрыва находился у подножия горы — там, где кипела самая жаркая схватка. Чудовищный по силе выброс энергии выплеснулся из Сумрака, разорвал на части тела живых и мертвых воинов, Светлых и Темных, расшвырял их по двору и стенам крепости. В испепеляющей вспышке погибли почти все — из тех немногих, кто еще оставался жив.

Видя, что Артем едва не прорвался к вершине горы, Тайпан привел в действие сумеречную бомбу. Он лично установил ее на тропе к Дозорной башне предыдущей ночью — не зная, каким может быть исход штурма. Линии вероятности тонули в кровавом тумане, и змей решил под-

страховаться.

«Лучше убить всех вокруг, чем погибнуть самому от руки Завулона» — так рассудил Тайпан и укрылся за каменным боком горы. Отсюда Темный маг хладнокровно наблюдал, как мир вокруг стал нестерпимо белым, а затем медленно почернел. Горячая волна качнула землю. Сразу же стихли крики раненых и звон мечей — и снова стал слышен далекий шум моря.

Город погрузился во мрак, лишь лунный свет серебрился на руинах стен.

При взрыве Артем схватил Нелли за руку — и его защита обволокла их обоих; но даже она не выдержала и лопнула. Оба выжили, но погрузились в горячее багровое забытье.

Почувствовав летящую волну смерти, Скиф закрыл своим телом Огонька — и упал с ним в Сумрак. Но удар настиг их и здесь. Словно тяжелая плита обрушилась на Светлого мага, ломая кости, срывая одежду.

Он на какое-то время потерял сознание от боли, а когда пришел в себя — увидел колыхавшиеся щупальца синего мха да плывущие в ледяном воздухе радужные клочья: это распадались защитные заклятья умирающих Иных. Шевельнувшись, он услышал явственный хруст

сломанных костей и застонал от боли.

Где Огонек?

Он обернулся и увидел рядом одного из смертельно раненных Темных. Тот наклонился над Яриком с ножом в руке.

Светлый маг рванулся к нему, но смог лишь взмахнуть левой рукой. Кости правой, как и множество других костей в его теле, были переломаны. Тогда левой Скиф схватил Темного за плечо и рванул на себя. Он сдавил его горло стальными пальцами и продолжал сжимать, пока у Темного не хрустнули шейные позвонки — и тот не упал на землю.

— Ярик, — позвал Скиф шепотом.

Мальчик открыл глаза. Дыхание вырывалось из его рта серебристыми облачками тумана. Пребывание в Сумраке давалось ему трудно. Благодаря Скифу он остался цел при взрыве — но, измотанный событиями дня, сразу почувствовал здесь тяжелую дурноту.

— Ярик, уходи наверх… — голос не слушался Скифа.

Он видел, как мальчик попытался сесть — но сразу упал. Его светлые волосы рассыпались по холодной земле.

И не было, не было Сил, чтобы помочь ему.

Светлый маг огляделся. Его Бальмунг лежал у ног. Дальше, у стены крепости, таяли ауры погибших Иных. Помощи ждать было неоткуда.

— Вставай, парень. Ты должен жить.

Огонек услышал его. Он снова приподнялся — и снова упал, иссиня-бледный, как мертвец. Аура его потускнела до прозрачности. Холодный Сумрак стоял вокруг, как черная толща морской воды, он пил остатки его энергии, словно ненасытный вампир. Сумрак почти допил Огонька.

Силы оставили и Скифа. Он еще мог бы попробовать уйти наверх, но тогда пришлось бы бросить мальчика.

Ты обещал Яне, что вернешься.

Светлый маг колебался. Решение нужно было принимать быстро. Или спасти мальчика — или попытаться уйти самому.

Что второе, что первое — Скиф не знал, получится ли. Сил почти не осталось. Последние капли, на минуту жизни в Сумраке, может быть.

Он вспомнил, как обернулся на лондонской улице и увидел Яну в окне: маленькую, с длинными черными волосами на плече, улыбающуюся сквозь слезы.

Она ждет тебя. Впервые за столько лет кто-то любит и ждет тебя…

Яна взмахнула рукой и сказала: возвращайся скорей — он прочел по губам.

Скиф нашел на земле кинжал убитого им Темного и полоснул себя по запястью. Капли его крови растекались в Сумраке, словно алая сеть, — и черная стена немного отступила. Сумрак зашипел, как раскаленная сковорода. Кровь Светлого мага первого уровня ему нравилась. Она была слаще и приятней, чем все, что он выпил здесь этой ночью.

Мальчик сразу же открыл глаза — и Скиф коснулся его щеки.

— Сейчас тебе станет полегче. Уходи наверх.

— А ты? — еле слышный шепот.

— Мне помощь не нужна. Уходи.

Скиф сжал окровавленной ладонью плечо Огонька, и его Сила потекла в тело мальчика. Вся, без остатка. Уже соскальзывая в черное бесчувствие, Светлый маг с горечью понял: Силы у него оставалось слишком мало.

Глава 4

Черная крепость
29 сентября 2015, полночь

Поднявшись на ноги, Артем понял, что остался в одиночестве на кургане из трупов. Внутреннее пространство крепости было завалено телами мертвых воинов, над ними в лунном свете искрился кровавый туман. Инквизитор искал Огонька — но увидел только прекрасную женщину с длинными светлыми волосами. Она шла, прихрамывая, по склону горы, изнуренная схваткой, израненная, — и в руке ее холодно блестел покрытый кровью японский меч.

— Где твой сын, Герда? — спросил Артем.

— Я искала его среди мертвых, — ответила женщина, — искала среди живых. Его нигде нет.

— Истина в том, что твой сын погиб, — раздался глубокий голос. Казалось, он звучал сразу со всех сторон.

Артем и Нелли подняли головы и замерли в оцепенении.

Огромный змей свернул тугие кольца на тропе к Дозорной башне. Его холодно блестящее, словно покрытое пленкой жира тело казалось бесконечным; оно было жутким и прекрасным одновременно. Треугольная голова в пластинах чешуи покачивалась в бледном сиянии луны, завораживая, приглашая немедленно спасаться бегством или пасть на колени. Длинный раздвоенный язык быстро показался из пасти и снова исчез.

— Ты лжешь, — прошептала женщина.

— Наследник Великого магистра сгинул в ледяной пустоте Сумрака вместе со Скифом, — ответил Тайпан. — Да, это я убил их обоих, я убил всех. Эта история началась взрывом сумеречной бомбы — им и закончилась. Теперь нам осталось только поставить точку. Лишь мы с тобой, Герда. Этот самодовольный петушок нам не нужен. Чтобы взять власть над миром, вы, Светлые, хотели использовать Артема против меня — а он хотел использовать вас. В конце концов я один попользуюсь всеми вами.

Оскорбление подействовало на Артема как удар. Он выхватил «призму Силы»… но вершину

горы закутал плотный туман — словно рухнули вниз облака. Луна исчезла, и запахло гнилым болотом.

— Бросай свою стекляшку, — просвистела Тьма, — от нее больше нет толку.

Нелли отступила на шаг от Артема. Ей казалось — после этих слов последует удар треугольной головы. Но Тайпан скользил в тумане — невидимый, неуловимый, огромный.

Локшин поднял меч:

— Выходи, трус. Я справлюсь с тобой и без «стекляшки».

Он вдруг ударился о землю — и превратился в огромного серебристого орла. Взмахи его крыльев расшевелили колдовской туман, словно порывы ветра, — и Нелли увидела, как змей стремительно скользит среди скал, укрываясь от гневного взгляда исполинской птицы. Орел заклекотал в ярости, он поднялся к вершине горы и облетел Дозорную башню. Стремительная тень его скользила по траве… туман наползал снова — и враг ускользал от клюва и когтей Артема. Тогда орел принялся хватать глыбы камня и бросать их в змея. Некоторые из них попали в цель — и враг зашипел от боли.

«Ему не скрыться», — поняла Нелли. К ней при-

шла спокойная уверенность — Тайпан проиграл. Серебряный орел сильнее змеи.

— У меня для тебя сюрприз, Артем, — смеясь, сказал Тайпан, и его глубокий голос, казалось, проникал в самую душу. — Вон там, у черной скалы. Спустись с небес. Это тебе от меня.

Туман отпрянул от скалы, и орел камнем упал вниз. Мгновение — и Локшин обрел свой обычный облик. Крик невыносимого страдания разорвал ночь. На траве лежала Валентина; ее лицо было белым, как лунный свет в январе. Инквизитор подбежал к девушке, схватил на руки и зарылся лицом в медовые волосы. Голова ее безжизненно закачалась.

— Нет, — шептал он, — нет-нет, я тебя спасу, нет…

— Какая сердцещипательная сцена, — притворно растрогался змей; уже ничего не боясь, он выполз на лунный свет и с улыбкой наблюдал за Артемом. — Но постой, это еще не все. У меня есть и второй сюрприз. Два подарка для дважды предавшего — сперва Свет, затем Инквизицию.

Новый порыв ветра — туман исчез вовсе, и Локшин увидел лежавшую на траве Агату. Тело несчастной было изломано, шея вывернута под неестественным углом — она напоминала куклу,

по которой проехался автомобиль. Разбитые окровавленные очки зацепились дужкой за ухо. В больших, по-детски простодушных глазах застыл немой вопрос.

— Прости, Артем. Кажется, я обошелся грубовато с твоей маленькой шпионкой. Впрочем, ты ведь не особо ценил ее, не так ли?

Плач Инквизитора превратился в тонкий вопль ужаса. Локшин прижимал к себе тела обеих девушек и покачивался на месте, обезумев от горя.

— Артем! — крикнула Нелли. — Приди же в себя!

— Они будут жить, — пролепетал Артем, — еще не поздно! Я дам им мою Силу, мою кровь.

Туман рассеялся — и снова выглянула луна. Светлая волшебница нашаривала в траве брошенную Локшиным «призму Силы», но Тайпан, конечно же, заметил это:

— Ни к чему тебе эта штучка. — Конец длинного хвоста толкнул женщину в грудь, тяжелый, как бревно. Нелли с криком боли отступила — и подняла катану.

— Для тебя, моя сладкая, — рассмеялся Тайпан, — тоже есть сюрприз. Сегодня просто ночь сюрпризов, не так ли?

— Убирайся в ад, — прошептала она, — вместе

со своими сюрпризами.

— Нет рая и нет ада, — отвечал змей, и жирно блестящие кольца плыли, текли, словно в причудливом танце, в лунном свете над опустевшим полем битвы. — Мы бессмертны, мы сами создаем ад и рай. Посмотри на это поле перед тобой, глупая маленькая женщина. Мы остались вдвоем. Все мертвы. Разве это не прекрасно? Сотни Иных принесли себя в жертву великой цели — к которой мы пойдем вместе с тобой.

Нелли сказала, куда, по ее мнению, пойдет Тайпан.

Узкие, влажно блестящие глаза Темного мага-перевертыша смотрели на нее с холодным интересом.

Рыдания теснились в груди у Нелли — и не находили выхода. Только сейчас она в полной мере осознала, что произошло, и горе пополам с отчаянием навалились на нее, словно каменный голем. Матвей мертв, Ярик погиб. Мы слишком поверили в Артема. Силой его не сломить — о, даже сейчас он мог бы встать, поднять меч и дать бой. Но Тайпан нашел его слабое место.

— Теперь ты моя, милая Светлая колдунья. Мой приз за победу. Слабая, измученная этой борьбой, потерями, снова одна на свете. Ни друзей, ни

родных, ни соратников…

Она вскинула меч навстречу луне:

— Чего же ты ждешь, червь? Убей меня, если осмелишься.

Змей усмехнулся, играя раздвоенным языком. Глаза его походили на два кровавых рубина, мерцающих во тьме.

— Убить тебя? Я же не безумец — уничтожить такое сокровище. Ты поможешь мне в великом деле, маленькая Светлая. Завтра утром здесь будет много удивленных Иных из Москвы, Праги и Берна, и нам не стоит встречаться с ними. Я унесу тебя очень далеко отсюда — туда, где нас никто не найдет. Мы проведем вместе много лет… пока не вернемся сюда снова.

— Что ты несешь, мразь? Ты убил моих друзей, моего мужа и сына — и ждешь, что я буду помогать тебе?

Голова змея быстро приблизилась, затанцевала над Нелли, раскрытая пасть источала запах гниющего мяса:

— Твое согласие не требуется, Светленькая. Ты в моих руках — или, если угодно, кольцах, — и их сила во много крат выше твоей. Ты станешь моей женщиной, моей самкой, ты родишь мне сына — и он послужит делу Тьмы. Последний прямой

потомок Великого магистра тамплиеров станет царем змей, наследником владыки мира. Моим наследником.

— Интересно, что скажет на это Завулон?

— Завулон… Из него выйдет неплохой слуга.

Нелли рванулась прочь — но из травы поднялись сверкающие чешуйчатые кольца — казалось, они были повсюду. Светлая Иная налетела на одно из них и упала на землю. Катана со звоном исчезла во мраке.

— А бежать тебе некуда, — прошипел змей с высоты, — я вокруг тебя, Герда. А скоро буду и внутри тебя.

Нелли бросила быстрый взгляд на Артема. Тот сидел между трупами своих девушек, согнувшись в три погибели, раздавленный, обессилевший. Мир перестал существовать для него.

«Нет, нет, только не такая судьба», — подумала она в ужасе. При мысли о том, что холодная омерзительная тварь овладеет ею, что в ее чреве будет расти черное семя, Нелли почувствовала головокружение и тошноту. Все ее друзья и родные погибли — быстро или в муках, Артем сошел с ума, — но теперь именно ей уготована самая лютая доля…

Меч лежал далеко в траве. Она поискала

спрятанный в рукаве нож. Одним движением покончить с собой — ударить в живот или в сердце и уйти в глубокий Сумрак к мужу и сыну, туда, где вечный покой.

Ножа в рукаве не было. Он остался в теле Багиры.

Тайпан с улыбкой наблюдал за Нелли, читая ее мысли как раскрытую книгу. Тучи над его головой рассеялись, и стал виден призрачный капюшон Столпа отчуждения, над которым покачивался в небе мутный фонарь луны. В его свете маслянисто сверкала чешуя бесконечного змеиного тела.

— Все закончилось, кошечка моя, — с ноткой издевки просвистел Тайпан, — занавес опустился, расходимся по домам. Нас с тобой не догонят, не найдут… да и не станут искать… тела погибших сложат в братскую могилу, и назавтра всю историю, как водится, намертво засекретят. Для всего мира мы с тобой — покойники.

Змеиные кольца сжимались вокруг Нелли.

— Артем! — крикнула она. — Артем, сделай что-нибудь! Он же убил твою любовь!

Локшин остался недвижим. Его аура казалась почти погасшей.

Он пытается влить свою Силу в их мертвые

тела.

— Зачем нам Артем? — свистящий шепот Тайпана раздался совсем близко. — Теперь есть только ты и я. На долгие годы. А знаешь… я умею быть ласковым.

Он смеялся. Треугольная голова с раздвоенным языком покачивалась совсем низко. Нелли ударила ее кулаком — магическую защиту Тайпан снял, — и тот даже не отстранился. Она наносила удар за ударом, не чувствуя облегчения. Змей приговаривал:

— Ну, давай, давай… вот хорошо… вот так…

Ее удары были ему как комариные укусы.

Вот и все.

Все было зря!

Эта мысль добила Нелли. Она без сил опустилась на влажную от крови траву, без особого интереса наблюдая, как огромное тело змея вдруг скорчила судорога. Тайпан крутнулся на месте, и голова его исчезла в лунном полумраке — словно у чудовища появилось какое-то более срочное дело.

Ты можешь сбежать. Пока он не видит.

Нелли не смогла встать — она покатилась по склону горы вниз, перебираясь через тела погибших воинов. Вслед ей летело шипение — словно в

раскаленные угли плеснули воды. Она понимала только одно: Тайпан отвлекся, и у нее появился шанс.

Бежать!

Нелли попыталась встать на ноги — и наткнулась на что-то маленькое, рыжее, в светлом платье.

— Тише, тише, — выдохнула Лина ей в лицо, — не бойся, это я.

— Что ты здесь делаешь?!

— Говорю же, не бойся. Смотри!

На тропе к Дозорной башне среди бесчисленных трупов извивался в мучительных конвульсиях Тайпан. Тело его уменьшилось на глазах. Казалось, змей вцепился зубами в себя самого, но, присмотревшись, Нелли поняла — он пытался вытащить что-то из себя. Что-то, ярко сверкнувшее в лучах луны.

Усилия его были тщетны. Спустя минуту Тайпан замер без движения. Он снова был в образе седовласого Иного в глухом сером плаще. Теперь Нелли увидела — и не поверила глазам: по тропе спускалась тонкая фигурка. Лица не было видно на фоне льющегося света — только силуэт, но сердце вдруг заколотилось безумной надеждой.

— Не такой уж ты и страшный, змеюка, — ска-

зал знакомый голос, и силуэт наклонился над трупом.

Огонек вырвал из тела поверженного врага Бальмунг и поднял его к небу.

И тогда свет бесчисленных звезд вспыхнул на гранях его лезвия — и меч засиял в ночи отражением их огня.

* * *

Золотой Чертог тамплиеров
Однажды, раз в тысячу лет

Ярик никогда бы не подумал, что вход в Чертог может выглядеть так. Неудивительно, что от подножия горы он не видел ее — небольшую нишу в стене, плотно закрытую высокой травой. Только пробравшись сквозь заросли, они оказались в сухом и темном коридоре, похожем на пещеру.

Мама зажгла над головой «светлячок». Испуганные ящерицы юркнули в стороны из-под ног, скрылись в камнях.

— Здесь? — спросила Нелли осипшим от слез голосом. — Я ничего не чувствую.

Она держала на руках погруженную в сон девочку.

— Здесь, — кивнул Огонек, — и, кроме нас, ни-

кто не видит эту пещеру.

Он прижимал к себе тяжелый меч как великую ценность. Скиф ушел во мрак, и теперь Бальмунг стал оружием Ярика.

— Я чувствовал все время, — прошептал мальчик, — с той ночи в поезде меня тянуло сюда. Идем вперед.

— А Лина?

— Пусть побудет здесь. Никто не знает, что будет, если мы пойдем дальше втроем.

Он вспомнил, как вынырнул из Сумрака после смерти Скифа, еле живой, оцепеневший от ледяного кошмара. Первое, что он увидел, — встревоженное лицо Лины на фоне ночного неба. Как она пробралась сюда, за ним, прошла по руинам стен и башен, мимо множества мертвых Иных? Выжил бы он — если бы не девочка, что отогрела его своим теплом и поделилась Силой?

Мама постелила на полу свою куртку и уложила на нее девочку. Плечи и руки Нелли были в глубоких кровоточащих ранах от когтей пантеры. Она осмотрела сухие скалы и свисающие с потолка корни:

— Здесь только камни. Даже в Сумраке — чисто… пусто…

— Разумеется. Чертог наглухо замурован, что-

бы никто не увидел его и не пробрался внутрь. Идем. — Он взял ее за руку, сделал шаг вперед и оглянулся. — Не передумала?

— Нет. Победа Света, немедленно и навсегда. Идем.

— Мама, — голос Огонька дрогнул, — скажи правду. Что с отцом?

— Он погиб, Ярик. — На ресницах Нелли дрожали прозрачная капли. — Погиб сегодня утром, прикрывая отход товарищей. Прости, что соврала про особое задание. Не хотела делать тебе больно.

Мальчик опустил голову:

— Прощаю. Я… что-то почувствовал. Как будто стало холодно и пусто. Ты тоже?

Она кивнула:

— Это война, знаешь ли. На ней погибают время от времени.

— Да, ты говорила. — Он, казалось, окаменел. — Темные и Светлые просто пришли помериться силой.

— Вот, померились… остались только мы да Линка. Локшина можно не считать.

— Прости, что не верил тебе. Прости, что слушал Артема. Теперь я понимаю, какой он дурак.

— Прощаю.

На пороге Золотого Чертога мать и сын обняли друг друга.

…Три дня назад, на рассвете после переправы через пролив, Ярик сидел с отцом у костра среди холмов на окраине Керчи, охраняя спящий лагерь.

«В дозоре, — подумал мальчик. — Мы в дозоре — защищаем сон наших друзей».

— Пап.

— М-м?..

— Почему вы с мамой Светлые?

Матвей долго молчал, глядя на игру языков пламени.

— Можно вывести разные теории, анализируя наше прошлое, — но в основе все равно найдем случай.

— То есть вы могли бы быть Темными?

— Конечно. Хотя насчет мамы я не уверен.

— И я мог бы быть Темным?

— Человек рождается изначально чистым, как белый лист. Затем в его душе начинают бороться Свет и Тьма.

— Добро и зло?

— Не совсем так… Понимаешь, встречаются и довольно добрые Темные, и более-менее коварные, обозленные на кого-нибудь Светлые.

Не бывает абсолютного добра и зла; это относительные понятия. А Свет и Тьма — проще. Это Изначальные Силы, стихии.

— А Светлый Иной может стать Темным? — подумав, спросил Огонек.

— В очень редких, исключительных случаях. Но гораздо проще добрый человек может озлиться — и наоборот. Улавливаешь?

— Уже понятней.

— Хочешь есть? Я могу попробовать сварить кашу.

— Давай лучше еще кофе.

Матвей достал термос и чашки. В теплеющем небе над оврагом посвистывали какие-то летучие существа, приветствуя встающее из-за гор солнце.

— Пап.

— М-м?..

— А почему Светлому трудно стать Темным и наоборот?

— Зачем тебе?

— Ну, так. Интересно.

— Когда ты впервые входишь в Сумрак, твоя суть меняется. Из нейтрального ты становишься определенным образом заряженным. Мы живем и творим волшебство, напитываясь энергией

людей. Светлые — положительными эмоциями, Темные — отрицательными. Это наша вторая пища. Скоро ты и сам научишься это делать. Уже делаешь, неосознанно. Энергетика становится твоей сутью, эссенцией, связующей тело с Сумраком. Ты Светлый, ты пьешь человеческую радость — и она питает тебя. Знал бы ты, сколько наши мудрецы придумали способов массового веселья для массовых заборов Силы. Тем же, только по-своему, занимаются и Темные. Великий Договор сдерживает нас в этой алчной гонке, он охраняет некоторую справедливость. Но есть Иные, что не могут остановиться в погоне за бесконечным наслаждением. Они похожи на вампиров или тяжелых наркоманов. И полбеды, если кто-то настойчиво пытается осчастливить ближнего, дабы выжать Светлую энергию, — хотя это тоже скверно. Темные маньяки гораздо опасней. Не так уж сложно похитить человека и бесконечно мучить его, вызывать боль, ужас и чувство вины — и высасывать их, как пиявки и слепни, что питаются кровью. Есть приручённые люди, *трайфл*, которых Темные привязывают к себе с помощью магии — и используют как доноров негативных эмоций. Есть специалисты по самым ужасным мукам, которые только можно вообразить. Ноч-

ной Дозор накрывал настоящие «фермы страха», где множество людей держат месяцами — пока те не погибнут от нервного истощения. А их тела идут на корм оборотням и вампирам.

— Пап, не надо, — пробормотал Огонек, — хватит.

— Прости, — Матвей аккуратно уложил в огонь полено, — я не хотел тебя напугать, сын. Просто представь, что ты, всегда получавший энергетическую подзарядку от счастья и любви, должен будешь заряжаться от чьих-то слез. Или, наоборот, ты Темный и привык ловить кайф от страданий своего ближнего — и должен отказаться от этого.

Ярик помолчал, поворошил палкой угли. От костра ввысь летели искры.

— Если в мире будет больше счастья и любви — мы будем побеждать Тьму?

— Возможно, — ответил Матвей, — но Темные этого не допустят.

— Значит, будет война?

— Будет война.

— Всегда?

— Всегда — это слишком долго, чтобы представить. Но повоевать придется…

…Не было ни сверкающих врат, ни ослепитель-

ного потока света, ни трубных звуков. Только дверь из шероховатого камня. Нелли провела по ней ладонью и скорее нащупала, чем увидела широкий крест с острыми краями — символ Ордена Храма. Дверь под ее рукой не шелохнулась.

— Запечатано.

Тогда Огонек коснулся креста… и в этот момент произошло нечто, что он не смог бы описать словами. Глубоко внутри горы что-то дрогнуло, шевельнулось, словно пришло в себя от долгого сна — и пристально посмотрело на Ярика сквозь толщу камня. Что-то огромное и вечное, куда большее, чем мелкие суетливые дела устроивших в крепости драку Иных. «Волшебники древности были посильней нынешних», — пришло на ум Огоньку. Ощущение изучающего неотрывного взгляда стало в какой-то момент невыносимым, почти физическим — и вдруг прекратилось.

— Ты тоже почувствовал? — шепотом спросила мама. Пальцы ее дрожали.

Огонек положил ладони на дверцу — и она мягко отворилась перед ним, впуская в коридор призрачный серый свет.

— Идем, мам. — Он взял Нелли за руку. — Ты будешь хорошей королевой мира.

Переступив порог, они очутились в просторной

пещере. Свет, казалось, шел отовсюду — словно теплым голубым сиянием сочился сам камень, в котором она была высечена. Вдоль стен расположились столы и стойки с рыцарскими латами и оружием. Сталь доспехов была гладкой и блестящей, будто только из-под рук полировщика. Богато украшенные ножны мечей переливались драгоценными камнями.

— Что это? — в изумлении спросила Нелли.

— Думаю, мы еще не дошли. Сюда!

В глубине помещения находился проем. Свет, идущий из него, казался ярче. Мать и сын прошли через пещеру, стараясь не задеть ничего из драгоценных диковин, и оказались в следующем зале. Он был больше предыдущего, и свет здесь казался золотисто-алым, как северное небо на закате полярного дня. Здесь стояли сундуки, до краев полные бриллиантами и старинными монетами; вдоль стены выстроились изумительной работы статуи из золота — и каждая из них была увенчана короной. От этого великолепия у Огонька захватило дух, а Нелли сказала с усталой иронией:

— Сокровища тамплиеров. Подумать только — они и в самом деле существуют.

— Это и есть Золотой Чертог?

— Нет. Просто золотой запас на черный день.

Они прошли всю пещеру насквозь и оказались в новом зале. Здесь стояли шкафы, заполненные книгами и свитками. Огонек подошел к одному из шкафов и провел пальцем по истертым кожаным корешкам. На некоторых из книг были полустертые надписи, но ни одного слова мальчик не понял.

— Вот настоящее богатство, — тихо сказала Нелли. — Клинки и золото — игрушки. Мой дядя многое отдал бы только за то, чтобы подержать эти книги в руках.

Они миновали библиотеку и увидели еще один проход. Его закрывали створки невысоких — в человеческий рост — ворот, искусно выкованных из тончайших золотых ветвей, цветов и листьев, усыпанных мелкими алмазами. «Видел ли ты в жизни что-то прекраснее этих узоров?» — подумал Огонек в восхищении. За золотыми завитками он видел еще один зал — самый большой из всех, хотя врата скорее напоминали не парадный вход, а тайную калитку. Над вратами темнела надпись готическими буквами: VERITATES ET LUMEN.

— «Правда и свет», — перевела мама, — это латынь.

Огонек коснулся ворот. Сверкающий металл был теплым, как пожатие дружеской ладони. Радостное ощущение свободы накрыло мальчика, словно за спиной вырастали крылья — больше не надо тревожиться, здесь только добро, Свет и правда. Мы добрались.

Я дома.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДЕ МОЛЕ. Я ЖДАЛ ТЕБЯ СОТНИ ЛЕТ.

Откуда звучал этот голос? Огонек посмотрел на маму — на этот раз та, похоже, ничего не слышала.

Эти слова — только тебе.

Это оно. Сердце Сумрака!

Мы добрались.

Ярик толкнул створки, и золотые врата легко распахнулись перед ним.

* * *

Оно выглядело как глубокая чаша. Кубок, высеченный из цельного куска темно-зеленого малахита, покрытый затейливыми узорами. Массивный: только очень сильный Иной вроде Скифа смог бы поднять его. Чаша покоилась на сверкающем мраморном кубе посреди зала в окружении вороха прекрасных роз, белых и

алых. Цветы были живыми, словно их только что срезали; на лепестках мерцали капли воды.

— Здравствуй, — сказал мальчик.

Он почти шептал, но слово загуляло эхом под сводами. В Сумраке комната казалась наполненной теплым сиянием. Аура вокруг малахитовой чаши медленно пульсировала всплесками света, и Огоньку чудилось — он слышит стук. И в самом деле сердце!

Мать и сын переглянулись.

Откуда-то зазвучала музыка — вначале едва слышная, но все более прекрасная и громкая. То пел сам Сумрак. Здесь он казался непривычно уютным и теплым, спокойным, как тихая гавань после долгого изнурительного пути. Огонек моргнул и внезапно увидел Силу. Неописуемо мощные потоки, великие реки Силы. Они медленно текли над головой и под полом в толще скального камня, разветвляясь, как кровеносная система, пульсируя и мерцая. Спрятанное в малахитовом кубке Сердце было живым. Мама проговорила тихо:

— Де Моле и в самом деле был величайшим из магов. Нынешним Великим не создать такого даже годами совместных трудов.

Ее слова вылетали изо рта, расплывались в

Сумраке разноцветными птицами — и таяли на стенах пещеры. «Мама волнуется», — понял Ярик. Он уже научился читать ауры: вокруг головы и плеч Нелли тлело алое мерцание.

И снова Огонек услышал беззвучный голос. Наверное, тот говорил на латыни или по-французски, но мальчик все понял.

— Ты знаешь условие? — спросил мальчик.

— Что? — вздрогнула мама.

— У тебя есть одно желание. Только одно.

Она медленно кивнула, глядя в непривычно строгие глаза сына.

— Я готова.

Огонек взял с мраморного постамента изящный кинжал с рукоятью из янтаря:

— Нужна моя кровь. Немного, не бойся.

Замерев, Нелли смотрела, как Ярик сделал осторожный надрез на ладони и несколько капель упали на дно чаши. В тот же миг вся пещера ярко засветилась золотым светом, будто на потолке вспыхнуло маленькое солнце.

— Так каково твое желание, милая девочка?

* * *

Слова исходили изо рта Ярика, но Нелли с колотящимся сердцем поняла: с ней говорил сам

Сумрак. Она вдруг поняла, что за артефакт сотворил их далекий предок, — в малахитовой чаше находилась точка, где физический и сумеречный миры встретились и преломились друг в друге. Перекресток двух вечностей.

— Я исполню любое твое желание, Герда. Ты заслужила. Проси же!

В золотом сиянии пульсировала неисчерпаемая бездна Силы, готовая прийти в движение. Эта мощь не пугала. «Мы дома, — пронеслось в голове у Нелли. — Если пожелаем — можем остаться здесь навсегда, среди мудрых книг и сундуков с сокровищами. Все это наше. Мы — наследники».

Огонек терпеливо ждал, держа руку над чашей. Капля крови сорвалась с его сжатого кулака и канула в кубок. Рана от разреза моментально затянулась, остался лишь крошечный, едва различимый рубец.

— Я хочу… — начала Нелли и закашлялась.

Сумрак вспыхивал янтарным фейерверком в такт ее дыханию.

Внезапно оказалось непросто сказать простые слова. Она много раз репетировала их, прокручивая в мыслях: «Победа Света, немедленно и навсегда!» Где-то далеко отсюда Гесер сейчас задумчиво смотрит на ночную панораму города у

моря, накрытого Столпом отчуждения. Интересно, ждал ли он такого исхода? Желал ли его?

Его любимый ученик, Скиф, выступал за сохранение вечного равновесия.

А чего хотел сам Великий Гесер? Ведь если подумать — не он начал эту игру вокруг Сердца Сумрака, а Завулон.

Нелли кусала губы, завороженно глядя на яркое ритмичное сияние вокруг чаши.

Сколько их погибло в бесконечных стычках — Светлых воинов, стремившихся к величайшей цели — до которой тебе сейчас рукой подать. Заверши их дело. Пусть их смерть и страдания будут искуплены. Победа Света, просто скажи это: победа немедленно. Навсегда!

Вдруг нужные — но совсем другие — слова пришли к Нелли. Как быстрая вспышка. Как теплый солнечный ветер.

Всего несколько слов — она торопливо произнесла их, не давая колебаниям снова овладеть разумом.

Нелли обнаружила, что стоит на коленях. По лицу катились слезы, сквозь изорванную ткань джинсов в кожу впились шипы роз.

— Пожалуйста…

Все ее силы, все мужество — исчезли. Нелли

разрыдалась. «Подлый предатель» — так она думала о себе.

А еще называла предателем Артема!

— Ты уверена, Герда? — произнесло Сердце Сумрака устами ее сына — и слова звучали подобно раскатам далекого грома.

— Нет, — Нелли вытерла слезы, — я не уверена. Но я бесконечно умоляю тебя сделать это.

— Не скоро можно будет прийти сюда снова. Минуют сотни лет. Так задумал мой создатель. Я управляю всей мощью Сумрака — но неразумно и опасно пускать ее в ход часто. Род де Моле может к тому времени пресечься. Ты понимаешь, на что тратишь единственный шанс, милая девочка?

Нелли молча плакала, спрятав лицо в ладонях.

— Будь же по-твоему, — сказал голос — прогремел, как гул просыпающегося вулкана, как рев океанского шторма, как взрыв сверхновой звезды.

Золотое сияние погасло. Чаша в ворохе роз исчезла. Нелли увидела во мраке перед собой слабо светящуюся тропу, а на ней — тонкий силуэт Ярика. Мальчик молча ждал. Всхлипнув, она поднялась на ноги, взяла его за руку и зашагала вперед и вниз. Слезы быстро высохли, и давящая тяжесть в груди исчезла. Казалось, тропа ведет

вниз — во двор через руину крепостной стены, но потом Нелли поняла, что не узнает местность.

Они шли через широкий сухой луг, затем сквозь рощу изломанных сухих деревьев — а затем по пологим песчаным дюнам, залитым призрачным белым светом, источник которого остался неясен. Здесь не было запахов и царил холод: изо рта вылетали облачка пара. Шагалось легко, словно их нес вперед мощный поток Силы.

В какой-то момент небо над головой стало малиново-черным, песок под ногами обрел синеватый оттенок.

«Мы идем через Сумрак, — догадалась Нелли. — Какой это слой? Третий? Четвертый?»

Она никогда не бывала на такой глубине. Если бы Сердце Сумрака не берегло их с Огоньком, ледяная стихия уже вытянула бы из тел все тепло и превратила бы в застывшие статуи.

Нелли не выдержала и побежала по тропе через нагромождение скал. За спиной раздавались торопливые шаги и прерывистое дыхание мальчика. Огонек волок за собой Бальмунг, и ему приходилось нелегко.

Они выбежали на простор и замерли.

— Мама! — Огонек невольно схватил Нелли за руку.

Это снова был ее сын, а не говорящий проводник воли живого артефакта.

Медленно они пошли вперед, к широкой реке. На берегу лежала одинокая маленькая лодка. А вдалеке — на берегу противоположном — их уже ждали.

Как глубоко мы зашли? Бывал ли здесь кто-то, кроме Великих?

Берег за зеркальной гладью реки казался похожим на привычный мир наверху. Туманная равнина под бесконечной пеленой облаков, в разрывах которых осторожно проглядывало лазурное небо. Белый песок и бурый камыш. А в холмах, на заросшем осокой лугу, среди тонких шепчущихся берез — ждали тени. Десятки, сотни теней.

Огонек сел на лавку на носу лодки. Нелли принялась неумело грести, то и дело сбиваясь с курса, но упрямо выравнивая его. Толща воды под ними была непроглядно-черной, словно без дна, от ее гладкой поверхности поднимался мертвящий холод. Ни течения, ни волн, ни ряби, только следы от весел и кормы… С тихим стуком лодка ударилась о песок, и мать с сыном спрыгнули на берег.

— Матвей, — хотела крикнуть Нелли. С губ слетел лишь шепот.

Но сначала она увидела Скифа. Тень у песчаной дюны выступила из тумана и обрела знакомые черты. Он неуловимо улыбнулся, приветственно поднял руку — помолодевший и очень спокойный. Чуть позади стояла невысокая девушка с косичками. В памяти вспыхнули давние дозорные легенды о молодости шефа, и вместе с ними пришло имя его первой любви — Варя. Молодые и красивые… но что-то в их облике было не так. Словно картинки на киноэкране, а не Иные.

Конечно, они ведь не живые. Это — Элизиум, место последнего упокоения мертвых.

Нелли хотела что-то сказать, но язык отказывался повиноваться.

«Здравствуй, Герда».

Она порывисто шагнула вперед и схватила Скифа и Варю за руки. В то же мгновение теплая волна Силы прокатилась по их телам — и двое мертвых Иных вздрогнули. Краски стремительно возвращались к ним, на лицах проступило изумление.

— Живите! — приказала Нелли. Опять ей казалось, что она кричит — но с губ сорвался лишь сиплый шепот.

Скиф и Варя исчезли.

Нелли сделала всего один шаг по высокой траве

и тут же увидела их всех. Полина, Книжник, Валя, Марина и Олег, Айрат и Софи и многие другие — они стояли неподвижно и смотрели на нее. Айрат вскинул меч в древнем приветствии, и друзья поддержали его. Они расступились коридором перед Нелли — умершие давно и совсем недавно, они салютовали ей как своей королеве.

«Привет, Герда. Неужели это ты?»

Тайный Дозор! Костя, по прозвищу Байт. Квинт и Куно. Задумчиво улыбался в седую бороду Анатолий, прозванный Фрейдом. Из-за его спины выступила гибкая рыжеволосая девушка, при виде которой у Нелли едва не подкосились ноги. Рысь! На веснушчатом лице былой соперницы мелькнула тень улыбки.

«Герда, это твой сын? Похож на тебя».

Нелли побежала к ним. Она брала их за руки, одного за другим, прижимала к груди, пытаясь справиться со слезами.

— Живите! — восклицала она. — Живи, живи, живи!

Один за одним серые силуэты погибших Иных вспыхивали красками, лица прояснялись, в глазах загорался свет.

Один за одним тени их таяли в недвижном воздухе: Светлые возвращались наверх — к солнцу

и теплу, к жизни.

Все больше и больше, десятки и сотни. Все погибшие в тот день в бою на пути к Сердцу Сумрака воины Света. Она касалась каждого из них, и вскоре пальцы ее заболели — но она не остановилась. Из тумана появлялись новые и новые призрачные силуэты и тянули к ней руки с безмолвной мольбой. Нелли не отказывала никому.

— Живите! Живите все!

Сколько длилось это чудо — час, день? Она потеряла чувство времени — да и было ли оно здесь, время? Нелли призвала к себе и вернула к жизни всех, кого смогла вспомнить, и многих других. В глазах стало темнеть от мелькающих лиц и протянутых рук… и тогда она увидела Матвея.

Он стоял в одиночестве на холме — печально-задумчивый и совсем юный, с едва заметной искрой в глубине пронзительно-зеленых глаз. Таким она впервые увидела его осенью тысяча девятьсот девяносто седьмого года.

Расталкивая мертвых, Нелли подбежала к Матвею, прижалась к его груди.

— Это ты, — с легким удивлением прошептал он.

— Наконец-то я нашла тебя.

Холод. Мертвенный холод в его дыхании. Мг-

новение ужаса.

Она плакала, и горячие слезы падали Матвею на грудь — и вот его оттаявшее сердце мягко толкнулось под ее руками, застучало все быстрей, разгоняя кровь.

Ее тепло растекалось по его телу, как солнечный пожар, растопивший последние кусочки льда. Матвей пошевелился и сделал глубокий вдох.

— Где же это ты была так долго? Где был я сам? — Он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко обнял Нелли.

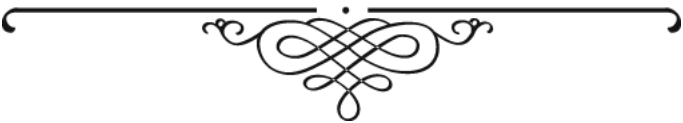
— У кота девять жизней, да?

— И каждая лучше прежней.

Горячая волна Силы подхватила их и понесла прочь, к золотому ослепительному свету в непредставимой выси. Рок, в тени которого Нелли жила почти столетие, исчез.

Сердце Сумрака исполнило ее желание в точности.

Эпилог



Москва, ЦПКиО им. М. Горького
8 сентября 2019, 10:45

— И что теперь? — говорит Линка.

— А что теперь? — переспрашивает Гесер, помешивая ложечкой чай.

— Ну как что? — Рыжие брови девушки сходятся к переносице. — Вы же обещали нас взять в Дозор, забыли?

Я бью ее под столом коленкой: полегче. Шеф Ночного Дозора невозмутимо качает головой, отпивая из пиалы зеленого чаю:

— Ничего я вам не обещал. И я никогда ничего не забываю.

Мы сидим в летнем кафе на площади с видом на реку. Гесер устроился на мягких подушках, сложив по-восточному ноги, и наслаждается поздним завтраком. Я — напротив него, с деланым спокойствием потягиваю облепиховый морс

через трубочку. К шестнадцати годам я научился скрывать эмоции лучше своей подруги. Линка же закинула ногу на ногу и поглядывает на Великого с вызовом. Поток густых и рыжих, как морковка, волос на ее плечах; хитрые зеленые глаза, кошачья грация — она совсем не похожа на ту испуганную маленькую девочку, что мы с матерью когда-то подобрали в питерском подъезде.

В утренний час в парке немного людей. Лучи яркого солнца запутались в изумрудно-желтых кронах тополей, рассыпались бликами по волнам реки. По пешеходной дорожке проносятся роллеры в цветастых шлемах и наколенниках, вдоль гранитной набережной прогуливаются редкие парочки и мамаши с колясками.

Время настало. Надо было сделать это давным-давно — что ж, лучше поздно, чем никогда. Я достаю из кармана коробку из прессованного папируса и кладу на стол.

— Борис Игнатьевич, наша семья вам кое-что должна…

Великий Светлый принимает коробочку без удивления, как будто ожидал этого; он снимает крышку и осматривает серо-желтый предмет из камня, очертаниями похожий на указательный палец.

— Книжник все равно опять воскрес, — добавляю, — а Перст Энлиля так и лежал в его могиле с девяносто восьмого года. Мать просила отнести вам.

— Хорошо, Ярослав. Передай Герде, что я прощаю ее.

— Разве еще не простили?

— Говоря официальным языком — да, реабилитировали. Но ты же понимаешь, что личное отношение неизмеримо важней.

— Борис Игнатьевич, — решаю я сменить тему, — не знаете, где сейчас Артем Локшин?

— В Бернской тюрьме Инквизиции, конечно. И выйдет не скоро. Впрочем, для него все могло кончиться куда хуже. Пожалели, учли обстоятельства.

Воробей садится на край стола, чирикает, глядя на нас наглым глазом. Я кошусь на него с подозрением — а если это шпион Завулона? Гесер бросает птице крошки.

— Что за обстоятельства? — говорю.

— Видишь ли, Ярослав, — тяжело расти ребенку, когда все вокруг знают, что тебе уготована великая судьба, и пытаются взять тебя в оборот…

— Уж мне ли не знать.

— Нет, братец. Твои родители поступили умно

— оградили тебя максимально от любых нежелательных контактов. Даже после истории с Сердцем Сумрака, когда ты уже перестал быть объектом общего интереса, а Дориан был мертв, мало что изменилось. Вы живете в загородном доме с высочайше надежной системой обороны, куда даже мне нелегко попасть. С Артемом было не так. Он подавал большие надежды еще до инициации. Был сильнейшим из четырнадцати Иных «лужниковского призыва». Мы как могли присматривали за ним, но не держать же мальчишку постоянно под домашним арестом? Все его знакомства тщательно проверялись, однако мы кое-что упустили. У него имелся сосед, старенький Инквизитор на пенсии, Карл Иванович Грау. Они иногда перекидывались парой слов во дворе, а может быть, и у него дома. Локшин рос общительным парнем и активно контактировал со взрослыми. Мы спохватились лишь годы спустя, м-да… — Гесер одним глотком допивает чай, — когда он вдруг ушел из Дозора в Инквизицию.

— Это был Завулон? Тот Карл?

— Разве же он теперь признается? Поди докажи. Старикашки след простыл. Покопавшись в памяти Артема, Инквизиция установила, что Грау сильно на мальчика повлиял. Он не мог

изменить его Светлую сущность, но нашел способ парня нейтрализовать. Исподволь внушил, что и Свет, и Тьма изначально несовершенны — а их вечная борьба разрушительна. Поселил глубоко в душе страх оказаться неправым, несправедливым. Оказавшись в Дозоре, принимая участие в оперативной работе, парень неизбежно оказывался в неоднозначных ситуациях. Стал задавать вопросы, на которые нет однозначных ответов. Дальше вы знаете.

— А моя судьба? — спрашиваю. — Признайтесь, вы вмешивались в нее?

Гесер с удивлением смотрит на меня:

— Так ты еще не догадался? Вот оно, мое вмешательство, сидит.

— Кто? Линка?

Сказать, что я ошарашен, — не сказать ничего.

Гесер быстро протягивает руку и касается ее веснушчатого лба:

— Возвращаю тебе память, девочка.

Линка растерянно хлопает ресницами.

— Вспоминай, — продолжает Борис Игнатьевич, — девятнадцатое сентября 2015 года, в Питере. Рванула сумеречная бомба, которую установил Кот. Ярик и Герда спускались по лестнице и нашли на ступенях тебя.

— То есть, — шепчет Линка, — это вы…

— Да. Это я принес тебя туда сразу после взрыва и оставил на пути у Огонька. Когда Кот ставил бомбу — он не знал, что в одной из соседних квартир живет потенциальная Иная. Никто не знал. В тот день я инкогнито прибыл в Питер, чтобы впервые посмотреть тайком на Гордеевых, — и обнаружил среди игравших во дворе детей девочку с интересной аурой. Неожиданно к дому стали стягиваться Темные. Решение нужно было принимать немедленно, и я решил втянуть тебя в эту историю. Я же потом внушил твоим родителям, что ты уехала с классом на экскурсию по Золотому кольцу. Я знал — Герда не сможет бросить в опасности маленькую девочку.

— Но… зачем? — спрашиваю я.

— Разве ты недоволен своей напарницей?

Конечно, хитрый старик эту загадку оставляет разгадывать мне. Но загадка не сложная. Без Лины я мог бы не выжить после взрыва в крепости — она поддержала меня своей толикой Силы. Или выжил бы, но не смог нанести смертельный удар Тайпану. Да и в принципе без Лины я мог бы не стать тем, кем я стал. Это соображение действует на меня вдохновляюще.

— Но мы же могли погибнуть, — напоминаю

я, — представьте, каково нам пришлось — бежать из Петербурга с малявкой на руках.

— Не забывай, Ярослав, — я кое-что умею. Например, видеть линии вероятности. Я верил, что вы выберетесь.

— Что еще вы знаете о моем будущем?

Борис Игнатьевич улыбается и не отвечает.

— Что же получается, — берет слово Линка, — Завулон вас переиграл? Все было зря?

— За днем следует ночь. Солнце садится — встает луна. А утром наоборот.

— Почему вы так не любите прямо отвечать на вопросы?

Я снова бью ее коленкой под столом: не наглей.

— Конечно же, все было не зря, — отвечает Гесер. — Во-первых, вы нашли Сердце Сумрака. Отныне его будут зорко охранять оба Дозора — и скорее всего мир Иных действительно однажды изменится. Теперь у нас есть инструмент для этого. И много времени, чтобы подумать. Во-вторых, стало ясно, что Инквизиция в таком виде больше существовать не может. Если один ее сотрудник способен поставить под угрозу все мироустройство — что-то в ее структуре неправильно. Многие руководители Инквизиции после этой истории

лишились своих постов, а некоторые заключенные из Бернской тюрьмы вышли на свободу, в том числе те, что провели там века. Страж тюрьмы и вовсе исчез. В Инквизицию потекла новая, молодая кровь.

Мы молчим, глядя на купающихся в луже на площади воробьев. Из динамиков на столбах льется тихая музыка.

— Отец считает, — не удерживаюсь я, — что вам в принципе нельзя верить. Что, возможно, вы с Завулоном все спланировали с самого начала и разыграли ради каких-то своих целей, о которых нам никогда не узнать.

Гесер смеется в голос. Мы с Линкой смеемся в ответ. Мы хохочем как дети и официантка смотрит на нас с подозрением.

— Отец рассказывал, — продолжаю я, — что вы даже Скифа когда-то провели. Была какая-то история вокруг Темного колдуна с Кубы, лет шестьдесят назад, и колдун вас якобы где-то держал в плену много дней… а на самом деле вы просто хотели, чтобы вас считали пропавшим.

— Мальчик мой, — прячет улыбку Гесер, — зная все это — ты по-прежнему хочешь в Ночной Дозор?

Ответ у меня давно заготовлен:

— Конечно. Жизнь — это маленький комочек света и тепла в море холода и тьмы. Если ее не оберегать, холод и тьма однажды окажутся сильнее, и свет погаснет.

Борис Игнатьевич не отвечает. Мне кажется, я могу слышать, как напряженно работает его мозг. А если это и в самом деле только игра с его стороны? Знала бы мама, где мы сейчас и с кем беседуем да о чем. Вот бы нам влетело. Свет и Тьма! Разве я уже не взрослый — и не могу выбирать, с кем позавтракать в парке Горького?

— Как поживает Яна, кстати? — спрашивает Гесер.

— Она теперь часто гостит в нашем доме, вместе с сыном — пока Скиф путешествует по делам. Мама столько лет боялась ее пророчеств, а теперь они не разлей вода, почти как сестры.

— Их с Андреем сын — Иной?

— Сашка? Обычный мальчишка шести лет.

— Это тоже судьба. Если на долю родителей выпадает слишком много невзгод — на детях она отдыхает. Ты сберег подарок Скифа?

— Не то чтобы это подарок. Я забрал его тогда, в крепости… но потом он сказал, что раз уж я вынес Бальмунг с поля боя — значит он стал моим по праву.

— Очень ценное оружие, береги его… Так что там Яна?

— А, вы про предсказания. Нет, она своим даром больше не пользуется. Говорит, что раньше у нее и жизни-то нормальной не было. Все из-за дара проклятого. Кстати, она очень рада, что Сашка — не Иной и никогда не свяжется с Дозорами.

Борис Игнатьевич понимающе кивает:

— А твоя мать? Что она думает о будущем сына?

Я пожимаю плечами:

— При чем здесь мать? Я уже взрослый и сам решаю.

— И все же.

— Она знает, что отговаривать меня нет смысла. Наследственность.

Гесер задумчиво жует кусочек рахат-лукума.

— Герда мне этого не простит, — говорит он после долгой паузы.

— Только не говорите, что вы ее боитесь! — возмущенно восклицает Линка.

— А ну, цыц. Несовершеннолетним слова не давали.

— При чем здесь вообще возраст? — мгновенно краснеет девушка.

— При том, что несовершеннолетних мы в

Дозор стараемся не принимать. Но для тебя придется сделать исключение.

Я вскакиваю на ноги:

— Вы не шутите? Берете нас в Дозор?

Гесер поднимает руки:

— Ну а что еще прикажете с вами делать… Однако ты же понимаешь, мой мальчик, — учитывая родство с Великим магистром тамплиеров, нельзя афишировать твое участие в нашей структуре. Слишком многие в Ночном Дозоре после той истории считают тебя и Герду предателями — хоть она и вернула к жизни столько Светлых и даже одну Темную. Упустила исторический шанс на победу, сумасшедшая… так говорят. От родителей, конечно, не скрыть, но их я уговорю. А больше — никому.

— Само собой! Спасибо большое, Борис Игнатьевич.

— Не пори горячку и в первую очередь научись держать все в секрете. Тебя, Лина, это тоже касается. Инквизиция сейчас в стадии перестройки, им особо не до нас. Самое время подумать о будущем. Война вечна — а жизнь быстротечна. Как показывает многолетний опыт, Дозору необходимо некое подразделение, действующее без огласки. Займись его формированием, Ярослав.

Один боец, — он кивает на широко улыбающуюся девчонку, — у тебя уже есть. Набери пять-шесть ребят, главное, не из болтливых, а боевую подготовку я обеспечу. Понадобятся кодовые имена, секретный штаб и прочее. Не спеши, придумай правдоподобную легенду. Задача ясна?

Мы с Линкой переглядываемся и бьем ладонью о ладонь.

— Все ясно, Борис Игнатьевич, — говорю.

— Добро. Выполняй, дозорный.

Теплое сентябрьское солнце карабкается к зениту, заливая ярким светом город. Золотые листья кленов на дорожке парка устилают наш путь в будущее. Я сжимаю в своей руке ладонь подруги. Костяшки наших пальцев отбиты на тренировках до мозолей. На моей ладони тонкий шрам — память о Сердце Сумрака.

— У кота девять жизней, да? — улыбается Линка.

— И каждая лучше прежней.

— Нужны кодовые имена, — напоминает она. — Будешь Батоном? Или Ловкачом?

— Теперь я твой шеф, кстати. А тебе придется научиться выполнять приказы.

Она хитро стреляет глазами, но молчит. Я привлекаю ее к себе и целую в краешек губ.

— Линка… Что такое, по-твоему, Дозоры?

— Как что, — она смотрит с удивлением, — это воплощение Изначальных Сил. Совершенное воплощение.

Я качаю головой:

— Дозоры — это игра на всю жизнь. По всему миру. Не стрелялка в смартфоне или бильярд какой-нибудь. Это вроде шахмат, только гораздо сложнее — и фигур много, и ходят они очень хитро. Нас с тобой в нее только что приняли, пока пешками, но кто знает, кем мы станем.

— Я не хочу быть пешкой. — Линка прищуривается всеми своими веснушками и становится похожей на лисенка.

— И я не хочу. Я хочу играть… и выигрывать.

— Нельзя выигрывать во всем. Даже у Гесера не получается.

— Знаю, — говорю я, — конечно же, знаю. Но все равно этого так хочется.

Сентябрь 2018 – май 2019

Москва – Севастополь – Вена – Обнинск